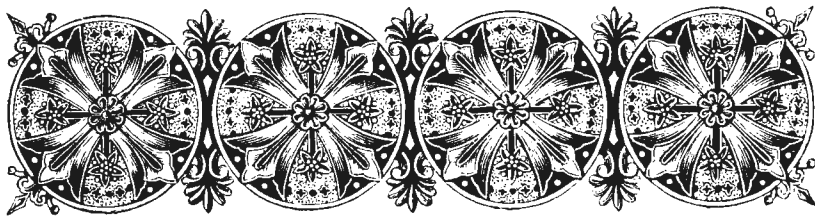

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ
ЮЛЬ, 1898.

ПАМИРСКІЙ ПОХОДЪ.

(Воспоминанія очевидца).

1.

ВЪ НАЧАЛѢ 1892 года, одна за другою стали приходять въ г. Маргеланъ тревожныя вѣсти съ нашей кашгаро-афганской пограничной линіи. Консулъ Кашгара, Петровскій, сообщалъ о враждебномъ настроеніи, развившемся за послѣднее время, противъ нашихъ подданныхъ, между китайцами, а изъ Памирскихъ ханствъ все чаще и чаще стали появляться бѣглецы, которые рассказывали о необыкновенномъ варварствѣ афганцевъ, о насиліяхъ ихъ надъ таджикскимъ населеніемъ Памирскихъ ханствъ и умоляли военнаго губернатора Ферганской области, чтобы онъ ходатайствовалъ передъ государемъ императоромъ о принятіи ихъ въ русское подданство.

Одного изъ такихъ несчастныхъ я разспрашивалъ о причинахъ тѣхъ бѣдствій, которыя постигли его отечество.

— О таксырь ¹⁾!—говорилъ онъ:—вы себѣ и представить не можете, что переносимъ мы отъ этихъ варваровъ (афганцевъ). Это—лютые звѣри, которые жгутъ наши дома, убиваютъ дѣтей и насилуютъ женъ, и мы теперь лишены возможности оградить свои семейства отъ такого великаго несчастія...

¹⁾ Таксырь — ваше благородіе.

У таджика текли слезы. Видъ его былъ ужасенъ. Какіе-то старые лохмотья болтались на плечахъ вмѣсто халата, и сквозь нихъ проглядывало бронзовое, запыленное тѣло. Черная борода, усы и нависшія брови были всклоочены и казались сѣрыми отъ густаго слоя пыли, а его босыя ноги, совершившія дальнюю дорогу, были покрыты какъ бы сплошною одеревенѣлою корою. И это былъ не простой таджикъ, это былъ родственникъ правителя Шугнана, за голову котораго афганцы назначили плату, и вотъ онъ бѣжалъ оттуда, надѣясь найти убѣжище въ предѣлахъ Россіи.

Конечно, я не упустилъ случая, чтобы не побесѣдовать съ этимъ несчастнымъ шугнанцемъ. Пригласивъ его къ себѣ, напоилъ чаемъ и приказалъ своему малайкѣ ¹⁾ готовить пловъ, а самъ, усадивъ на террасѣ моего гостя, началъ съ нимъ бесѣду.

— Скажите, пожалуйста, что же послужило поводомъ къ подобному варварству афганцевъ? Вѣдь ни съ того ни съ сего не пришли же они и не стали бить васъ ради своего удовольствія—вѣроятно, была какая либо причина къ тому?—спросилъ я его:—вѣдь раньше же вы были подъ игомъ афганцевъ, и они нисколько не обижали вашего населенія?

— Нѣтъ, тюр, — возразилъ мнѣ таджикъ, — никогда мы не принадлежали афганцамъ. Еще съ незапамятнаго времени мы почитали кокандскихъ хановъ и платили имъ подати, для чего къ намъ пріѣзжали изъ Коканда серкеры; позднѣе наши правители правили уже совершенно самостоятельно. Но вотъ въ 1862 г. явились афганцы во главѣ съ эмиромъ Достъ-Магометомъ, и памирскія ханства пали, несмотря на геройскую защиту жителей. Вотъ такимъ образомъ до 1888 года мы находились въ полномъ рабствѣ у афганцевъ и терпѣливо переносили это бѣдствіе, посланное на насъ Аллахомъ за грѣхи наши. Но вотъ въ Афганистанѣ вспыхнуло возстаніе. Братъ эмира Абдурахмана, Исхакъ, отложился и пошелъ со своими приверженцами на эмира. Пользуясь этимъ смутнымъ временемъ, правители Шугнана, Рошана и Бадахшана, а также Вахана, скрывавшіеся въ предѣлахъ Бухары, водворились на своихъ престолахъ и рѣшили удержать свою независимость, но, увы, силы нашихъ были ничтожны сравнительно съ войсками Абдурахмана. Въ короткій срокъ мы были разбиты, имущество наше сожжено, а жены и дѣти отведены въ Афганистанъ, гдѣ и проданы въ рабство. Большинство изъ уцѣлѣвшихъ бросились въ Россію и Китай чрезъ суровый Памиръ, гдѣ многіе погибли отъ голода и морозовъ, а другіе попались въ руки памирскаго разбойника Сахипъ-Назара, которымъ были выданы афганцамъ, и только нѣкоторымъ удалось благополучно добраться до Ферганской области. Я участвовалъ въ защитѣ своего отечества и командовалъ коннымъ отрядомъ, но хорошо со-

¹⁾ Малайка — слуга сартъ.

знавалъ, что сопротивленіе напрасно. Афганцы завоевали мое отечество, ввели въ немъ свои порядки и законы и поставили войска, которыя дѣлають безнаказанно, что хотятъ. Вотъ, у меня, напри-мѣръ, афганскій маджиръ взялъ себѣ двухъ дочерей, а жену мою, которая защищала своихъ дѣвочекъ, приказалъ зарѣзать. Обрадовались мы, когда въ прошломъ году на Памирѣ появился русскій полковникъ съ отрядомъ ¹⁾, думали мы, что русскіе, видя наше бѣдственное положеніе, рѣшили заступиться за угнетенныхъ таджиковъ, и вотъ мы въ одну ночь 10 іюля, когда отрядъ стоялъ на границѣ Шугнана, вырѣзали всѣхъ афганцевъ съ ихъ солдатами и офицерами, жившихъ въ нашемъ ханствѣ. Афганцы опасались тогда мстить намъ за смерть своихъ соплеменниковъ, они думали, какъ и мы, что русскій отрядъ двигается для нашего освобожденія, но мы ошиблись. Отрядъ ушелъ, и какъ только узнали объ этомъ афганцы, то съ неистовымъ ожесточеніемъ бросились на таджиковъ, и кровь рѣкою полилась по долинѣ рѣки Бортанга. И вотъ сотни таджикскихъ семействъ бѣгутъ теперь въ Россію, просятъ заступничества Акъ-Паши (Бѣлаго Царя).

Разсказчикъ глубоко вздохнулъ и поправилъ свалившійся съ плечъ ободранный халатъ, причемъ грудь его и правая рука оголились. Я съ удовольствіемъ разсматривалъ его богатырскіе мускулы и широкую, выпуклую грудь, на которой виднѣлись двѣ большія бѣлыя круглыя мѣтки, величиною въ копейку, рѣзко выдѣлявшіяся на бронзовомъ фонѣ тѣла.

— Что это такое?—спросилъ я таджика.

Онъ опустилъ свою голову, какъ бы желая взглянуть на то, о чемъ я спрашивалъ, и, ткнувъ пальцемъ въ одинъ изъ знаковъ, вскинулъ на меня своими огромными глазами, въ которыхъ вдругъ вспыхнулъ злобный огонекъ, и сказалъ:

— Это? это—афганскія пули, которыя я получилъ въ 1888 году. А знаешь, тюра,—вдругъ сказалъ онъ:—вѣдь я мертвецъ!..

— Что?—удивленно спросилъ я и подумалъ, что имѣю дѣло съ человѣкомъ ненормальнымъ. Между тѣмъ мой собесѣдникъ продолжалъ: «Да, я мертвецъ, и всѣ меня зовутъ «Юсуфъ мертвецъ». Я умеръ, лежалъ въ землѣ похороненнымъ, и вотъ я живой, но я мертвецъ и самъ мулла Ахматъ мнѣ сказалъ, что я уже умеръ однажды и на всю жизнь останусь мертвецомъ!»

Я положительно недоумѣвалъ, имѣю ли я дѣло съ сумасшедшимъ или съ человѣкомъ, съ которымъ въ жизни былъ какойнибудь особенный случай, заставившій его глубоко увѣровать въ дѣйствительность своихъ словъ, тѣмъ болѣе, что онъ принадлежалъ къ числу фанатиковъ, исповѣдающихъ исламъ.

¹⁾ Рекогносцировка Іюнова 1891 г.

Подали пловъ, и мой голодный собесѣдникъ началъ жадно уничтожать его, запихивая въ ротъ рукою жирныя крупинки риса.

Я не мѣшалъ ему и во время ѣды не задавалъ вопросовъ, такъ какъ онъ, какъ бы боясь, что отъ него отнимутъ вкусное кушанье, ужасно торопился поскорѣе наполнить свой желудокъ. Но вотъ пловъ съѣденъ. Юсуфъ по мусульманскому обычаю громко рыгнулъ и, проговоривъ свое «Алла-Акбаръ!», вытеръ о край рубища жирные пальцы и обратился ко мнѣ.

— Если тюра захочетъ, то я ему расскажу, какъ это со мною случилось.

— Конечно, конечно, рассказывайте, — заявилъ я, — даже очень хочу.

— Ну, такъ слушай, таксыръ. Это было въ 1888 году, когда я вмѣстѣ съ своими соотечественниками возсталъ противъ афганцевъ. Сеидъ-Акбаръ-Ша, правитель Шугнана, мой родной дядя, собралъ всѣхъ способныхъ носить оружіе таджиковъ и укрѣпился въ крѣпости Кала-и-Вамаръ. Это была послѣдняя попытка прогнать афганцевъ. Три раза атаковали войска Абдурахмана нашу крѣпость, три раза геройски отбивали мы афганцевъ, но въ концѣ концовъ не выдержали. Крѣпость пала, а съ нею пало и наше отечество. Въ самый моментъ третьей атаки я съ шашкой въ рукѣ стоялъ на валу и готовился вмѣстѣ съ моими собратьями броситься на налѣзавшихъ на насъ афганцевъ, какъ вдругъ что-то толкнуло меня въ грудь, и мнѣ показалось, что я отдѣлился отъ земли и сталъ подниматься все выше и выше... Когда я очнулся, то увидѣлъ себя въ какой-то темной саклѣ. Въ груди моей была такая боль, что я захотѣлъ кричать, но языкъ мой не повиновался моему желанію, и мнѣ казалось, что онъ былъ обмотанъ сухою тряпкой. Я сдѣлалъ усиліе и пошевелился. Вдругъ мнѣ показалось, что кто-то подошелъ ко мнѣ, но въ темнотѣ я не могъ ничего различить и только слышалъ, что въ саклѣ кто-то шептался. Я собралъ всѣ свои силы и спросилъ, кто тутъ. Но даже самъ испугался. Вмѣсто словъ у меня изъ груди вырвался какой-то ужасный стонъ. Чрезъ нѣсколько мгновеній кто-то вошелъ съ чирикомъ, и я увидѣлъ мою жену Хайру и старшую дочь. Тутъ только я сталъ припоминать, что былъ въ крѣпости, и догадался, что я раненъ. Грудь сильно болѣла, а въ ушахъ стоялъ шумъ.

— Долго я лежалъ въ такомъ состояніи. Каждый день приходилъ ко мнѣ абибъ ¹⁾, мылъ раны и мазалъ ихъ мазью, и также мулла, который читалъ надо мною коранъ. Я ужасно любилъ слушать его чтеніе, и особенно когда онъ читалъ про то, что убитые на войнѣ за вѣру и отечество наслѣдуютъ рай Магомета, и мнѣ тогда становилось досадно, отчего меня не убили. Гораздо же лучше наслас-

¹⁾ Абибъ—туземный докторъ.

ждать блаженствомъ въ райскихъ садахъ пророка, чѣмъ лежать въ темной грязной саклѣ, подъ страхомъ быть добытымъ афганцами. Однако съ каждымъ днемъ мнѣ становилось легче, и я уже началъ садиться. Одинъ за другимъ начали навѣщать меня друзья и знакомые, и я узнавалъ отъ нихъ о томъ, что постигло мое отечество. Кровью обливалось мое сердце, когда кто нибудь изъ нихъ рассказывалъ мнѣ о варварствѣ афганцевъ, и тогда все существо мое наполнялось местию, и я въ безсильной злобѣ скрежеталъ зубами и до крови кусалъ губы.

— Вдругъ со мной случилось что-то ужасное,—я умеръ!.. Да, тюра,—сказалъ онъ, видя улыбку, мелькнувшую на моихъ губахъ,—да, я умеръ и умеръ самымъ настоящимъ образомъ, какъ умираютъ люди. Я поѣлъ плову и легъ спать—и вотъ я почувствовалъ, что умеръ. Я хотѣлъ подняться, но члены мои не слушались, я хотѣлъ пощупать себя, но пальцы оставались неподвижны и будто приросли къ моему окостенѣвшему тѣлу, я широко открылъ глаза, но было темно, и мнѣ показалось, что вѣки мои не поднялись. Я испытывалъ какое-то необыкновенное спокойствіе, и смерть мнѣ не представлялась больше такою ужасною, какою я рисовалъ ее себѣ въ дни моей жизни. Я началъ молиться Аллаху и ждалъ, что вотъ-вотъ явится великій пророкъ и скажетъ мнѣ: «Встань, Юсуфъ, и иди за мной въ уготованное тебѣ мѣсто, гдѣ ожидаетъ тебя вѣчное блаженство и радость—наслаждайся прелестями райскихъ садовъ, достойный воинъ!» но никого не появлялось; все было тихо, а я попрежнему лежалъ, не будучи въ состояніи шевельнуться. Тогда я сталъ думать, что я еще не умеръ по-настоящему, а только начинаю умирать.

— Удивительное дѣло, тюра, что мнѣ вовсе не было страшно, я былъ въ состояніи какого-то безразличія. Вдругъ я почувствовалъ, что меня кто-то толкаетъ и зоветъ по имени,—я подумалъ, что это пророкъ пришелъ за мною, но узнать голосъ жены моей Хайры, которая вдругъ страшно завывала и повалилась на мою грудь; мнѣ стало очень неудобно. Хайра была полная женщина и сильно давила меня. Я хотѣлъ крикнуть ей и не могъ. Тогда собралось въ саклю множество народа, пришли плакальщицы и стали плакать, а мулла, часто наставлявшій меня и читавшій мнѣ о загробной жизни, началъ свое чтеніе. Какой же мертвый, подумалъ я, когда я все слышу и чувствую, и когда пророкъ не пришелъ за мной. Впрочемъ, можетъ быть, такъ и всѣ люди умираютъ; съ того свѣта вѣдь никто еще не возвращался. Наконецъ, меня закутали въ мату, положили на носилки и понесли на кладбище, такъ я тогда подумалъ. Тутъ мнѣ стало немного страшно: я видѣлъ, какъ хоронятъ нашихъ таджиковъ, какъ бывало принесутъ мертвеца къ оградѣ кладбища и выбросятъ его черезъ нее, а уже потомъ мулла и ишанъ кладутъ трушъ въ приготовленный склепъ (таджиковъ всѣхъ хоронятъ въ

склепахъ) и только слегка замуруютъ отверстіе, а черезъ 5 дней задѣлываютъ окончательно и ставятъ памятникъ.

— А мнѣ, должно быть, хорошій памятникъ поставили,—подумалъ я,—вѣдь я умеръ за свою вѣру и отечество.

— Вдругъ я почувствовалъ, что носилки сильно качнулись, и я полетѣлъ съ нихъ куда-то въ пропасть и ударился о камни... Тутъ я уже болѣе не помнилъ ничего.

— Когда я очнулся, мнѣ показалось, что я лежу опять въ моей саклѣ. Я попробовалъ пошевелить рукой и даже вздрогнулъ, рука поднялась, я пошевелилъ ногою, и она тоже безпрекословно повиновалась моей волѣ. Я поднялся и сѣлъ. Кругомъ было темно. Ужъ не сонъ ли все это было, подумалъ я и громко крикнулъ: «Хайра!» Глухой звукъ моего же голоса оглушилъ мои уши. Я ужасно испугался и понялъ, что я нахожусь въ склепѣ. Я зналъ, что въ теченіе трехъ и даже пяти дней склепъ не задѣлывается накрѣпко, да и глина не успѣваетъ просохнуть, и сталъ шарить руками, силясь подняться изъ ямы и затѣмъ найти выходное отверстіе. Воздуху было достаточно, и только холодъ пронизывалъ меня насквозь. Мысль о смерти уже совершенно оставила меня, а надежда на освобожденіе придавала мнѣ энергію. Я шарилъ по всѣмъ стѣнамъ моей могилы и вдругъ наткнулся на мягкій слой глины. Я сталъ сильно толкать его руками, раскапывать, и вдругъ струя воздуха вмѣстѣ съ серебристымъ лучомъ свѣта ворвалась въ мою темницу. Я расширилъ отверстіе и вылѣзъ. Кругомъ было тихо. Памятники, освѣщенные луною, мрачно смотрѣли на меня. Я взглянулъ на свою могилу, она черною дырою глядѣла мнѣ во слѣдъ, какъ бы желая снова поглотить меня въ свою мрачную тѣнь. Мнѣ вдругъ стало такъ страшно, что я бросился бѣжать. Одежды на мнѣ не было никакой, а мата осталась въ могилѣ; я, дрожа всѣмъ тѣломъ отъ холода, бѣжалъ прямо къ моей саклѣ. Всѣ спали крѣпкимъ сномъ, когда я постучался. «Кальтакъ», моя собака, громко залаяла на стукъ. Я назвалъ ее по имени, и она, перескочивъ черезъ заборъ, стала выть и ласкаться ко мнѣ. Я снова началъ стучать.

— Кимъ?—раздался испуганный голосъ Хайры.

— Это я, Юсуфъ,—отвѣтилъ я.

— !хъ, Алла Акбаръ!—завизжала моя жена и бросилась назадъ; я услышалъ, какъ за нею заперлась дверь.

Я перелѣзъ черезъ заборъ и началъ проситься въ саклю: я изнемогалъ отъ холода и, кромѣ того, ощущалъ страшный голодъ.

— Уйди, уйди въ свою могилу,—кричала мнѣ жена,—уйди, заклиная тебя Магометомъ.

Дѣвочки ревѣли. Я не зналъ, что мнѣ дѣлать.

Пошелъ я было къ Маюнусу, моему хорошему другу, но и онъ страшно испугался и изъ сакли заклиналъ Аллахомъ, чтобы я ушелъ въ свою могилу. У него на дворѣ я увидѣлъ старый халатъ и на-

дѣлъ его. Такимъ образомъ я дождался утра и пошелъ на базаръ, думая тамъ у знакомыхъ лавочниковъ напиться чаю, но при появленіи моемъ всѣ съ искаженнымъ страхомъ лицомъ бросались прочь, оставивъ свои лавки. Томимый голодомъ и жаждою, я самъ сѣлъ къ чай-ханѣ и налилъ чаю. Это подбодрило меня, а лепешка утолила голодъ. Въ это время ко мнѣ приближалось цѣлое шествіе.

Впереди шелъ мулла съ кораномъ, а сзади его много народу съ кольями и пашками. Мулла, не дойдя нѣсколькихъ шаговъ, высоко поднялъ коранъ и началъ читать закліятіе.

Я склонился на колѣни и прочелъ молитву.

Долго не рѣшался мулла подойти ко мнѣ, но наконецъ, видя передъ собою живого человѣка, приблизился и назвалъ меня по имени. Я отвѣтилъ ему: «да, это я Юсуфъ-Али, который вышелъ изъ могилы». Мулла велѣлъ мнѣ подать чашку чаю, но такъ какъ никто не хотѣлъ поднести ее мнѣ, то я самъ пошелъ, налилъ чаю и принесъ его муллѣ.

— Пей!—сказалъ мулла.

Я выпилъ чай.

Послѣ этого мулла ближе подошелъ ко мнѣ и, прочитавъ молитву, сказалъ:

— Живи, Юсуфъ, но ты будешь жить мертвецомъ!—и потомъ, обернувшись къ народу, сказалъ:—правовѣрные, вотъ Юсуфъ, которому Аллахъ сподобилъ продлить жизнь его и послѣ смерти. Великій грѣхъ падеть на того, кто посмѣетъ убить его, такъ какъ все равно Аллахъ не пошлетъ смерти «живому мертвецу»! Послѣ этого я пришелъ домой. Сначала всѣ боялись меня и сторонились, а потомъ и привыкли. Вотъ я съ тѣхъ поръ и «живой мертвецъ» — такъ это прозвище за мною и осталось. Такую благодать послалъ мнѣ Аллахъ за мою вѣрность вѣрѣ и страданія за родину,—сказалъ рассказчикъ,—и теперь, когда я умру во второй разъ, Великій Пророкъ меня прямо возьметъ на лоно свое — мнѣ объ этомъ сказалъ нашъ святой Хазретъ-Ишанъ,—добавилъ онъ.

Я былъ пораженъ слышаннымъ рассказомъ тѣмъ болѣе, что неправдоподобнаго тутъ ничего не было.

— А знаешь что, тюрка? Вѣдь скоро походъ будетъ.

— Почему ты думаешь?

— А потому, что если теперь Акъ-Паша не захочетъ прогнать афганцевъ, то потомъ трудно будетъ. Инглизъ (англичанинъ) очень имъ помогаетъ и оружіе даетъ и денегъ много даетъ. Ой, какъ много!— При этомъ мой собесѣдникъ покачалъ головой.

— Ну, прощай, таксырь,—сказалъ онъ, вставая и протягивая мнѣ руки.—Аллахъ да воздастъ тебѣ за то, что пріютилъ несчастнаго.

Я простился съ Юсуфомъ и при разставаньи предложилъ ему денегъ.

— Спасибо, таксырь, биръ кагазъ (рублевую бумажку) возьму, а больше не надо.

Мы разстались, и съ тѣхъ поръ я его уже не видѣлъ. Слышалъ я потомъ, что онъ поселился въ кишлакъ Кара-тепе, куда перебрались и прочіе бѣжавшіе таджики, что онъ всеми уважаемъ и любимъ и попрежнему сохранилъ свое прозвище «живого мертвеца».

II.

— Поздравляю васъ съ новостью!—остановилъ меня на Маргеланскомъ бульварѣ мой пріятель, поручикъ Б.

— Съ какою?

— Идемъ въ походъ. Я только что былъ въ штабѣ, и при мнѣ была получена телеграмма,—сказалъ онъ.

— Да вы не шутите?—спросилъ я.

— Какія же шутки, я самъ читалъ телеграмму и даже знаю нѣкоторыя подробности,—и онъ сталъ посвящать меня въ «пріятную новость».

— Во-первыхъ, приказано приготовиться къ походу на Памиръ 2-му Туркестанскому линейному баталіону такимъ образомъ, чтобы изъ всего числа своихъ людей онъ составилъ 1 полубаталіонъ, а другой полубаталіонъ скомплектовать изъ охотничьихъ командъ всѣхъ баталіоновъ Ферганской области; затѣмъ, во-вторыхъ, поидетъ конногорная батарея, казачій № 6 Оренбургскій полкъ и саперная команда, а также телеграфисты военного телеграфнаго парка. Итакъ мы идемъ въ походъ. Положительно радостное извѣстіе; ужъ засидѣлись мы, пора и пороху понюхать, ну, до свиданья,—онъ торопливо пожалъ мнѣ руку и направился дальше, вѣроятно, чтобы скорѣе подѣлиться еще съ кѣмъ нибудь свѣжею новостью.

Заинтересовавшись этимъ извѣстіемъ, я зашелъ къ своему знакомому, офицеру генеральнаго штаба Г., которому должно было быть извѣстно подробнѣе о предполагаемомъ походѣ.

— А!—радостнымъ возгласомъ встрѣтилъ меня Г.—Ну, что, слышали новость?—и при этомъ бросилъ на меня пытливый взоръ, въ которомъ я прочелъ большое желаніе подѣлиться со мною новинкой.

Чтобы доставить хозяину это удовольствіе, я притворился, что ничего не знаю.

— Какую новость?—спросилъ я.

— Ну, такъ и быть, вамъ я скажу, но смотрите, это по секрету. Ни слова никому, пожалуйста.

— Будьте покойны.

— Видите ли, получена телеграмма. Мы идемъ въ походъ!—Затѣмъ онъ передалъ мнѣ уже слышанное мною отъ Б., но, кромѣ того, сообщилъ и то, что больше всего интересовало меня, именно причины, вызвавшія необходимость двинуть войска на Памиръ, и наконецъ и самую цѣль похода.

— Видите ли,—началъ онъ,—афганцы нарушили наши договоры

о границахъ и выставили свои посты далеко за пограничную линію на нашу территорію. Подстрекаемые англичанами, они заняли Кафиристанъ и Канджуть, а, кромѣ того, владѣютъ совершенно незаконно, никогда не принадлежавшими имъ, ханствами: Шугнаномъ, Рошаномъ и Ваханомъ, насилуютъ населеніе и угоняютъ къ себѣ русскихъ подданныхъ. Китайцы со стороны Кашгарской границы также производятъ безпорядки на Памирѣ и даже грозили поручику Бржезицкому, работавшему на Мусъ-Куль, смертью. Да, кстати, расскажу я вамъ эпизодъ съ этимъ офицеромъ; преуморительный случай! Бржезицкій, какъ вы навѣрно и сами знаете, работалъ на Памирѣ, около Мусъ-Куля (ледяного озера) въ этомъ году, производя маршрутные съемки, какъ вдругъ откуда-то появились китайцы въ количествѣ трехъ лялезъ (эскадроновъ). Ихъ мандаринъ, Джанъ, заставилъ поручика оставить работы и уйти съ Памира, мотивируя свое требованіе тѣмъ, что они не могутъ допустить русскаго офицера производить съемку китайской территоріи. Какъ ни убѣждалъ ихъ Бржезицкій, что это земля наша, ничто не помогло, и ему пришлось ретироваться. Время приближалось къ зимѣ, и перевалы одинъ за другимъ закрывались, т. е. заваливались снѣгомъ, однако поручикъ добрался до озера Кара-Куля, гдѣ ожидать его казачій офицеръ съ полусотнею оренбургцевъ. Но работа была спѣшная, и ее во что бы то ни стало надо было закончить. Тогда оба офицера съ казаками отправились на Мусъ-Куль съ намѣреніемъ прогнать китайцевъ. Выпалъ глубокій снѣгъ, и для того, чтобы по нѣкоторымъ мѣстамъ провести лошадей, казакамъ приходилось настилать на рыхлый снѣгъ кошмы и шинели. Въ теченіе трехъ дней мучились они съ такими тяжелыми переходами черезъ перевалъ Кизиль-Артъ (14.000 ф.) и наконецъ спустились въ долину Мусъ-Куля. Между тѣмъ, китайцы, довольные тѣмъ, что прогнали русскаго офицера, спокойно жили въ киргизскихъ кибиткахъ и грѣлись у костровъ, какъ вдругъ казаки ударили на нихъ въ нагайки, и перепуганные слуги богдыхана не только не защищались, а покорно ложились подъ нагайки казаковъ. Когда пересѣкли поголовно всѣхъ китайцевъ, дошла очередь и до ихъ генерала. Какъ ни протестовалъ мандаринъ противъ подобной расправы, указывая на свой шарикъ и павлинье перо, однако пятьдесятъ ударовъ ему были отсчитаны, и затѣмъ вся его армія, позорно изгнанная съ Мусъ-Куля, отправилась черезъ перевалъ Акъ-Берды восвояси. Ну, и надѣлалъ же поручикъ работы и хлопотъ дипломатамъ. Говорятъ, такая переписка возникла, что, пожалуй, его не погладятъ по головѣ, а все же молодецъ Бржезицкій, хорошо проучилъ китайцевъ! Ха-ха-ха!..

— Но позвольте, — сказалъ я Г—му, выслушавъ его рассказъ: — вы начали о походѣ и не договорили. Скажите, пожалуйста, какая же цѣль-то похода? — спросилъ я.

— Цѣль?—а вотъ какая.—Онъ пошелъ въ другую комнату и принесъ послѣднюю карту Памира и прилежащихъ къ нему ханствъ.

— Видите,—сказалъ онъ,—предполагають занять, во-первыхъ, Памиры, а, во-вторыхъ, вотъ все это пространство,—проведъ онъ линію пальцемъ по картѣ, захвативъ ханства Шугнанъ, Ропанъ и Ваханъ,—такимъ образомъ, чтобы нашею естественною границею съ Индіей былъ хребетъ Гиндукушъ. Кромѣ того, положеніе таджиковъ, заселяющихъ памирскія ханства, ужасно. Вѣдь афганцы хуже истязаютъ ихъ, чѣмъ турки сербовъ и болгаръ, въ 1877 году; пора нашему правительству и вступить за несчастныхъ, которые, по праву, наши подданные и терпятъ чортъ знаетъ что отъ афганцевъ.

И вспомнилъ пророчество Юсуфа—онъ былъ правъ. Поблагодаривъ любезнаго Г., который просилъ меня держать все рассказанное имъ въ секретѣ, я пошелъ домой, гдѣ вслѣдъ затѣмъ мнѣ передали записку. «Голубчикъ,—писалъ мнѣ В.,—я сообщилъ сегодня вамъ о походѣ, но забылъ предупредить васъ, что это пока секретъ, пожалуйста, никому не сообщайте о слышанномъ. Вашъ В.»

Въ этотъ же вечеръ въ городѣ всѣ уже говорили о предстоящемъ походѣ.

III.

Вездѣ только и рѣчи, что о походѣ, о теплушкахъ, тулупахъ и неприкосновенномъ запасѣ. Завѣдующіе хозяйствомъ съ утра до ночи не вылѣзаютъ изъ канцелярій, дѣлопроизводители по хозяйственной части просто потеряли голову. Всѣ хлопочутъ. Ротные командиры выбираютъ людей и посылаютъ ихъ на испытаніе во 2-й баталіонъ, гдѣ докторъ осматриваетъ ихъ и или бракуетъ или записываетъ въ списки: «годенъ». Въмѣсто забракованныхъ присылаются другіе.

Солдаты покорно идутъ, и только немногіе изъ нихъ ропщутъ на долгія приготовленія.

— И чего, право, гоняютъ только зря,—ворчали нѣкоторые,—хуже, чѣмъ на службѣ, измаяли: все смотры да смотры...

И дѣйствительно, чуть ли не два раза въ день производились различные смотры разными лицами, и солдатъ за нѣсколько верстъ для этого гоняли въ полковой походной аммуниціи.

— Ужъ скорѣе бы выступить,—ворчали солдаты.—Кй-ей, надоѣло.

Вотъ фельдфебель осматриваетъ одѣтую въ аммуницію роту и поправляетъ рѣзкимъ порывистымъ движеніемъ неправильно скатанную шинель рядового.

— Ишь вѣдь, чортъ, словно баба, шинель скаталъ—иди, перекатай!—грозно обращается онъ къ солдату, и тотъ, повернувшись кругомъ, бѣжитъ исполнять приказаніе начальника.

— Ну, вольно, ребята, оправиться!—командуетъ фельдфебель, и

начинается кашлянье, сморканье, и солдатскія остроты сыплются со всѣхъ концовъ роты.

— А куды это мы пойдѣмъ, г. фельдфебель?—улыбаясь во весь ротъ, заискивающимъ тономъ спрашиваетъ одинъ изъ солдатъ «хозяина роты».

— А куды поведутъ, туды и пойдешь,—отвѣчаетъ тотъ.

— Нѣтъ, правда, господинъ фельдфебель?—не угомоняется солдатъ.

— На Памиру, значить, по сусѣдству съ китайцемъ и «аван-ганцемъ»,—отвѣчаетъ фельдфебель.

Но солдатъ не успокоивается.

— А позвольте спросить, господинъ фельдфебель, для чего столько войска туда посылаютъ?—спрашиваетъ онъ.

Фельдфебель, и самъ не зная, что отвѣтить ему, сердито отворачивается и командуетъ: «смирно! справа по порядку на первый и второй разсчитайсь!»

И по ротѣ то громко, то тихо выкрикиваемые слышатся отрывистыя «первый! второй» и т. д...

Приготовленія длились слишкомъ два мѣсяца, и наконецъ къ 1-му юнню было все готово, маршрутъ былъ полученъ, и выступленіе назначено на 2-е юнны.

На большой площади противъ казармъ Маргеланскаго гарнизона выстроились войска покоемъ ¹⁾ въ ожиданіи прибытія начальниковъ. Ружья составлены, и люди разбрелись кучками по площади; вездѣ царить веселое оживленіе. Вдругъ раздалась команда: «въ ружье!» и въ одинъ моментъ всѣ были въ порядкѣ. Къ отряду приближалась группа всадниковъ, впереди которой на буланой лошади, въ бѣломъ кителѣ и фуражкѣ скакалъ молодой полковникъ съ георгіевскимъ крестомъ въ петлицѣ.

— Здорово, братцы!—немного картавя, привѣтствовалъ онъ отрядъ, круто осадивъ лошадь и граціозно отдавая честь.

— Здравія желаемъ, ваше высокоблагородіе!—равкнуло полторы тысячи грудей.

— Вольно, оправиться!—сказалъ полковникъ, и снова оживленіе воцарилось надъ отрядомъ.

Одинъ за другимъ прибывали къ отряду начальствующія лица, пришли остающіяся войска отдать честь уходившимъ, и наконецъ пріѣхалъ командующій войсками, генералъ-майоръ Корольковъ. Началось богослуженіе. Веселость сразу исчезла съ лицъ солдатъ. Они прилежно молились, крестя свои загорѣлые лбы и кладя поклоны, и затѣмъ каждый приложился къ кресту.

Послѣ окончанія этой церемоніи людямъ была предложена чарка водки. Командующій войсками провозгласилъ тостъ за здоровье

¹⁾ Покоемъ называется строй въ видѣ буквы П.

государя императора, и при звукахъ русскаго гимна грянуло дружное «ура».

— Ребята!—началъ генералъ, когда затихъ послѣдній крикъ.— Поздравляю васъ съ походомъ и надѣюсь, что вы такъ же свято и безропотно совершите возложенное на васъ тяжелое дѣло, какъ совершили его ваши предшественники, славные покорители Туркестана! Помните, что Туркестанъ всегда гордился своими храбрыми воинами, пусть же и на сей разъ въ лѣтописи его прибудетъ еще одинъ, покрытый славою походъ. Если придется вамъ столкнуться съ халатниками, то проучите ихъ порусски, какъ учили мы и хивинцевъ и кокандцевъ. Помните, что за Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадаетъ. Пью за ваше здоровье, ребята. Ура!

Затѣмъ подходили къ водкѣ нижніе чины, каждый благоговѣйно бралъ чарку и опрокидывалъ ее въ ротъ, какъ бы боясь оставить на ея двѣ хоть капельку казенной водки.

Подъ огромнымъ шатромъ, поставленнымъ посреди плаца, идетъ прощанье офицеровъ со своими семействами. Многія дамы плачутъ, отцы съ грустью держатъ на рукахъ своихъ дѣтей.

Поодаль, около расположившихся подъ тѣнью деревьевъ солдатъ, собрались кучки народа и сартовъ, а также бабъ-солдатокъ, провожающихъ своихъ мужей; нѣкоторые изъ нихъ воютъ.

Раздался сигналъ сбора.

Роты выстроились; прежде всего двинулся авангардъ, а за нимъ потянулся весь отрядъ подъ звуки марша и грохотъ барабановъ. Раздалась солдатская пѣсня, среди которой выдѣлялось громкое выкрикиваніе подголоска.

— Привалъ!—раздается голосъ спереди изъ облака пыли.

— Стой, привалъ!—подхватываютъ возгласъ въ ротахъ, и баталіонъ останавливается.

Провожающіе въ послѣдній разъ прощаются съ памирцами, и чрезъ полъ-часа отрядъ уже въ полномъ походномъ порядкѣ слѣдуетъ по пыльной дорогѣ, пролегающей то по широко раскинувшейся степи, окаймленной высокими снѣжными горами, то узкими улицами пыльных сартовскихъ кишлаковъ.

Памирскій отрядъ раздѣлился на двѣ части: одна направилась по кратчайшему пути черезъ перевалъ Тенгизъ-бай, а другая на городъ Ошъ, гдѣ должна была захватить огромный вьючный транспортъ и, переваливъ черезъ Алайскій хребетъ, соединиться съ остальными силами отряда, который двинулся по Исфайрамскому ущелью, черезъ хребетъ Большого Алая. Быстрымъ шагомъ, длинной вереницей идутъ солдаты, тяжело дыша, то поднимаясь, то спускаясь по узкимъ карнизамъ, какъ бы налѣпленнымъ къ отвѣснымъ гранитнымъ стѣнамъ. Грозно возвышаются съ обѣихъ сторонъ пути громадѣющіяся другъ надъ другомъ отвѣсныя скалы, мѣстами переходящія въ крутыя осыни, усыянные осколками гранита и сорвав-

шимися съ вершинъ камнями. Слѣва глубокий обрывъ, на днѣ котораго kloкочетъ горная рѣчка, наполняющая все ущелье какимъ-то неистовымъ шумомъ, напоминающимъ ревъ сильной бури. Далѣе ущелье все болѣе и болѣе суживается, и наконецъ начинается крутой и довольно продолжительный подъемъ на Тенгизъ-бай. Около полутора сутокъ боролся отрядъ съ огромною преградой, и нѣкоторымъ ротамъ пришлось ночевать на вышкѣ его (12.000 фут.), въ снѣгу, да еще во время мятели. Переваливъ черезъ Тенгизъ-бай, отрядъ вышелъ изъ темнаго Исфайрамскаго ущелья и подошелъ къ выходу въ Алайскую долину, гдѣ и остановился бивуакомъ около крѣпости Дараутъ-курбанъ. За пять лѣтъ до возмущенія кипчаковъ (1871 г.), когда Кокандское ханство было самостоятельнымъ, крѣпость эта имѣла важное значеніе для кокандцевъ, такъ какъ, расположенная у входа въ Дараутъ-Исфайрамское ущелье, она оберегаетъ долину рѣки Туза, впадающей въ рѣку Кизиль-су, и защищаетъ перевалъ Тенгизъ-бай отъ нападеній памиро-алайскихъ кочевниковъ со стороны Каратегина. Кокандскій ханъ держалъ въ этой крѣпости довольно большой гарнизонъ съ уполномоченнымъ комендантомъ, который вмѣстѣ со всѣмъ гарнизономъ былъ вырѣзанъ въ 1871 году памиро-алайскими кочевниками, а крѣпость осталась въ запущеніи. Теперь Дараутъ-курбанъ представляетъ изъ себя цитадель изъ толстыхъ глинобитныхъ стѣнъ, слегка размытыхъ въ верхней части своей дождями. По угламъ четырехъугольника возвышаются круглыя башни, придающія крѣпости довольно внушительный видъ. Продневавъ у крѣпости, отрядъ двинулся далѣе, шелъ все время вверхъ по правому берегу рѣки Кизиль-су, вдоль по Алайской долинѣ, и наконецъ, 16 іюня, прибылъ къ мѣстечку Борда-ба, гдѣ и встрѣтился съ другою частью памирскаго отряда.

IV.

Ляангарское ущелье пролегаетъ по тропинкѣ, тянущейся вдоль узкаго берегового карниза, нависшаго надъ ревущей рѣкою Ляангаръ-сай, и ведетъ отъ города Оша къ укрѣпленію Гульча. Съ обѣихъ сторонъ ущелья громоздятся другъ надъ другомъ огромныя каменные утесы, которые въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совершенно нависаютъ надъ головою до того, что страхъ беретъ при мысли, что вотъ-вотъ эта огромная каменная глыба сорвется, и упадетъ съ своей высоты. Узкая полоса голубаго неба, виднѣющаяся вверху, мало освѣщаетъ ущелье, которое остается погруженнымъ въ непріятно-таинственный мракъ, среди котораго царить лишь шумъ ревущей рѣки.

Погода начинала хмуриться, кое-гдѣ набѣгали темныя облачка, и мало-по-малу небо покрылось свинцовыми тучами. Гдѣ-то вдали слышались раскаты грома, подхваченные продолжительнымъ эхомъ и разносившіеся по горамъ и постепенно замиравшіе въ одномъ

изъ темныхъ ущелій. Облака почти нависли надъ самыми головами, и въ воздухѣ наступила какая-то особенная тишина. Брызнулъ дождикъ! Онъ освѣжилъ душную атмосферу ущелья, люди вздохнули свободнѣе и пошли бодрѣе.

Вдругъ, какъ бы внезапно распахнувъ гигантское окно, въ ущелье ворвался сильный вихрь, и вслѣдъ за нимъ дождь полилъ, какъ изъ ведра.

Узкая, глинистая тропинка, быстро размякшая отъ дождевыхъ потоковъ, съ шумомъ сбѣгавшихъ съ окружающихъ скалъ, сдѣлалась такою скользкою, что ноги разъѣзжались, идти становилось необыкновенно трудно, да, кромѣ того, ежеминутно грозила опасность сорваться и полетѣть въ пропасть. Небо окончательно заволокло тучами, и въ ущельѣ воцарилась глубокая тьма. Вдругъ яркій блескъ молніи озарилъ все ущелье, и вслѣдъ за нимъ грянулъ оглушительный раскатъ грома. Подхваченные эхомъ, въ темныхъ ущельяхъ, раскаты не успѣвали еще замереть, какъ снова, будто волшебнымъ огнемъ, озарились мрачныя громады, и опять раздавались раскаты съ новою силой, какъ бы желая догнать убѣгавшіе вдаль звуки, подхваченные мрачными лянгарскими ущельями. А дождикъ лилъ какъ во дни потопа. Но вотъ мало-по-малу раскаты становились слабѣе, молнія какъ-то блѣдно освѣщала горы, медленно мигая своимъ блѣднымъ свѣтомъ, дождикъ понемногу стихалъ.

Становилось свѣтлѣе. Сквозь разорвавшіяся свинцовыя тучи кое-гдѣ уже виднѣлись клочки голубаго неба.

Солдаты остановились и, снявъ рубашки, стали выжимать изъ нихъ воду, а нѣкоторые, присѣвши на камни, свертывали свое курево. Солнышко выглянуло изъ-за тучъ и своею теплотою пріятно ласкало озябшіе члены солдатъ. Все сразу ожило, все точно проснулось съ первымъ лучемъ дивнаго свѣтила. Воздухъ наполнился какимъ-то чуднымъ ароматомъ, птички то и дѣло взлетали то здѣсь, то тамъ, иногда вырываясь почти изъ-подъ самыхъ ногъ идущихъ солдатъ, а въ вышинѣ, распустивъ огромныя крылья, парилъ, описывая большіе круги, горный житель—орелъ.

— Глянь-ко, ребята, домъ русскій!—крикнулъ одинъ изъ идущихъ,—ей-Богу, домъ!

Все обратили вниманіе на небольшой, выбѣленный, русскаго типа домикъ, расположившійся около самой рѣки Лянгаръ-сай, и каждый задавалъ себѣ вопросъ, кто бы это могъ построить домъ среди этой суровой горной природы, вдалекѣ отъ всего русскаго-родного. Вѣдь не киргизы же? Гдѣ имъ! они не признаютъ другого жилища, кромѣ своихъ юртъ.

Около домика былъ назначенъ двухъ-часовой привалъ, и солдаты принялись сушить промокшее бѣлье и «согрѣвать» себѣ чайники, а офицеры, въ ожиданіи закуски, забрались въ домикъ.

Это было небольшое строеніе, сложенное изъ сырцоваго кирпича,

состоящее изъ двухъ комнатъ и кухни. Потолокъ уже частью разрушился, штукатурка мѣстами держалась на полустгнившихъ «чйяхъ» (камышѣ). Окна были выбиты, и въ нихъ не оставалось и признака стеколъ, очевидно утащенныхъ киргизами. Около домика находился навѣсъ, служившій когда-то для стоянки лошадей, а теперь пріютившій подъ свой кровъ киргиза, торгующаго арбузами, дынями и сушеными фруктами. Денщики втащили палаты и складные табуреты, мы усѣлись въ кружокъ, и на сцену появилась неизбежная въ походахъ—водка. Какъ пріятно было пропустить рюмочку послѣ тяжелаго перехода! Всѣ были заняты своимъ дѣломъ, кто раскупоривалъ бутылки, кто приготовлялъ закуску, а кто лежалъ на палатѣ, разминая свои уставшіе члены. Снаружи доносился оживленный говоръ солдатъ, и заливалась на всѣ лады гармоника.

Вдругъ дверь отворилась, и въ комнату вошелъ старый капитанъ П.

— Николай Николаевичъ, рюмочку скорѣе,—обратились къ нему хоромъ офицеры.

П. былъ любимъ всѣми въ отрядѣ. Это былъ боевой и бывалый офицеръ, участникъ Хивинскаго, Кокандскаго и Алайскаго походовъ.

— Уфъ, и пакостная же погода захватила насъ, господа,—сказалъ онъ, какъ бы оправдываясь, что вотъ молъ по этой самой причинѣ и нужно выпить рюмочку, и съ этими словами опрокинулъ ее въ ротъ.—А знаете, господа,—продолжалъ капитанъ,—сколько воспоминаній воскресилъ во мнѣ этотъ домикъ! Знаете ли вы, что его построилъ Скобелевъ.

— Скобелевъ?—удивился я.

— Да, Скобелевъ,—сказалъ капитанъ,—и самъ проектировалъ для него планъ. Это было въ 1876 году во время Алайскаго похода, когда войска наши спѣшили къ укрѣпленію Гульча, чтобы успѣть разогнать возставшихъ кипчаковъ и кара-киргизъ и захватить ихъ коновода Абдулла-бека, сына извѣстной царицы Алая Курбанъ-Джанъ-Датхи. Какъ и сегодня, мы шли Ляангарскимъ ущельемъ, и ужасная гроза разразилась надъ нашими головами. Измокшіе, голодные, мы пришли вотъ на это мѣсто,—онъ указалъ пальцемъ въ землю,—и раскинули палатки. Скобелевъ помѣстился въ своемъ бухарскомъ шатрѣ, куда собралось множество офицеровъ напиться генеральскаго чайку. Дождикъ лилъ, и вода, промочивъ холстъ, капала на насъ черезъ палатку.

— А вѣдь плохо, господа,—сказалъ Скобелевъ.

— Не важно, ваше превосходительство,—отвѣчаемъ мы.

— Такъ вотъ что, господа,—говоритъ онъ,—въ виду того, что намъ частенько придется проѣзжать съ Алая въ Ошъ, то по-моему нелишне поставить на этомъ большомъ переходѣ хоромы, въ которыхъ бы было возможно переночевать или пообѣдать.

Сказавъ это, генераль взялъ карандашъ и свою записную книжку,

начертилъ планъ и профиль, написалъ всѣ размѣры проектируемаго зданія и, вырвавъ листокъ, протянулъ его мнѣ, такъ какъ я ближе всѣхъ сидѣлъ къ нему.

— Возьмите, поручикъ, и съ завтрашняго же дня приступите къ постройкѣ дома, для чего вамъ будетъ оставленъ взводъ, состоящій изъ каменщиковъ и плотниковъ—я отдамъ объ этомъ въ приказъ.

Дѣлать было нечего, хоть я и понятія не имѣлъ о постройкахъ, а пришлось сдѣлаться и инженеромъ, разъ начальство приказало.

Заложили мы тутъ же новое строеніе, самъ генералъ положить первый камень, прочитали молитву и крестъ поставили, а вечеромъ кутнули у обожаемаго начальника отряда. На утро отрядъ ушелъ, а я остался съ взводомъ для возведенія домика. Потолковалъ съ солдатами, съ чего бы начать; затѣмъ общимъ совѣтомъ порѣшили и приступили къ работѣ. Нашлись у меня и свѣдущіе люди, такъ что работа закипѣла, и чрезъ недѣлю было надѣлано множество сырцоваго кирпичу, да и кладка подвигалась. За лѣсомъ пришлось посылать въ г. Ошъ, но это не представляло собою особаго затрудненія. Уже и косяки были вставлены и мырлатъ положенъ, только крыть осталось зданіе. Вдругъ, однажды, утромъ прискакалъ казакъ съ пакетомъ. Читаю и глазамъ своимъ не вѣрю, что генералъ ѣдетъ съ Алая и предувѣдомляетъ, что надѣется остановиться въ домѣ у Ляангаръ-сая.

Струхнулъ я не на шутку; хорошо я зналъ, что это было приказаніе, а домъ далеко не оконченъ. Крыша не крыта, внутри не оштукатурено, и печей нѣтъ, и кирпича жженаго не доставлено.

Забилъ я тутъ тревогу, начали мы по очереди и днемъ и ночью работать, и дѣло стало подвигаться впередъ. Я почти не спалъ, и мнѣ казалось, что я не успѣю окончить своей работы. Спасибо печнику, попался лихой и смысленый солдатикъ; онъ взялся сложить печи изъ камня, не прибѣгая къ кирпичу. Я ужасно измучился и чувствовалъ, что заболѣю. Оставалось пять дней до приѣзда генерала и я былъ въ отчаяніи. Однажды послѣ обѣда я прилежъ въ палаткѣ отдохнуть, по обыкновенію, вдругъ вижу, что мой денщикъ Шидовъ тихонько поднимаетъ край полотнища и что-то говоритъ мнѣ.

Я уже начиналъ дремать, но очнулся.

— Что тебѣ?—спросилъ я.

— Бѣда, ваше благородіе!

— Что такое?—спросилъ я, вскочивъ на ноги.

— Киргизы, ваше благородіе, близко.

— Что!

Схвативъ револьверъ и шашку, я выбѣжалъ изъ палатки, и передо мною открылась слѣдующая картина.

Нѣсколько конныхъ киргизовъ что-то дѣлали надъ двумя лежащими на землѣ моими солдатами и видимо спѣшили взвалить ихъ на лошадей, а прочіе ломали мой домикъ, изъ-за котораго я пережилъ столько тяжелыхъ минутъ.

— Ребята! нашихъ рѣжутъ!—закричалъ я, но никто не появился на мой призывъ. Полагая, что киргизы успѣли покончить съ солдатами, захвативъ ихъ за работой, я, не помня себя, бросился съ револьверомъ на киргизъ, вязавшихъ солдата, и спустилъ курокъ. Выстрѣла не было. Осѣчка!—подумалъ я и, взведя курокъ, опять выстрѣлилъ. Что за чортъ,—опять осѣчка! Я взглянулъ на револьверъ и чуть не умеръ отъ ужаса—онъ былъ разряженъ. А ко мнѣ подбѣгали трое скуластыхъ киргизъ, и я уже ясно различалъ ихъ искаженные злобой рожи и узкіе прорѣзы глазъ. Я выхватилъ шашку и, зажмуривъ глаза, бросился на нихъ. Что-то сильно давило мнѣ горло, и я полетѣлъ на землю. Я уже ничего не видѣлъ и чувствовалъ, что кто-то сидитъ на мнѣ, я хотѣлъ пошевелиться, но напрасно, что-то сильно давило мнѣ грудь. Вдругъ я почувствовалъ, что острое лезвие ножа дотронулось до моего горла. Рѣжутъ, подумалъ я. Ножъ скользнулъ и впился въ мое горло! Я громко вскрикнулъ—и открылъ глаза. Надо мною шевелилось отъ вѣтра полотно палатки, со лба крупными каплями катился потъ.

Я вскочилъ и вышелъ наружу. Рабочіе уже устилали крышу соломой и замазывали ее жидко разведенной глиной.

Капитанъ остановился и, пропустивъ еще рюмочку, громко крикнулъ и продолжалъ. «Итакъ, ровно черезъ пять дней, я благополучно окончилъ домикъ, но всѣ труды мои и страданія, пережитыя за это время, были напрасны; генералъ не пріѣхалъ, и дѣла, осложнившіяся на Алаѣ, заставили его вытребовать меня на театръ военныхъ дѣйствій, и я, оставивъ 4-хъ человекъ для окарауливанія и окончательной очистки дома, отправился на Алай.

— Ну, пора, господа,—закончилъ онъ, вставая.—Кокшаровъ!—крикнулъ онъ денщика,—позови дежурнаго фельдфебеля.

Бравый сверхсрочный фельдфебель, придерживая шашку и отдавая честь, вошелъ въ комнату.

— Подъемъ съиграть и строиться!—сказалъ капитанъ.

— Слушаю-съ!

И фельдфебель, повернувшись кругомъ, вышелъ изъ комнаты, а чрезъ нѣсколько мгновеній рожекъ прогремѣлъ подъемъ, и мы, поднявшись съ мѣстъ, направились къ ротамъ, оставивъ прислугу собирать наши пожитки. Погода совершенно уже прояснилась, солнце ярко свѣтило, озаряя снѣжныя вершины горъ, около которыхъ ютились еще свинцовыя тучи. Предстояло перевалить небольшой, но крутой перевалъ Чигиръ-Чикъ, и отрядъ медленно сталъ подниматься въ гору. Лошади, напрягая всѣ свои силы, рвутся изъ-подъ тяжелыхъ вьюковъ. Не слышно между солдатами ни веселаго смѣха,

ни обычныхъ разговоровъ, приправленныхъ остротами, и только мѣрные шаги раздаются среди полной тишины, а снизу гдѣ-то далеко, далеко, чуть доносится до идущихъ шумъ капающаго Ляангара.

V.

Я проснулся довольно рано. Товарищъ мой, поручикъ Барановъ, сладко спалъ еще, прикрывъ голову кавказской буркой. Въ воздухѣ царила необыкновенная нѣга. Палатка чуть-чуть колыхалась отъ легкаго вѣтерка, по временамъ налетавшаго изъ ущелья на нашъ лагерь.

— Николай Александровичъ,—окликнулъ я спавшаго.

— Ммм... послышалось въ отвѣтъ изъ-подъ бурки.

— Вставайте, пора,—сказалъ я и сталъ одѣваться.

Бурка, какъ бы сама собою, откинулась, и изъ-подъ нея поднялась включенная съ заспанными глазами голова поручика.

— Осипъ, чайникъ! — крикнулъ онъ, уже по пріобрѣтенной «за походъ» привычкѣ, и, протеревъ кулакомъ глаза, какъ бы вдругъ стряхнулъ послѣдніе остатки сна и сталъ одѣваться.

Въ палатку вползъ начетверенькахъ откормленный солдатъ съ сильно загорѣлымъ лицомъ и поставилъ на землю небольшой мѣдный чайникъ.

— «Вѣстника» накормилъ?—спросилъ Барановъ.

— Такъ точно, ваше благородіе, ячменю давалъ, да и трава здѣсь хорошая.

— Ну, ладно, давай сухарей!

Солдатъ скрылся, а мы отправились къ ближайшему горному потоку освѣжиться холодной водой. Что за чудная картина открылась передъ нами! Надъ головами возвышались огромные каменные великаны, сплошь покрытые арчею, съ бѣлѣющими снѣжными вершинами, впереди чернѣлось Талдыкское ущелье, а позади широко раскинулся зеленою бархатною равниною «Ольгинъ лугъ», замкнутый со всѣхъ сторонъ горами, на которомъ маленькими сѣренькими грибочками виднѣлись разбросанныя юрты киргизскихъ ауловъ и громадныя стада рогатаго скота и верблюдовъ.

Освѣжившись холодною водою горнаго потока, мы вернулись въ палатку, гдѣ насъ уже ожидалъ горячій чай и сухари, а также добытое Осипомъ въ аулѣ густое, какъ сливки, молоко.

Полотнище палатки поднялось, и въ нее вошелъ капитанъ П.

— Чайку не прикажете ли?—спросилъ я.

— Нѣтъ, спасибо. А вотъ я, господа, къ вамъ съ предложеніемъ. Завтра дневка, и слѣдовательно мы свободно можемъ пріятно провести два эти дня.

— Какимъ же образомъ?—спросили мы.

— Да вотъ, хотя бы съѣздить верстъ за 12 отсюда на лѣ-

товки алайской царицы въ Ягачартъ. Мы навѣрное застанемъ и самое Курбанъ-Джанъ-датху, такъ какъ она на лѣто всегда перекочевываетъ изъ Гульчи сюда. Интересная старуха,—сказалъ онъ,—тѣмъ болѣе мнѣ бы хотѣлось ее видѣть, такъ какъ я не встрѣчалъ ее съ 1876 года, когда она была захвачена отрядомъ князя Витгенштейна и доставлена Скобелеву, который принималъ ее въ Ляангарскомъ домикѣ.

Это предложеніе было радостно принято нами, и мы рѣшили немедленно отправиться съ визитомъ къ царицѣ Алая. Приказавъ сѣдлать лошадей, мы допили чай и затѣмъ отправились; къ компаніи нашей присоединились еще трое офицеровъ. Мы поѣхали вдоль широко раскинувшагося «Ольгина луга».

— Странное названіе носить эта мѣстность; навѣрное оно дано ей кѣмъ либо изъ русскихъ,—сказалъ Барановъ.

— Совершенно вѣрно, — отвѣтилъ П.,—и я вамъ могу сейчасъ же пояснить, откуда оно взялось. Видите ли, въ 1876 году, нѣсколько дамъ сопровождали своихъ мужей въ Алайскій походъ, и изъ нихъ были четыре Ольги, въ числѣ которыхъ была и супруга нашего начальника отряда, полковника Юнова. 11-го іюля, во время дневки, здѣсь праздновался Ольгинъ день, и въ честь этихъ смѣлыхъ именинницъ названіе «Ольгина луга» осталось навсегда и теперь нанесено на карту.

— Значитъ вы, Николай Николаевичъ, знакомы съ алайской царицей?—спросилъ я П., желая навести разговоръ на эту интересную личность.

— Какъ же и даже очень хорошо; я сопровождалъ ее до самаго города Оша, по окончаніи Алайскаго похода.

— Ну, расскажите же намъ что нибудь про нее, — пристали мы къ П., который видимо только и ждалъ этой просьбы, такъ какъ былъ большой охотникъ до рассказовъ о быломъ своемъ житіи и совершенныхъ походахъ.

— Извольте, господа, съ удовольствіемъ. Видите ли, — началъ онъ,—Курбанъ-Джанъ-датха была женою извѣстнаго Алимъ-бека, прославившаго свое имя въ Туркестанѣ своими дикими набѣгами и звѣрскими убійствами въ городѣ Ошѣ. Алимъ былъ предательски убитъ одною киргизкою. Оставшись вдовою, датха приняла власть мужа и начала дѣятельно управлять Алаемъ, избравъ изъ среды батырей мужа, которому не позволяла вмѣшиваться въ управленіе страной. Долго благополучно царствовала датха, и слава объ ея мудромъ управленіи разнеслась далеко за предѣлы Коканда и Каратегина. Послѣ смерти Алимъ-бека, воспользовавшись безцарствіемъ на Алаѣ и вступленіемъ въ управленіе имъ алайской царицы, кокандскій ханъ объявилъ алайскихъ кочевниковъ своими подданными и обложилъ ихъ податью, но датха стряхнула съ себя это иго и наконецъ принудила кокандскаго хана Худояра подписать грамоту,

въ которой онъ признавалъ въ ней законную правительницу Алая. Бухарскій эмиръ, кашгарскій ханъ Якубъ-бекъ и другіе, всё относились къ ней съ уваженіемъ и даже разъ въ годъ присылали на Алай своихъ пословъ, снабженныхъ богатыми подарками. Сыновья датхи были ей помощниками въ управленіи, и каждый изъ нихъ завѣдывалъ извѣстною частью Алая. Старшій Абдулла-бекъ, прославившій себя потомъ въ борьбѣ съ нами, Махмудъ-бекъ, Канчи-бекъ, Хасанъ-бекъ и племянникъ датхи Мирза-Паясъ были вѣрной опорой алайской царицы и любимцами кочевого населенія. Объ этихъ бекахъ разнеслась слава далеко за предѣлы Алая, какъ о храбрыхъ батыряхъ и лучшихъ джигитахъ. Послѣ плѣна Автобачи, извѣстнаго коновода кипчаковъ, когда Кокандское ханство было завоевано нашими войсками, и городъ Андижанъ палъ передъ всепобѣждающимъ «бѣлымъ генераломъ», на Алаѣ вспыхнуло возстаніе. Закипѣло, заколыхалось горное населеніе Алая, и шайки отважныхъ батырей стали пополняться новыми силами. Изъ покоренной Ферганы бѣжали узбеки и киргизы, и все это стекалось на громкій кличъ Абдулла-бека, раздавшійся съ высотъ снѣжнаго Алая. Огромныя шайки лихихъ джигитовъ стали разбойничать, производя безпорядки среди русскаго населенія возникавшей области, и разбои эти всегда сопровождались обильнымъ кровопролитіемъ. Тогда-то, для огражденія Ферганской области, былъ двинутъ полубаталіонъ пѣхоты черезъ Исфайрамское ущелье къ крѣпости Даравутъ-кургану, подъ командой капитана Исполадъ-Бега, который былъ встрѣченъ огнемъ, засѣвшего въ неприступныхъ скалахъ со своими батырями, Абдулла-бека и, потерявъ нѣсколько человекъ убитыми и ранеными, принужденъ былъ вернуться въ г. Маргеланъ. Вотъ послѣ этого эпизода и былъ объявленъ алайскій походъ и на Алай посланъ отрядъ, во главѣ котораго находился Скобелевъ. Мы выступили другою дорогою, черезъ Ошъ и перевалъ Талдыкъ. Мы не были нигдѣ встрѣчены непріателемъ, только около урочища Янги-Арыкъ казаки доставили намъ свѣдѣнія, что киргизы заняли это ущелье, сожгли мосты и готовятся подъ предводительствомъ самого Абдулла-бека дать отпоръ нашему отряду. Генераль Скобелевъ, думая скоро кончить съ киргизами, приказалъ пѣхотѣ «прогнать халатниковъ»; но не тутъ-то было! Позиція киргизъ была неприступна; они, скрываясь за каменными завалами, сильно поражали насъ, такъ что Скобелеву скоро пришлось убѣдиться въ невозможности атаковать горцевъ, и онъ рѣшилъ произвести обходъ. Для этого кавалерія была послана на рекогносцировку, а мы, въ ожиданіи дальнѣйшихъ дѣйствій, оставались около Кизиль-кургана. Вотъ тогда-то я и былъ отозванъ отъ постройки домика въ Ляангарѣ. Черезъ пять дней были собраны самыя точныя справки о путяхъ, могущихъ служить обходомъ. Планъ дѣйствій былъ составленъ, и мы двинулись впередъ. Справа, со стороны перевала Талдыкъ, наступалъ

отрядъ подѣ командою майора Іонова, въ которомъ находился и я. Мы зашли въ тылъ Абдулла-беку и подѣ его огнемъ, выбивавшимъ изъ строя много жертвъ, возстановили сожженный мостъ черезъ рѣку Белаули и, пройдя по немъ, заняли позицію. Путь отступленія же къ кургану Омаръ-Бека отрѣзали двѣ казачьи сотни подѣ командою полковника князя Витгенштейна. Тутъ только Абдулла-бекъ увидѣлъ, что сопротивленіе невозможно, и ночью ушелъ къ Заалайскому хребту, черезъ перевалъ Кизиль-Артъ (14.000 ф.), а оттуда на Памиры. Летучій отрядъ князя преслѣдовалъ по пятамъ Абдулла-бека, но тотъ, съ ловкостью горнаго козла, увертывался отъ него, завлекая князя въ глубь Заалайскаго хребта, гдѣ весь летучій отрядъ чуть-чуть не погибъ около озера Кара-Куль, во время мятели, отрѣзанный огромнымъ переваломъ отъ главныхъ силъ, безъ провіанта и фуража. Такимъ образомъ, Абдулла-бекъ съ братьями своими Махмудъ-бекомъ и Хасанъ-бекомъ и большинствомъ изъ своей шайки ушелъ отъ преслѣдованія русскихъ черезъ Памиры въ Афганистанъ, завѣщая остающимся батырямъ не сдаваться гиурамъ; послѣ этого мы двинулись къ Алайской долины, гдѣ и остановились, тревожимые все время шайками горцевъ.

Вѣсть о неудачѣ на Янги-Арыкѣ дошла и до царицы Алая, и она со всѣми стадами и имуществомъ бросилась въ Кашгаръ, но по дорогѣ была ограблена шайками китайскихъ разбойниковъ, и несчастная датха была вынуждена броситься по слѣдамъ своихъ сыновей, т. е. на Кизиль-Артъ. Въ сопровожденіи сына своего Канчибека и племянника Мирза-Паяса, она направилась безъ имущества на плохенькихъ, киргизскихъ лошадяхъ къ Кизиль-Арту и около мѣстечка Борда-ба наткнулась на возвращавшагося князя Витгенштейна, которымъ и была захвачена и доставлена въ отрядъ. Въ это время генералъ Скобелевъ былъ въ кр. Гульчѣ, и мнѣ было поручено доставить къ нему арестованную царицу Алая и ея двухъ батырей. Я очень обрадовался этому порученію. Войдя въ юрту, гдѣ помѣщалась плѣнная, я увидѣлъ сидѣвшую на коврѣ поазіатски киргизку небольшого роста, хотя не молодую, но красивую, одѣтую въ парчевый халатъ, отороченный какимъ-то мѣхомъ. Она грустно сидѣла, опустивъ голову. Передъ нею стоялъ подносъ, на которомъ лежали фисташки, кишмишъ и другія туземныя сласти. Она видимо находилась въ размысленіи о той метаморфозѣ, которая происходила съ нею, и вся была погружена въ свое горе. Она сразу даже не замѣтила моего появленія и, только спустя нѣсколько секундъ, вскинула на меня своими умными, выразительными глазами и слегка вздрогнула. Я черезъ переводчика сказалъ ей, что назначенъ сопровождать ее до Гульчи, гдѣ находится теперь генералъ Скобелевъ; она отнеслась совершенно равнодушно къ моему заявленію.

— Я теперь раба русскихъ, которые могутъ дѣлать со мною что угодно, такая, значить, воля Аллаха,—отвѣтила она черезъ пе-

реводчика, и крупныя слезы блеснули на узкихъ прорѣзахъ ея глазъ.

Я сказалъ ей, что мы ѣдемъ завтра.

— Хопъ, хопъ ¹⁾, таксырь ²⁾,—сказала она мнѣ и кивнула головою въ знакъ согласія.

Я вышелъ изъ юрты и подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ ушелъ къ себѣ. На утро мы были уже на лошадяхъ. Казаки конвоировали плѣнныхъ. Датха бодро сидѣла въ сѣдлѣ, одѣтая въ бархатную шубейку съ галунами и шапочку съ парчевымъ верхомъ, отороченную мѣхомъ.

Подѣзжая къ Ляангару, я замѣтилъ около домика большое сборище киргизъ и казаковъ, и мнѣ сообщили, что генераль ѣдетъ на Алай и остановился для отдыха на станціи. Я приказалъ доложить о себѣ и тотчасъ же былъ принятъ. Сообщивъ о цѣли своего пріѣзда, я получилъ приказаніе ввести въ домъ плѣнныхъ.

Датха, въ сопровожденіи Канчи-бека и Мирза-Паяса, вошла въ комнату. Оба батыря отвѣсили низкій кулдукъ, плѣнная же царица стояла молча, низко наклонивъ свою голову.

Скобелевъ всталъ, подошелъ къ ней и протянулъ свою руку. Датха, повидимому, растерялась, она не ожидала такого пріема, и радостная улыбка озарила ея лицо. Она пожала руку героя и сказала ему что-то покиргизки.

— Скажите датхѣ, — обратился Скобелевъ къ стоявшему здѣсь переводчику киргизу-поручику Байтакову, — что я очень радъ видѣть ее въ добромъ здоровьѣ и надѣюсь, что она, пользуясь своимъ огромнымъ значеніемъ на Алаѣ, повліяетъ и на кочевое населеніе склониться къ миру и подчиниться требованіямъ Россіи. Я много слышалъ объ ея мудромъ управленіи и томъ значеніи, которое заслужила она у сосѣднихъ хановъ, а потому увѣренъ, что датха пойметъ бесполезность враждебнаго отношенія къ русскимъ. Передайте ей, — сказалъ генераль, когда переводчикъ перевелъ часть его рѣчи, — что она, какъ мать, можетъ гордиться своими сыновьями. Абдулла-бекъ свято исполнилъ свой долгъ и ушелъ лишь тогда, когда бороться уже было не мыслимо. Но пусть она знаетъ, что русскіе умѣютъ цѣнить храбрость враговъ. Если она сумѣетъ склонить своихъ сыновей покинуть Афганистанъ и возвратиться на Алай, то я награжу ихъ, какъ подобаетъ награждать героевъ, а теперь я прошу датху принять дастарханъ, — и генераль приказалъ принести, по туземному обычаю, огромный подносъ, на которомъ цѣлою горою возвышались туземныя угощенія; вслѣдъ за тѣмъ онъ собственноручно надѣлъ на плѣннику парчевый почетный халатъ и обратился къ батырямъ, увѣщевая ихъ вѣрно служить Россіи.

¹⁾ Хопъ, хопъ, — хорошо, хорошо.

²⁾ Таксырь — ваше благородіе.

Умная царица сразу поняла свое положеніе и тутъ же дала обѣщаніе генералу, что миръ и тишина будутъ царить въ долинѣ Алая, пока живетъ она на свѣтѣ. По ея требованію, изъ Афганистана возвратился ея сынъ Махмудъ-бекъ и много другихъ батырей; только одинъ Абдулла-бекъ не послушался увѣщаній матери и не вернулся на Алай, а ушелъ въ Мекку, по дорогѣ куда и умеръ.

Попрежнему поселилась датха въ Яга-Чартѣ, продолжая пользоваться безграничнымъ вліяніемъ на Алаѣ, а ея сыновья были назначены управителями Алайскихъ волостей и приносили огромную пользу нашему правительству.

Такимъ образомъ присоединенъ былъ Алай къ Русской имперіи, и мы, простоявъ на долинѣ Большого Алая, направились вверхъ по рѣкѣ Кизиль-су и черезъ переваль Кара-Казыкъ—спустились въ долину Шахиваруана и черезъ Вуадиль возвратились въ Маргеланъ. Вотъ и все, господа,—заклучилъ П.,—что я могу вамъ сообщить о датхѣ, которую навѣрно мы сегодня увидимъ, и о той роли, которую она играла въ этихъ мѣстахъ.

— Спасибо, Николай Николаевичъ, теперь мы, получивъ подробныя свѣдѣнія о датхѣ, еще съ большимъ удовольствіемъ жаждемъ увидѣть эту интересную женщину,—сказалъ Барановъ.

— Ну, господа, рысью!—скомандовалъ П.,—а не то поздно будетъ, ужъ очень долго я заболтался.

И дѣйствительно, слушая длинный и интересный рассказъ капитана, мы и не замѣтили, что солнце уже было совсѣмъ на полуденной линіи, и лошади, опустивъ головы, лѣнливо ступаютъ на собственные тѣни, поминутно отмахиваясь хвостами отъ докучливыхъ мухъ, не дававшихъ имъ покою.

Мы поѣхали рысью и втянулись въ узкое ущелье, миновавъ которое очутились въ широкой долинѣ, окруженной горами, сплошь покрытыми арчею, и направились къ показавшемуся большому аулу, юрты котораго были украшены пестрыми палацами и коврами. Громадные табуны лошадей бродили поодаль, наслаждаясь здоровою сочною травою. Со стороны аула къ намъ приближалась группа всадниковъ съ головами, обмотанными большими бѣлыми чалмами. Пестрые халаты ихъ, ярко освѣщенные солнцемъ, красиво выдѣлялись среди суровой природы горнаго ландшафта. Впереди на великолѣпномъ гнѣдомъ жеребцѣ ѣхалъ полный, дородный киргизъ, съ сытымъ загорѣлымъ и добродушнымъ лицомъ, обрамленнымъ небольшою черною бородкою. Вся фигура его выражала полное довольство жизнью. Одѣтъ онъ былъ въ костюмъ, отличавшійся отъ прочихъ джигитовъ своею простотою и изяществомъ. Бѣлый бешметъ, перетянутый въ таліи широчайшимъ серебрянымъ, украшеннымъ насѣчкою и чернью, поясомъ, бѣлая, какъ снѣгъ, чалма; азіатская, съ серебряною рукояткою, пашка красиво блестѣла на солнцѣ. Грудь его была украшена медалями, придававшими его ко-

стому еще болѣе величественный видъ. Вслѣдъ за нимъ ѣхали трое джигитовъ, вооруженныхъ мултуками и шапками.

За нѣсколько шаговъ до насъ всѣ туземцы слѣзли съ лошадей и встали въ почтительную позу, сложивъ руки на животѣ, какъ принято у нихъ при выраженіи особеннаго уваженія.

П. соскочилъ съ лошади и подошелъ къ бѣлому всаднику съ медалями на груди.

— Здравствуй, Махмудъ-бекъ!—сказалъ онъ.

— А! таксырь, селамалейкумъ, калай-сызъ ¹⁾?—радостно, улыбаясь своимъ широкимъ ртомъ, проговорилъ киргизъ.

— Что датха, какъ здорова?—спросилъ П.

— Спасибо, таксырь, слава Аллаху, здорова, она послала меня встрѣтить дорогихъ гостей, — отвѣтилъ Махмудъ, — она очень рада будетъ видѣть тюру, милости просимъ, — сказалъ онъ, обращаясь къ намъ.

— Господа, позвольте представить вамъ, это гульчинскій волостной управитель Махмудъ-бекъ, сынъ алайской царицы, съ біографіей которой я васъ только что познакомилъ, — сказалъ П.

Мы соскочили съ лошадей, и каждый пожалъ руку симпатичному киргизу.

— Ну, ѣдемъ, Махмудъ-бекъ, — сказалъ П., и мы тронулись въ путь.

Нѣсколько кучекъ туземцевъ, въ праздничныхъ халатахъ, тюбейкахъ и чалмахъ, поджавъ ноги, сидѣли, образуя на ярко зеленомъ фонѣ какъ бы вѣнки, сплетенные изъ пестрыхъ цвѣтовъ. Разодѣтыя киргизки, въ необыкновенно большихъ чалмахъ, скрывающихъ ихъ смуглыя лица, озабоченно сновали изъ юрты въ юрту; оживленіе въ аулѣ было всеобщее. Очевидно насъ ждали. Но кто могъ предупредить здѣсь о нашемъ пріѣздѣ—право, не знаю. Я спросилъ П., но онъ отрицалъ совершенно, увѣряя, что не посылалъ никого сказать, что мы будемъ.

— Вы не знаете киргизъ, у нихъ на этотъ счетъ особенное чутье, — сказалъ онъ, — прекрасно знали они, что мы непременно заѣдемъ къ датхѣ, ну, и приготовились.

Около одной богатой юрты мы остановились; толпа мальчишекъ бросилась къ нашимъ лошадямъ; взявъ за поводья, они стали водить ихъ взадъ и впередъ.

Махмудъ бекъ приподнялъ дверь юрты, мы вошли въ нее, и я увидѣлъ датху. Она сидѣла поазіатски на коврѣ, поджавъ подъ себя ноги. Она была уже не молодая, съ сильно сморщеннымъ лицомъ, съ маленькими, слезящимися глазами, добродушно улыбающимися намъ. Она отдала какое-то приказаніе сыну, и въ ея жестахъ я уловилъ привычку повелѣвать. Она была одѣта въ парчевую

¹⁾ Здравствуйте, какъ поживаете?

коцевейку, отороченную мѣхомъ, а голова ея была обмотана огромною кисейною чалмою. Мы по очереди подошли къ сидящей старухѣ и пожали ей руку. Она узнала П. и очень ему обрадовалась.

— А Скобелевъ улыды! (умеръ)—сказала она, при чемъ лице ея выразило сожалѣніе, и покачала головою.

— Давно уже,—сказалъ П.

— А Ионовъ прїѣдетъ ко мнѣ?—спросила она.

— Да, я думаю,—отвѣтилъ капитанъ,—полковникъ часто вспоминаетъ васъ и навѣрное не проѣдетъ мимо вашихъ ауловъ.

— Да, онъ хорошій человѣкъ,—сказала датха,—и жена его и дѣти хорошія, имъ Аллахъ пошлетъ счастья. А теперь на Памиръ идете?—спросила датха.

— Да, на Памиръ.

— Плохо тамъ, ни корму для лошадей, ни достаточнаго количества барановъ, ничего нѣтъ,—сказала она,—киргизы живутъ тамъ бѣдные, тяжело вамъ будетъ; я и то приказала Махмуду и Мирза-Паясу, чтобы они вамъ немедленно все доставляли.

Она говорила съ П. покиргизски, а онъ намъ переводилъ ея рѣчь. Послѣ этого аудіенція наша у датхи окончилась. Вошедшій Махмудъ-бекъ объявилъ, что пловъ поданъ, и мы, пожавъ руку царицы Алая, вышли изъ ея юрты.

Такъ вотъ она, эта датха, о которой я такъ много слышалъ и которую такъ жаждалъ увидѣть,—самая обыкновенная киргизка съ виду, даже трудно себѣ представить, чтобы эта старуха могла когда-то играть такую важную роль.

Мы вошли въ юрту, менѣе богатую, но болѣе обширную, нежели юрта датхи, гдѣ уже собралось немало почетныхъ гостей, случайно съѣхавшихся изъ сосѣднихъ ауловъ. Здѣсь же былъ и Хасанъ-бекъ, братъ Махмуда, высокій, съ большой черной бородой киргизъ, и Абду-Кадыръ, прибывшій недѣлю тому назадъ изъ Каратегина, и казіи ¹⁾ города Оша, и старый мулла, и много другихъ знатныхъ киргизъ, обладателей почетныхъ халатовъ.

Всѣ почтительно встали при нашемъ появленіи и, обмѣнявшись съ каждымъ изъ насъ привѣтствіемъ и погладивъ свои бороды, опять чинно усѣлись въ прежнемъ порядкѣ. Во время ѣды плова въ юрту вошелъ красивый, стройный киргизъ съ хищнымъ разбойничьимъ лицомъ, не лишеннымъ нѣкотораго величія; онъ сдержанно улыбнулся и, поздоровавшись съ П., пожалъ каждому изъ насъ руку; это былъ Канчи-бекъ, старшій сынъ датхи. Онъ угрюмо усѣлся въ сторонѣ, не вступая въ разговоры и не касаясь плова. Время клонилось къ вечеру, и гостепріимный хозяинъ объявилъ намъ, что юрты для насъ уже готовы, и мы отправились на покой. Прекрасныя кибитки, въ которыхъ были посланы на коврахъ легкія одѣяла,

¹⁾ Казій—судья.

были къ нашимъ услугамъ, и въ нихъ мы прекрасно провели ночь. Утромъ разбудили меня загудѣвшія громадныя трубы, напоминающія собою библейскія, съ которыми по преданію евреи обходили городъ Іерихонъ, и немудрено, если отъ множества такихъ трубъ разрушились стѣны города, потому что отъ двухъ моя юрта вся тряслась, и я былъ принужденъ заткнуть уши, чтобы не лопнули перепонки.

Эти трубы скликали киргизъ на тамашу ¹⁾, устраиваемую въ честь русскихъ гостей. Въ воздухѣ запахло пловомъ. Всадники группировались въ долину, готовые начать байгу (родъ скачки). Наконецъ, передъ толпою былъ брошенъ зарѣзанный козленокъ, и одинъ изъ джигитовъ ловко подхватилъ его и поскакалъ. Всѣ понеслись за нимъ, преслѣдуя общую цѣль завладѣть козленкомъ и принести его къ намъ. Датха сидѣла вмѣстѣ съ нами на разостланныхъ коврахъ и равнодушно смотрѣла на несущуюся толпу всадниковъ. Я съ любопытствомъ слѣдилъ за ходомъ игры. Вотъ, вотъ нагоняютъ джигита съ добычей! окружили... Защелкали въ воздухѣ нагайки, и на мгновеніе все спуталось въ общей массѣ и покрылось густымъ облакомъ пыли. Но вотъ снова, съ отнятымъ козленкомъ, вырывается изъ толпы всадникъ, и вдругъ онъ ринулся въ сторону, далеко оставляя за собою дико кричащую и несущуюся за нимъ толпу джигитовъ. Шумъ поднялся ужасный—«байга» оживилась. Козленокъ, совершенно растерзанный, переходилъ изъ рукъ въ руки; наконецъ одному изъ джигитовъ удалось далеко ускакать съ добычей, и онъ, описавъ кругъ, подскакалъ къ нашему коври и бросилъ подъ ноги намъ козленка, отъ котораго остались одни лишь ключья. Толпа криками привѣтствовала побѣдителя, а П. вручилъ ему призовой халатъ и пятирублевую бумажку. Почти до сумерекъ длилась тамаша, много было выпито кумысу, всѣ наѣлись досыта плову, всюду видѣлись веселыя лица.

— Ну, а намъ, господа, пора и восвояси,—сказалъ П.,—какъ разъ къ вечерней зарѣ успѣемъ.

Мы не протестовали, такъ какъ времени оставалось мало, и, попрощавшись съ датхой, которая пожелала намъ добраго пути, мы въ сопровожденіи бековъ отправились къ отряду.

Было уже совершенно темно, когда мы подъѣзжали къ бивуаку.

— Стой, кто идетъ, что пропускъ?—раздался грозный окликъ часового.

П. сказалъ. И мы вѣхали въ лагерь.

Отдыхая въ своей палаткѣ, подъ впечатлѣніемъ радушнаго пріема у алайской парицы, я и не помышлялъ о томъ, что черезъ три года буду свидѣтелемъ ужаснаго горя, разразившагося надъ датхой и ея сыновьями. Въ 1893 году, сыновья ея были вдругъ арестованы

¹⁾ Тамаша—гулянье.

и посажены въ тюрьму, а по Алаю стали ходить тревожные слухи о задушеніи русскаго таможеннаго стражника, погибшаго съ двумя джигитами, во время задержанія контрабанды. Началось слѣдствіе, которое выяснило, что наша ¹⁾, которую везли Канчи-беку контрабандисты, была задержана таможеннымъ досмотрщикомъ; послѣдній сначала соглашался пойти на компромисъ съ контрабандистами, но затѣмъ раздумалъ и былъ задушенъ ими, не имѣя возможности защищаться, такъ какъ револьверы его и его джигитовъ оказались безъ патроновъ. Говорили, что въ этомъ дѣлѣ участникомъ былъ Канчи-бекъ, но точныхъ уликъ не было, и дѣло было отложено областнымъ судомъ для дополнительнаго слѣдствія. Великое горе охватило сердце старухи матери; сыновья, ея гордость и надежда, опозорены, замѣшанные въ гнусномъ убійствѣ, и посажены въ тюрьму наравнѣ съ мошенниками и ворами. Лучше бы убила она ихъ своими руками, если бы предвидѣла такое позорное дѣло, но все же она надѣялась и глубоко вѣрила, что сыновья ея не причастны въ этомъ преступленіи. Между тѣмъ, пока длилось дополнительное слѣдствіе, военный губернаторъ Ферганской области генералъ-майоръ Повало-Швейковскій усиленно хлопоталъ о переводѣ этого дѣла изъ-подъ вѣдѣнія гражданскаго суда въ полевой военный; ходатайство его было уважено: беки преданы полемому суду.

Я навѣщалъ въ Маргеланской тюрьмѣ несчастныхъ и долго бесѣдовалъ съ ними. Трудно было представить себѣ, чтобы эти люди, столько лѣтъ безпорочно служившіе русскому правительству, были участниками преступленія. Мнѣ отъ души было жалъ, глядя на похудѣвшее, грустное лицо Махмудъ-бека и Мирза-Паяса, которые судились за укрывательство преступленія. Я утѣшалъ ихъ, сколько могъ, но они и сами понимали, что значило преданіе ихъ военному суду. Мрачный сидѣлъ въ одиночной камерѣ Канчи-бекъ и все лишь молился Аллаху, соблюдая строгую уразу (постъ). Къ нему никого не допускали. Его сердце испытывало двойное горе: въ числѣ арестованныхъ былъ и его единственный сынъ Арсланъ-бекъ, сидѣвшій тоже въ тюрьмѣ, въ которой томились 21 киргизъ, обвиняемыхъ въ убійствѣ таможенныхъ.

Судопроизводство происходило при закрытыхъ дверяхъ, нѣсколько дней длились пренія, судьями были командиры баталіоновъ подъ предсѣдательствомъ генерала Корниловича, которые вынесли смертный приговоръ девяти челоуѣкамъ и въ числѣ ихъ Канчи-беку и его сыну 12-лѣтнему мальчику, а Махмудъ, Мирза-Паясъ и другіе присуждены къ ссылкѣ въ каторжныя работы.

Въ неописанномъ отчаяніи пріѣхала «царица Алая» и, несмотря на дряхлость свою и измученную горемъ душу, явилась къ воен-

¹⁾ Наша—наркотическое средство для куренія, сдѣланное изъ выжимковъ стеблей конопли.

ному губернатору и валялась въ ногахъ у него, вымаливая помилованіе сыновьямъ и внуку...

Да, велико было горе матери, у которой судьба на глазахъ отнимала всѣхъ сыновей. Всѣ русскіе и туземцы были озадачены приговоромъ суда: ожидали полного оправданія бековъ, и вдругъ смертная казнь. Всколыхнулось алайское населеніе, и стали ходить слухи, что киргизы намѣрены освободить своихъ бековъ.

Военный губернаторъ понялъ, что ему грозитъ опасность со стороны киргизъ, и усилилъ караулы. Вокругъ тюрьмы ходили патрули, а около его дома дежурили солдаты. Въ теченіе всего времени суда войска спали не раздѣваясь, дежуря поочередно и имѣя при себѣ боевые патроны; но всѣ эти предосторожности были напрасны. Послѣ подтвержденія смертнаго приговора надъ Канчи-бекомъ и киргизомъ Полваномъ они оба были отвезены въ Опшъ, гдѣ и повѣшены 2 марта 1895 года, въ виду своей родины, дорогого имъ Алая. На казнь изъ города Маргелана за 90 верстъ пріѣхалъ и генералъ Повало-Швейковскій и руководилъ приведеніемъ въ исполненіе приговора суда. Принимая во вниманіе безпорочную службу Махмуда и Мирза-Паяса и несовершеннолѣтіе Арсланъ-бека каторжныя работы имъ и смертная казнь послѣднему были замѣнены ссылкой въ Сибирь, по дорогѣ куда Махмудъ-бекъ, не выдержавъ тягости пути, умеръ.

Послѣ этого печальнаго событія датха пережила новую метаморфозу: мозгъ ея не выдержалъ тяжелаго горя; помѣшалась бывшая Алайская царица, и теперь, въ рубищѣ, не подпуская къ себѣ никого, сидитъ она и молится Аллаху о спасеніи души своего сына. Такимъ образомъ угасъ царственный родъ на Алаѣ, и со смертью датхи только рассказы объ ея быломъ могуществѣ и силѣ будутъ ходить изъ ущелья въ ущелье, разносимые батырами по ауламъ.

Б. Л. Тагъевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

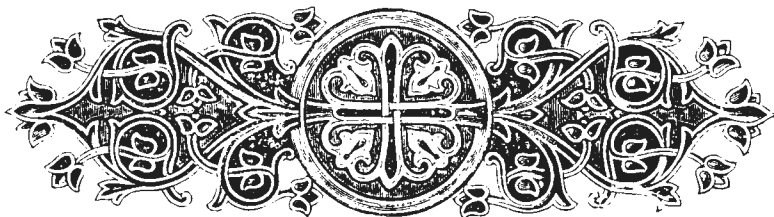

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО- ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

АВГУСТЪ, 1898

ПАМИРСКІЙ ПОХОДЪ ¹⁾.

(Воспоминанія очевидца).

VI.

ЕДЛЕННО движется длинная вереница сѣрыхъ, утомленныхъ солдатъ, пробирающихся между большими каменными глыбами и поднимающихся вверхъ по Кизиль-артскому ущелью. Это ущелье врѣзывается узкою щелью въ Заалайскій хребетъ, поднимаясь отъ Алайской долины къ перевалу Кизиль-артъ, и затѣмъ съ вышки его снова спускается въ долину рѣки Марканъ-су. Шумя и пѣнясь, бѣжитъ навстрѣчу идущимъ горная рѣчка Кокъ-сай, затѣйливо извиваясь между камнями и утесами и тѣмъ еще болѣе затрудняя и безъ того нелегкое движеніе отряда. Чуть проходима тропа вьется, круто поднимаясь вверхъ и часто пересѣкаемая быстрою рѣкой, представляетъ собою немалое препятствіе для движущагося обоза и пѣхоты, не говоря уже про совьючившуюся артиллерію, которой особенно тяжело было пробираться въ этихъ мѣстахъ. 19-го іюня, погода была пасмурная, облака почти спустились на землю и, казалось, что вотъ-вотъ коснешься ихъ головою. Дорога, благодаря небольшой ширинѣ и нагроможденнымъ всюду камнямъ, была чрезвычайно неудобна. Вьюки поми-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ LXXIII, стр. 111.

нотно задѣвали за большіе обломки скалъ, лежаціе на протяженіи всего пути, обрывались и падали, такъ что бѣдные солдаты положительно выбивались изъ силъ, поминутно перевьючивая лошадей. Часамъ къ восьми поднялся холодный вѣтеръ, облака совершенно спустились на землю, снѣжная крушица стала гуще падать и немилосердно бить въ лицо, но вскорѣ повалилъ сначала мелкій, а затѣмъ крупный снѣгъ. Закрутилась метель, кругомъ не видно ни зги. Спереди, сзади, съ боковъ—все бѣло, все несется въ какомъ-то фантастически-ужасномъ вихрѣ. Идти приходилось положительно ощупью, наобумъ выбирая дорогу. Измокшіе и прозябшіе солдаты, одѣтые полѣтнему, старались быстрою ходьбою хоть немного разогрѣть свои окоченѣвшіе члены. Но, несмотря на всю неприглядную и тяжелую обстановку, въ нашемъ солдатѣ сказывался бодрый, свѣжій, не унывающий русскій духъ, тотъ духъ, который руководилъ имъ и при переходѣ черезъ Балканы и въ альпійскихъ походахъ Суворова. Вотъ подъ большимъ камнемъ, немного прикрывающимъ собою отъ снѣга и вѣтра, собралась кучка измокшихъ и иззябшихъ солдатъ. Какъ ни въ чемъ не бывало, закручиваются «цыгарки», и, вслѣдъ за подбадривающимъ табачнымъ дымкомъ, слышатся солдатскіе остроты и разговоры:

— Ну, что, братцы, совсѣмъ зимушка-то расейская, смотри: всѣ уши залѣпило,—говорить одинъ.

— А въ Маргеланѣ-то, поди, теперь солдаты лежатъ себѣ да фрухтой разной обжираются,—добавляетъ другой солдатъ, выколачивая о каблукъ трубку.—И не пойму, для ча это насъ повели сюды, кому нужны эти гали (камни),—пропади они совсѣмъ, ишь сапожишки о нихъ, проклятыхъ, размочалилъ,—прибавляетъ онъ, разсматривая свои изорванные и нигуда уже негодные сапоги.

Но недолго длится приваль; раздается команда. Медленно, какъ будто нехотя, поднимаются съ своихъ мѣстъ солдаты и снова безмолвно лѣзутъ впередъ, на встрѣчу разсвирѣпѣвшей стихіи. Какъ ни хотѣлось бы подольше отдохнуть, но положительно нѣтъ физической возможности дѣлать болѣе или менѣе продолжительные привалы въ такую погоду, когда даже во время ходьбы холодъ пронизываетъ до костей, а попадающій за воротникъ снѣгъ, тая, холодными струйками бѣжитъ по спинѣ. Но вотъ, послѣ полудня, снѣгъ мало-по-малу началъ стихать, туманъ разсѣялся, и дорогу можно было уже различать на довольно далекое разстояніе. Люди и обозъ страшно растянулись, и кое-гдѣ, между камней, мелькали вяло идущіе, измученные солдаты и выючныя лошади, сопровождаемыя керекешами. Несчастныя существа эти керекешы—просто жаль смотрѣть на нихъ. Оборванные, при томъ вѣчно голодные, находящіеся въ полной зависимости отъ своихъ караванбашей и, конечно, страшно эксплуатируемые ими, они къ окончанію похода превращались просто въ нищихъ. Съ какою грустью и отчаяніемъ на лицѣ

приходили многіе изъ нихъ къ офицерамъ, заявляя плачевнымъ тономъ: «тюра, тюра, алаша кунчалъ!» то-есть, что лошадь, не вынеся тяжести вьюка, пала. Часто приходилось слышать такія восклицанія, но кому же какое дѣло до чужого горя?

Стало яснѣе, кругомъ все застлано бѣлою снѣжною пеленою, какъ бы накрыто одною сплошною скатертью и, благодаря этому, и безъ того мертвый пейзажъ получалъ видъ еще болѣе грустный и удручающій. Пасмурны и недовольны лица у идущихъ солдатъ, какъ-то апатично переставляютъ ноги усталыя лошади, и у каждого на лицѣ можно прочесть одну мечту, одно лишь скромное желаніе— лечь и отдохнуть; еще только полчаса ходьбы и это осуществится. Кто не бывалъ въ походахъ, а особенно въ горныхъ, тотъ не можетъ понять того восторга, подъема духа и прелести, какія доставляетъ усталому, измученному человѣку голубая струйка дыма бивуачной кухни, весело поднимающаяся змѣйкой къ облакамъ. Будь солдатъ изнеможенъ до послѣдней степени, онъ оживетъ, силы его возобновятся, какъ только онъ издали увидитъ этотъ соблазнительный бивуачный дымокъ. Но не только люди, даже лошади прибодряются, ощущая запахъ бивуака, и радостно ржутъ и рвутся изъ-подъ своихъ тяжелыхъ и неудобныхъ вьюковъ. Показался дымокъ. «Бивуакъ!» раздается крикъ замѣтившихъ его. «Бивуакъ!» разносится радостное извѣстіе по всѣмъ концамъ растянувшагося отряда, и всѣ, напрягая послѣднія силы, стараются возможно скорѣе преодолѣть небольшое разстояніе, отдѣляющее ихъ отъ желаемой цѣли.

Около кухоннаго котла уже сгруппировалась кучка подошедшихъ погрѣться солдатъ, ружья составлены въ козлы, число которыхъ увеличивается по мѣрѣ подхода людей. Маленькій костеръ, сложенный изъ небольшого количества захваченнаго топлива, мигая, еле-еле горитъ, распространяя вокругъ себя ѣдкій дымъ тлѣющаго сырого «терескена», но все же, несмотря на эту непріятность, каждый старается ближе протянуть къ нему свои окоченѣвшія руки. Кухонная прислуга, припедная раньше, поставила палатку, въ которую забрались офицеры, въ ожиданіи своихъ вещей и палатокъ. Снѣгъ продолжалъ падать, но не въ такомъ обильномъ количествѣ, какъ во время перехода; вѣтра не было, но вмѣстѣ съ тѣмъ недоставало и топлива. Подошедшіе люди были посланы собирать кизякъ, котораго находилось очень немного, да и тотъ намокъ и не горѣлъ. Уже подобралось порядочно народу, но обоза, конная его и арріергарда все еще не видно. Сидятъ люди подъ открытымъ небомъ, терпѣливо ожидая своихъ незатѣйливыхъ походныхъ хорѣмъ, а снѣгъ все сыплеть да сыплеть. Только спустя четыре часа, подошелъ наконецъ и обозъ съ промокшими подстилочными кошмами, палатками и разными солдатскими венцами. Палатки мигомъ засѣрѣли на бѣломъ снѣжномъ фонѣ, и прозябшіе солдаты стали, было, грѣть воду въ манеркахъ,

но мокрый кизякъ не горѣлъ; такъ и пришлось лечь, не согрѣвшись чайкомъ.

«Хотя бы водочки выдали!»—ворчали солдаты, кутаясь въ мокрые тулупы и лежа на сырой кошмѣ, подъ промокшими палатками; но водка почему-то выдана не была, а супъ съ совсѣмъ недовареннымъ мясомъ поспѣлъ только къ первому часу ночи, и, конечно, разоспавшіеся люди такъ его и не поѣли, и онъ былъ вылитъ изъ котловъ завьючившейся съ разсвѣтомъ кухней. Никогда еще такъ скоро не были стюкованы вещи и навьючены лошади, какъ на слѣдующее утро; къ тому же погода прояснилась, и сквозь сѣрые клочки снѣжныхъ облаковъ просвѣчивало голубое небо; удалось «согрѣть» и чайники. Какимъ вкуснымъ показался на этотъ разъ черствый сухарь съ чаемъ, сильно пахнущимъ дымкомъ, съ какимъ наслажденіемъ пили всѣ его, начиная съ командира и кончая послѣднимъ керекешомъ. Раздалась команда: «въ ружье!» и отрядъ тронулся, круто поднимаясь на перевалъ Кизиль-артъ. Тяжело дышится на высотѣ 14.000 футовъ, часто останавливаются солдаты запыхавшись, захватывая полною грудью, какъ вытащенная изъ воды рыба, разрѣженный воздухъ. Круто поднимается узенькая тропа, заваленная камнями; справа обрывъ, на днѣ котораго бѣжитъ рѣчка Кокъ-сай, извиваясь между гранитными утесами. Перевалъ покрытъ снѣгомъ, кругомъ не видно ни деревца, ни кусточка—все сѣро, пустынно и мрачно. Часто попадаются то съ правой, то съ лѣвой стороны тропинки, трупы лошадей и верблюдовъ, многіе изъ нихъ уже совершенно истлѣвшіе.

Вотъ двое солдатъ добираются уже до вышки, за ними карабкается еще небольшая кучка. Остановились и смотрятъ вверхъ.

— «А што, братцы, вотъ и на небо сичасъ запрыгну,—шутить одинъ изъ нихъ.—Смотри, ребята!»—и онъ съ крикомъ «ура!» бросается впередъ, карабаясь по снѣгу, и вмигъ взбирается на вершину перевала. Но тутъ силы покидаютъ его, и онъ, въ изнеможеніи, переводя духъ, садится на снѣгъ.

— Ну, и гора! Ну, и горища, дьяволъ ты поberi!—говоритъ другой, остановившись и тяжело дыша, глядитъ вверхъ на скрывающуюся въ облакахъ всю вершину перевала, разражаясь при этомъ пѣлымъ потокомъ крѣпкихъ русскихъ словечекъ, и, какъ будто облегчивъ себя этимъ, ползетъ далѣе, работая руками и ногами...

Вышка перевала значительно поднимается надъ окрестными вершинами, и чудный видъ открывается передъ глазами: съ боковъ вершины горъ угрюмо и мрачно стоятъ у подножія перевала, а спереди зияетъ крутой обрывъ, въ концѣ котораго виднѣется долина рѣки Марканъ-су, и каждый, видя себя выше окружающихъ вершинъ, невольно испытываетъ радостное чувство оттого, что забрался такъ высоко, выше облаковъ, въ которыхъ еще вчера проходилъ отрядъ. Задымились «цыгарки» и трубы, и вчерашняго настроенія

какъ бы не бывало; всѣ веселы, шутятъ, и кто-то было зататянулъ пѣсню, но, не встрѣтивъ, однако, поддержки, оборвалъ ее и замолкъ.

— Ну, что отдохнули, братцы? — спрашиваетъ подъѣхавшій офицеръ.

— Еще бы маленько, ваше благородіе,—какъ бы сговорившись, отвѣчаютъ солдаты.

— Ну, садись!

И самъ онъ слѣзаетъ съ лошади и садится на камень.

— Спасибо тебѣ, перевалушко,—шутить солдатъ, отдирая уцѣлѣвшіе лоскутья подошвъ,—удружилъ ты намъ сегодня, да и себя не забылъ, ишь подметки да подборы себѣ на память оставилъ!

Всѣ хохочутъ.

Спускъ въ долину рѣки Марканъ-су довольно крутъ и извилистъ, но подъ гору идти не то, что въ гору, а потому чуть не бѣгомъ спускаются солдаты, перегоняя одинъ другого, и, перейдя въ бродъ рѣку, идутъ по глубокому песку, вдоль по широкому ущелью, окаймленному невысокими, покрытыми снѣгомъ, горами.

Тяжело было идти, послѣ труднаго перевала, по рыхлой песчаной дорогѣ, а тутъ еще высота 12.000 футовъ сильно отзывалась на непривыкшихъ къ разрѣженному воздуху людяхъ. Встрѣчный вѣтеръ, несущій цѣлыя облака пыли, также сильно препятствовалъ движенію отряда, такъ что люди и лошади, тяжело дыша, еле тащили ноги. По пути поминутно попадались отдохавшіе солдаты, грустно сидѣвшіе, безъ обычной болтовни, протирая отъ пыли глаза и уши. Воды не было—рѣка осталась позади. Вотъ одинъ тщедушный, выбившійся изъ силъ солдатикъ, захватился за болтающійся конецъ вьючной веревки и машинально переступаетъ ногами, буксируемый лошадыю, и не замѣчаетъ, какъ та, прижимая уши и скаля зубы, намѣревается лягнуть его, чтобы отдѣлаться отъ лишняго груза; но вьюкъ не даетъ ей привести въ исполненіе свое намѣреніе, и животное, въ безсильной злобѣ, покоряется своей участи.

— А что, землякъ, усталъ?—раздается сочувственный голосъ казака:—садись ко мнѣ!—и онъ сдвигается на крупъ лошади и сажаетъ солдатика въ сѣдло.

Вообще казаки во время Памирскаго похода съ жалостью относились къ пѣхотѣ, на долю которой доставалось болѣе тягости, чѣмъ другимъ родамъ оружія. Казаки, бывало, то и дѣло сажаютъ на свою лошадь измученнаго линейца, а сами идутъ пѣшкомъ, солдатикъ же съ блаженной улыбки отдыхающаго человѣка покачивается на спинѣ казачьяго мастачка. Еще одно замѣчательное свойство оренбуржцевъ: во все время похода они никогда ни въ чемъ не нуждались. Какими-то способами они доставали себѣ всегда все необходимое, тогда какъ пѣхота изнывала отъ жажды и голода.

Идетъ казачья сотня, а между лошадьми, семеня ногами, бѣжитъ баранъ, привязанный за шею чумбуромъ, а иной разъ и цѣлая корова.

— Откуда, такія вы сякія дѣти, набрали скота?—кричитъ офицеръ.

— Присталъ по дорогѣ самъ, ваше благородіе!—отвѣчаютъ казаки, и офицеръ, удовлетворенный поясненіемъ, успокоивается.

Однажды мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ такой сценки. Ѣдетъ керекешъ, апатично сидя на своемъ вьючкѣ, и цѣлая вереница завьюченныхъ бѣлыми сухарями ¹⁾ лошадей слѣдуетъ за нимъ, связанная въ одну линію хвостъ съ поводомъ. Сидитъ керекешъ и поетъ пѣсню, а казакъ, живо смекнувъ, что, молъ, время терять нечего, соскочилъ съ мастака, вынулъ пашку да и ткнулъ ею снизу въ одинъ изъ каповъ. Сухари одинъ за другимъ посыпались на землю, а казакъ, подбирая ихъ, складывалъ въ торбу. Когда торба была наполнена, онъ привязалъ ее къ сѣдлу и крикнулъ покиргизски керекешу:

— Ей, уртакъ (землякъ), ты такъ всѣ сухари растеряешь!—и при этомъ указалъ на валившіяся лепешки.

Соскочилъ киргизъ, увидалъ дыру въ мѣшкѣ, покачалъ головою и давай ее завязывать, а казака благодарить и суетъ ему въ награду два сухаря, приговаривая: «Казакъ якши, казакъ силау (награду) биряманъ (даю)». «Якши, якши», подлакиваетъ казакъ, пряча за пазуху сухари, и похлопываетъ по плечу керекеша. Другой разъ случай былъ еще характернѣе. Это было около бивуака, когда отрядъ проходилъ мимо юрта отряднаго подрядчика. Около одной изъ нихъ киргизъ возился надъ приготовленіемъ плова (это было въ самое время, когда солдаты ужасно голодали, а подрядчикъ немовѣрно наживался). Уже закрылъ киргизъ крышкой котелъ и огонь выгребъ—поспѣлъ значитъ. Проѣзжаетъ мимо оренбуржецъ.

— Ей, уртакъ, апранъ борма ²⁾?—кричитъ казакъ киргизу.

— Хазыръ, хазыръ, таксыръ ³⁾,—отвѣчаетъ киргизъ и уходитъ въ юрту. А казакъ скокъ съ лошади да къ котлу. Снялъ крышку и вывалилъ весь пловъ, часть въ фуражку, а часть въ манерку, закрылъ снова пустой котелъ крышкой, сѣлъ на коня, да и былъ таковъ. Все это было сдѣлано съ поразительною быстротою и ловкостью.

Выходитъ киргизъ съ чашкой, наполненною апраномъ, и, не видя казака, угощаетъ подошедшихъ пѣхотныхъ солдатъ.

— Апранъ якши ⁴⁾?—скала свои жемчужные зубы, спрашиваетъ онъ ланейца.

— Якши, якши!—хлопая по плечу киргиза, отвѣчаетъ солдатъ и продолжаетъ свой путь, а киргизъ идетъ къ котлу посмотрѣть на

¹⁾ Т. е. сартовскими лепешками, заготовленными для подрядчика и его прислуги, такъ какъ туземцы русскихъ сухарей не ѣдятъ.

²⁾ Землякъ, есть ли кислое молоко съ водой (питье)?

³⁾ Сейчасъ, сейчасъ, баринъ.

⁴⁾ Апранъ хорошъ?

приготовленное кушанье, осторожно снимаетъ крышку и замираетъ съ нею въ рукахъ...

А между тѣмъ на бивуакѣ цѣлый кружокъ солдатъ и казаковъ сидятъ на землѣ, ѣдятъ да похваляютъ «сартовскую палаву». И сколько такихъ случаевъ можно было наблюдать надъ казаками за походъ и зимовку на Памирахъ.

По этому поводу я однажды имѣлъ разговоръ съ однимъ есауломъ и критиковалъ поведеніе оренбуржцевъ, удивляясь, что казачьи офицеры легко относятся къ нижнимъ чинамъ за ихъ продѣлки.

— А знаете, что я на это вамъ скажу,—объяснилъ есауль,—что я, напримѣръ, никогда не вздую казака, если онъ украдетъ, да не попадетъ. Съ такимъ, который только одними казенными харчами довольствуется, пропадешь въ походѣ. Возьмите-ка да посмотрите на нашу службу—гоняють, гоняють, отдыху не даютъ, интендантство фуража не доставляетъ, а подлецъ подрядчикъ только о барышѣ думаетъ; вѣдь сами знаете, какъ вашъ солдатъ голодаетъ, а коли стянетъ что нибудь, такъ у васъ его сейчасъ—подъ судъ, а у насъ немного проще: укралъ да попался—нагайкой отхлещемъ, а не попался—твое счастье. Вотъ намереніи, когда мы на рекогносцировку ходили, вѣдь трое сутокъ сломя голову шли, корму подножного—хоть бы травинка, а ячменя интендантъ, чтобъ ему пусто было, видите ли, опоздалъ доставить. Я для своего коня запасъ ячменя берегъ въ курджумахѣ, какъ золото, и въ палаткѣ вмѣсто подушки подъ голову клалъ. Просыпаюсь это я, гляжу, а половины ячменя нѣтъ! Выкрали подлещу, изъ-подъ головы своего сотеннаго командира выкрали, а что подѣлать? Такъ у насъ ужъ поставлено дѣло, что заставляютъ казака красть—ничего не подѣлаешь.

И есауль былъ правъ.

Еще верстъ шесть протянулся отрядъ ущельемъ, затѣмъ поворотилъ вправо, и вдругъ передъ нашими глазами открылась огромная равнина, окруженная кольцомъ совершенно бѣлыхъ, снѣговыхъ горъ, среди которыхъ блестѣло озеро Кара-куль, на южной сторонѣ котораго была назначена завтрашняя стоянка отряда.

— Ну, ребята, завтра мы значить на эфту самую Памиру зайдемъ! Самъ слышалъ, какъ ротный господамъ сказывалъ! — сообщаетъ солдатъ собравшейся кучкѣ товарищей, и всѣ довольны, что наконецъ добрались до Памира, но никто не думаетъ о томъ, сколько ему еще предстоитъ впереди погулять по этой каменной, горной пустынѣ и натерпѣться всякихъ невзгодъ.

VII.

— Осмѣлюсь доложить!

— Что такое? — спросилъ я проснувшаго голову въ палатку унтеръ-офицера Бѣлова.

— Тилля умираетъ, пожалуйста въ лазаретъ, докторъ просить!

Я вскочилъ и бѣгомъ пустился къ лазаретной юртѣ. Я былъ дежурнымъ по баталіону, а потому меня и позвалъ докторъ. Тилля былъ довольно замѣчательная личность. Онъ былъ простымъ сартомъ и когда-то служилъ у меня малайкой (лакеемъ), всегда отличался влеченіемъ ко всему русскому и даже охотно носилъ русскій костюмъ. Это былъ рослый, здоровый сартенокъ, съ сильной мускулатурой, весьма неглупый и расторопный. Когда былъ объявленъ Памирскій походъ, ему во что бы то ни стало захотѣлось поступить солдатомъ въ отправляющійся на Памиры отрядъ. Не долго думая, онъ явился къ командиру баталіона и изложилъ ему свою просьбу; но такъ какъ до сихъ поръ ни одинъ сартъ въ военную службу не принимался и законоположеній на случай поступленія узбековъ добровольцами въ русскую армію не было, то командиръ отказалъ Тиллѣ въ принятіи его добровольцемъ. Однако, сартенокъ не потерялъ энергіи и явился съ той же просьбой къ начальнику отряда, Іонову, который прямо отвѣтилъ ему, что сартовъ въ военную службу не принимаютъ. Потерпѣвъ и здѣсь неудачу, Тилля отправился къ губернаторскому дому и дождавшись, когда командующій войсками выходилъ, чтобы сѣсть въ коляску, подалъ генералу прошеніе и еще разъ изложилъ лично свою просьбу. Послѣ этого, черезъ нѣсколько дней, состоялся приказъ о зачисленіи Тилли рядовымъ во 2-й Туркестанскій линейный баталіонъ. Очень скоро усвоилъ молодой солдатъ все, что требуется отъ рядоваго, и выступилъ въ походъ уже совершенно готовымъ солдатомъ, ничѣмъ не уступавшимъ старослужащимъ. Службу Тилля несъ исправно, порученія исполнялъ точно и сразу попалъ на хорошій счетъ у ротнаго командира.

Первое время, когда бывало онъ сильно уставалъ во время тяжелыхъ переходовъ, солдаты посмѣивались надъ нимъ.

— Что, сартъ, ноги не идутъ!—говорили они.

— Ничего, пойдутъ!—отшучивался Тилля и догонялъ товарищей.

Только при подъемѣ на перевалъ Кизиль-артъ съ нимъ случилось странное явленіе. До самой вышки онъ бодро шелъ, много шутить и дышалъ почти свободно, когда прочіе солдаты сильно задыхались.

— Ишь сарту духу хватаетъ!—ворчали они.

Но только поднялся Тилля на перевалъ, какъ кровь хлынула у него изъ горла, онъ лишился чувствъ и съ полъ-часа пролежалъ въ безсознательномъ состояніи. Фельдшеръ кое-какъ помогъ несчастному добровольцу, и онъ, придя въ себя, какъ ни въ чемъ не бывало отправился дальше, такъ что даже и въ околотокъ не явился. Только вдругъ, придя на южный берегъ озера Кара-куль, гдѣ всѣ жаловались на сильное удушье, благодаря высотѣ 13.300 футовъ, Тилля началъ задыхаться, и съ нимъ случился второй припадокъ, заставившій солдатъ внести его въ лазаретъ. Теперь онъ умиралъ.

Когда я вошелъ въ лазаретную юрту, то увидѣлъ передъ собою полунагого человѣка. Я узналъ сейчасъ же Тиллю, хотя онъ сильно измѣнился. Лицо его было синебагроваго цвѣта, глаза какъ-то странно вытаращены, изо рта текла пѣна, а руки были согнуты кулаками къ груди. Онъ сильно хрипѣлъ и конвульсивно дрожалъ всѣмъ тѣломъ.

— Что съ нимъ?—спросилъ я доктора.

— Сейчасъ будетъ готовъ,—сказалъ онъ мнѣ,—доложите начальнику отряда—параличъ легкихъ. И чего было брать его въ походъ, жилъ бы себѣ въ малайкахъ, а тутъ вотъ...—покачалъ онъ головою.

— Высоты не вынесъ?—спросилъ я.

— Да, конечно, шутка ли такіе переходы, на 14.000 футахъ, погодите, это еще цвѣточки,—указалъ онъ на умирающаго,—ягодки еще впереди, много будетъ такихъ...

Вдругъ умирающій какъ будто немного приподнялся и, издавъ страшный крикъ, какъ-то сильно захрипѣлъ и опрокинулся на подушку; руки его повисли, и одна спустилась на землю; онъ сразу осунулся и сдѣлался какимъ-то особенно маленькимъ, какъ будто провалился въ кровать.

— Готовъ,—сказалъ докторъ, взявъ руку несчастнаго охотника, и прибавилъ, обращаясь ко мнѣ:—идите докладывайте.

Я вышелъ изъ юрты и направился къ начальнику отряда.

Похоронили мы Тиллю съ воинскими почестями. Мулла изъ ближайшаго аула отчиталъ умершаго; надъ могилой его киргизы поставили памятникъ, сложенный изъ каменьевъ, и завалили его архарьими рогами.

— Да, едва вошелъ отрядъ въ область Памира, а жертва уже есть,—подумалъ я, направляясь послѣ похоронъ Тилли въ свою палатку, а съ бивуака доносилась солдатская пѣсня, и гдѣ-то гремитъ гармоника, неизбежная спутница русскаго воина. Иной разъ каждая пуговица кажется тяжелѣе чугунной гири, и солдатъ со злобой срыгаетъ ее прочь, а гармоника неизмѣнно треплется за его спиною, и лишь только придетъ измученный солдатъ на бивуакъ, поставитъ палатку и не успѣетъ еще отдохнуть, а ужъ гармоника заливается, наигрывая неизбежную «Матаню».

Кара-куль лежитъ на высотѣ 13.000 футовъ; это—большое озеро съ горько-соленою водою и мертвыми солонцеватымъ берегами, окаймленное кольцомъ снѣговыхъ горъ. Среди озера, ближе къ сѣвернымъ берегамъ его, тянется довольно большой, скалистый островъ, съ такою же мертвою природою, какъ и берега самаго озера. Мнѣ захотѣлось пробраться на этотъ островъ, тѣмъ болѣе, что мѣстные киргизы увѣряли, что еще ни одинъ европеецъ не проникалъ туда.

Приказавъ сложить парусинную лодку, я взялъ двухъ рядовыхъ охотничьей команды, и мы поплыли по озеру.

Воды его, казалось, впервые носили на поверхности своей судно и словно сердито морщились, уступая человѣческой силѣ. На зеркальных водахъ озера плавало множество водяной птицы, которая близко подплывала къ лодкѣ, съ удивленіемъ поглядывая на насъ. Стайка гусей подплыла почти на 8 шаговъ, и я, схвативъ ружье, приложился и выстрѣлилъ. Громъ выстрѣла глухо пронесся надъ водою и замеръ, подхваченный эхомъ въ ущельяхъ окружающихъ горъ. Одинъ гусь былъ убитъ, и тѣло его мѣрно колыхалось на поверхности озера; прочіе поднявшись отлетѣли немного въ сторону и спустились на воду. Настрѣлявъ множество дичи, мы пристали къ острову, и я принялся за съемку его. Это былъ голый, скалистый островъ, сплошь усыянный утиными гнѣздами, въ которыхъ находились еще неоперившіеся птенчики. Нанеся островъ на планшетъ, я съ богатой добычей вернулся въ отрядъ, гдѣ вечеромъ всѣ съ аппетитомъ ѣли вкусную, жареную птицу.

Въ 1894 году, шведскій путешественникъ Свенъ-Хединъ пробрался на этотъ островъ по льду зимою и произвелъ его промѣры.

По берегамъ озера въ обильномъ количествѣ растутъ небольшими кусточками терескенъ. Это растеніе представляетъ собою великолѣпное и единственное топливо на Памирѣ, оно одинаково хорошо горитъ, какъ въ сыромъ, такъ и въ сухомъ видѣ, а также иногда, за немѣнѣемъ подножнаго корма, служило пищею для отрядныхъ лошадей. Терескенъ представляетъ собою небольшой колючій кустикъ съ зелено-оранжевыми, мясистыми листочками, имѣющими большое сходство съ листьями барбариса, и съ толстымъ, короткимъ корневищемъ, неглубоко сидящимъ въ рыхлой, солонцеватой почвѣ. На Памирахъ его такое множество, что нѣкоторыя долины на протяженіи многихъ десятковъ верстъ сплошь покрыты этимъ растеніемъ, безъ котораго жутко пришлось бы отряду среди снѣговъ и бурновъ Памира.

— Господа,—сказалъ намъ за ужиномъ П.,—доставайте-ка на завтрашній день потеплѣе одежду, на такое мѣстечко придется, просто бѣда.

— А въ чемъ дѣло?—спросилъ я.

— Да на Музь-куль, гдѣ Бржезицкій китайцевъ поролъ; тамъ ужасные морозы.

И дѣйствительно капитанъ былъ правъ. Лишь только мы спустились въ долину ледянаго озера, какъ на насъ повѣялъ холодный вѣтеръ, и вскорѣ морозъ зацѣпалъ носъ и уши. Дневка была необходима, такъ какъ впереди предстоялъ перевалъ Акъ-Байталъ въ 15.070 футовъ, но на Музь-кулѣ оставаться было немислимо. Июньская зима давала себя чувствовать, морозъ дѣлался все сильнѣе, а вѣтеръ усиливался такъ, что отрядъ, несмотря на сорокапятыверстный переходъ, отодвинулся еще на 10 верстъ и сталъ бивуакомъ подъ переваломъ на берегу рѣчки Чонъ-су. Тутъ съ памирскимъ

отрядомъ случилась большая непріятность: онъ потерялъ много лошадей, которыя моментально издыхали безъ видимой тому причины.

Мы просто недоумѣвали, отчего появилась такая смертность на лошадей. Дошли преимущественно сартовскія и русскія лошади, киргизскіе же мастачки оставались невредимыми.

Совершенно случайно вопросъ этотъ разрѣшился. Проѣзжалъ мимо отряда киргизъ изъ ближайшей кочевки и, увидя дохлыхъ лошадей, сказалъ керекешамъ, въ чемъ дѣло. Оказалось, что подъ переваломъ Акъ-Байталъ растегъ трава «аъ-ульдды» (т. е. лошадиная смерть); достаточно, чтобы лошадь съѣла самое небольшое ея количество, какъ она моментально околѣетъ, между тѣмъ киргизская лошадь никогда не будетъ ѣсть этой травы. Киргизъ указалъ еще нѣсколько такихъ же, гибельныхъ для лошадей, мѣстъ, лежавшихъ на пути слѣдованія отряда, и тамъ отрядныя лошади не пустились на подножный кормъ, а кормились ячменемъ изъ запасовъ, заготовленныхъ интендантствомъ.

Перевалъ Акъ-Байталъ (15.070 ф.) доставилъ немало затрудненія отряду. Подъемъ его со стороны Музь-куля чрезвычайно крутъ, хотя и не очень продолжителенъ, затѣмъ переходитъ въ небольшой отлогій спускъ по гребню и, образуя сѣдловину, сразу опять поднимается на 2.000 футовъ, а съ этого мѣста начинается крутой и неудобный спускъ къ рѣкѣ Акъ-Байталъ. Здѣсь особенно давалъ себя чувствовать разрѣженный воздухъ, и только нѣкоторая привычка, уже прибрѣтенная людьми, способствовала отряду къ болѣе или менѣе успѣшному преодолѣнію этой заоблачной преграды, но зато тяжело навьюченные верблюды и лошади сильно страдали, ежеминутно развьючивались и падали. Солдаты положительно изнемогали отъ ежеминутной выючки. Они въ полномъ безсиліи садились на камни, ноги отказывались служить имъ, а по чернымъ обвѣтреннымъ лицамъ катились цѣлые ручьи пота, несмотря на страшный холодъ, царившій надъ переваломъ.

— Самъ еле ноги тащишь, а тутъ еще и лошади подсобляй!— ворчали они.

Спускъ съ перевала былъ значительно легче, и отрядъ потянулся вдоль рѣки Акъ-Байталъ, которую и перешелъ въ бродъ около Рабата № 1.

— Да какъ же это мы, братцы, въ темнотѣ переправляться-то будемъ?—спрашивали другъ друга солдаты, подойдя къ рѣкѣ уже въ совершенную темноту.

— А вотъ такъ и будешь,—отвѣтилъ фельдфебель:—скинешь сапоги и пойдешь.

И пошли солдатики, только многимъ изъ нихъ пришлось принять холодную ванну, окунувшись нѣсколько разъ съ головою въ быстрыя воды Акъ-Байтала. Много вещей утонуло при переправѣ черезъ эту рѣку и, что всего ужаснѣе, была потоплена отрядная

соль, захваченная въ Боръ-да-ба, которая, пока доставали ее, успѣла почти вся раствориться въ водѣ.

— Посолили мы рѣку немного казенной солью! Солоно ей досталось, а все не такъ, какъ намъ пришелся Акъ-Байтала! Эхъ-ма!— острили солдаты.

Однако, не прошла даромъ эта ночная переправа; число больныхъ увеличилось, и уже нѣкоторые были на краю могилы, у многихъ шла горломъ кровь и, кромѣ того, въ отрядѣ открылся тифъ, а одинъ канониръ конно-горной батареи умиралъ отъ воспаления брюшины. Наконецъ, 27-го июня, отрядъ двинулся къ рѣкѣ Мургабу (верховье Аму-Дарьи) и сталъ бивуакомъ недалеко отъ кладбища Кара-гулъ, около слиянія рѣкъ Акъ-Байтала и Акъ-су съ Мургабомъ.

— Ну, слава Богу, отдохнемъ наконецъ,—думалъ каждый, напившись чайку и отдыхая въ своей палаткѣ.

— Долго здѣсь простоемъ?—спросилъ я, зайдя въ палатку штабъ-ротмистра Ш., исполнявшаго должность адъютанта у начальника отряда.

— Да съ недѣлку навѣрное,—сказалъ онъ:—кромѣ того, получено предписаніе до особаго распоряженія не переходить на правый берегъ рѣки Мургаба.

Я былъ очень обрадованъ этимъ извѣстіемъ; двадцатипяти-дневный почти непрерывный горный походъ ужасно утомилъ меня, и я чувствовалъ, что не выдержу дальнѣйшаго движенія безъ основательнаго отдыха.

Ну, и поѣли же рыбы ¹⁾ солдаты за стоянку свою на рѣкѣ Мургабѣ. Ее ловили пудами попросту палатками, такъ что весь отрядъ питался ею до тѣхъ поръ, пока она не опротивѣла. А тутъ еще изъ г. Оша прибылъ маркитантъ и раскинулъ своей гостепріимный шатеръ на берегу Мургаба, снабжая насъ всевозможными винами и яствами за неслыханную цѣну. Да и не мыслимо было иначе. Половина товара его или утонула или разбилась во время ужасной дороги; пришлось наверстывать убытки, и всѣ, несмотря на высокія цѣны, охотно покупали у него продукты и были довольны. Каждый день музыка по вечерамъ играла въ лагерѣ, солдаты собирались, пѣли и плясали; оживленіе было полное.

Между тѣмъ, съ Яшилъ-куля приходили все болѣе и болѣе тревожные слухи. Каждый день къ начальнику отряда являлись Аличурскіе киргизы и жаловались ему на насиліе афганцевъ, которые, притѣсняя киргизъ, выдвигали свои посты далеко за нашу границу. Но и на китайской границѣ было также неспокойно. Китайцы, узнавъ о нашемъ появленіи на Памирахъ, выслали съ восточной части Памира нѣсколько лянцзъ ²⁾, во главѣ съ Джанъ-даринимъ,

¹⁾ Рыба изъ семейства *Jalnoforio* «османъ» очень вкусна, но костлява; напоминаетъ очень форель.

²⁾ Лянцза—эскадронъ.

и выстроили крѣпость Акъ-Ташъ, грозя отряду, стоявшему на рѣкѣ Мургабѣ, въ случаѣ отдѣленія его части на Яшилъ-куль, внезапнымъ нападеніемъ.

Въ виду этихъ обстоятельствъ, полковникъ Іоновъ рѣшилъ предпринять двѣ рекогносцировки въ глубь Памировъ—одну подъ своимъ личнымъ начальствомъ произвести на озеро Яшилъ-куль въ сторону афганцевъ, а другую, подъ командой капитана Скерскаго, черезъ Акъ-Ташъ и Большой Памиръ на то же озеро, гдѣ оба отряда и должны были соединиться. 4-го іюля выступилъ рекогносцировочный отрядъ Скерскаго, а седьмого—третья рота 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона, саперная команда, вторая сотня оренбуржцевъ и взводъ конно-горной батареи подъ командой самого начальника отряда двинулись къ переправѣ Шаджанъ. Остатокъ роты съ музыкой провожали отрядъ верстъ за десять вверхъ по рѣкѣ Мургабу и около переправы, напившись чайку, простились съ уходящими товарищами, а кругомъ суровыя снѣжныя вершины мрачно смотрѣли на небольшую, сѣрую кучку людей, дерзавшихъ такъ смѣло бороться съ ихъ суровою, грозною природою.

VIII.

— Афганца поймали, — сообщилъ мнѣ на другой день послѣ переправы поручикъ Барановъ, разбудивъ меня въ 5 часовъ утра.

Я вскочилъ, какъ ужаленный, такъ какъ мнѣ послышалось: «афганцы идутъ».

Понявъ, въ чемъ дѣло, я побѣжалъ къ кружку солдатъ, обступившихъ человека въ красномъ мундирѣ, около котораго съ побѣдоноснымъ видомъ стоялъ киргизъ. Афганецъ былъ еще молодой человекъ, съ правильными, красивыми чертами лица. Онъ дико смотрѣлъ исподлобья на столпившихся солдатъ и видимо еще не вышелъ изъ состоянія неожиданности, попавъ врасплохъ въ нашъ лагерь.

— Гдѣ его взяли?—спросилъ я у киргиза.

Тотъ только этого и ждалъ, потому что началъ, какъ трещетка, передавать мнѣ подробности поимки афганца.

— Ъхалъ я, таксыръ, по ущелью, — говорилъ киргизъ, — гляжу, а передо мной, точно изъ земли выросъ, афганецъ. Испугался я ужасно, да вдругъ вспомнилъ, что русскіе солдаты близко. «Кайда урусъ?» ¹⁾ — спрашиваетъ меня афганецъ. — Ладно, думаю, скажу я тебѣ, гдѣ русскіе. — Ничего я не слыхалъ объ урусахъ, — говорю я афганцу. — «Ну, такъ проводи меня въ ближайшій аулъ», — говоритъ онъ. — Съ удовольствіемъ, говорю я, а самъ и думаю, какъ же,

¹⁾ Гдѣ русскій?

сведу я тебя, собаку, въ аулъ! Уже начинало свѣтать: когда мы подъѣхали къ казачьимъ патрамъ. «Нема бу?» (что это такое) испуганно спрашиваетъ меня афганецъ.—Урусляръ (русскіе), говорю я ему, а самъ посмѣиваюсь въ душѣ, какъ ловко провелъ я афганца. Оторопѣлъ онъ, да и хотѣлъ скакать обратно, но было ужъ поздно: двое казаковъ держали подъ уздцы его лошадь, и развѣдчикъ былъ стационъ на землю.—Киргизъ кончилъ и протянулъ мнѣ свою руку.—Дай, тюра, силау-манъ байгунъ санъ тюра ¹⁾),—сказалъ онъ. Я положилъ на его ладонь монету, и онъ, скорчивъ гримасу отъ удовольствія, сталъ кланяться, приговаривая: кулдукъ, кулдукъ, таксыръ ²⁾).

Афганца повели въ юрту начальника штаба, куда направился и я. Допросъ плѣннаго производился черезъ переводчика.

— Откуда ты?—спросилъ полковникъ В.

— Съ Аличурскаго поста,—отвѣтилъ афганецъ.

— А много васъ тамъ?

— Больше, чѣмъ васъ,—совралъ афганецъ.

— Да ты говори правду,—разсердился на такой отвѣтъ полковникъ.

— Афганцы не врутъ!—обиженно отвѣтилъ плѣнный.

— Не извѣстно ли тебѣ, почему афганцы поставили свой постъ на Аличурѣ?

— Ничего мнѣ неизвѣстно, я простой солдатъ и посланъ разузнать, гдѣ русскіе, и если бы не проклятый киргизъ, то я бы не попался вамъ въ руки.

Афганецъ держалъ себя непринужденно, говорилъ заносчиво и видимо былъ ужасно раздосадованъ, что такъ глупо попался къ намъ въ руки.

— Ты пѣхотный или кавалеристъ?—спросилъ я афганца.

— Рисоля! ³⁾—отвѣтилъ онъ.

И дѣйствительно отобранное у него оружіе состояло изъ кривой пашки и кавалерійскаго карабина системы Пибоди-Мартини.

Болѣе ничего обстоятельнаго не сообщилъ пойманный, и его показанія шли совершенно въ разрѣзъ съ донесеніями киргизъ, которые увѣряли, что на Аличурскомъ посту, подъ командой афганскаго капитана Гулямъ-Айдаръ-Хана, находится небольшое число афганцевъ, которые ожидаютъ свѣжихъ силъ, но что подкрѣпленіе еще не подоспѣло, да и врядъ ли подойдетъ къ двадцатымъ числамъ іюля, тогда какъ мы должны были быть на Ипиль-кулѣ двѣнадцатаго.

Тѣмъ не менѣе, соблюдая всѣ мѣры предосторожности, мы дви-

¹⁾ Дай, баринъ, на чай, я бѣднякъ, а ты баринъ.

²⁾ Спасибо, спасибо, ваше благородіе.

³⁾ Рисоля (кавалеристъ).

нулись далѣе и, переночевавъ въ урочищѣ Комаръ-Утекъ, съ разсвѣтомъ двинулись къ камню Чатыръ-Тапъ.

— Запасись водой, ребята, — приказалъ ротный командиръ, — переходъ будетъ тяжелый.

Дорога тянулась широкою долиною, окаймленною довольно высокими горами, и поднималась террасами въ гору. Встрѣчный вѣтеръ крутилъ цѣлыя облака мельчайшаго песку, что являлось однимъ изъ самыхъ значительныхъ препятствій для движенія пѣхоты. Къ полудню вѣтеръ усилился, и идти положительно стало невозможно. Песокъ засорялъ глаза, трещалъ на зубахъ, набирался въ носъ и уши, которыя такъ заложило, что невозможно было слышать собственныхъ словъ. Пять часовъ шли уже солдаты; вода была давно уже выпита, а по пути не попадалось ни одного ручейка. Сдѣлали приваль, но что за отдыхъ для солдата безъ освѣжающей водицы, когда ему нѣтъ возможности ни освѣжить воспаленнаго лица, ни утолить жажды. У многихъ болѣла голова, а во рту засохъ языкъ. Появилось много отсталыхъ. На каждомъ шагѣ попадались то сидящіе, то лежащіе люди. Ужъ на что былъ здоровенный охотникъ Шароновъ, который, казалось, и устали не зналъ, и тотъ теперь шелъ, понурия голову, какъ-то тыкая въ землю ногами. Сильныя ноги его не слушались, гнулись въ колѣняхъ, а воспаленные глаза были апатично устремлены въ даль, гдѣ лишь виднѣлись облака желтой пыли, поднимаемой неугомоннымъ вѣтромъ. На душѣ у него было такъ же безотрадно, какъ и кругомъ. Теперь, когда силы покидали его, когда жажда неистово томила внутренности, а въ головѣ какъ будто стучали желѣзнымъ молотомъ, онъ вдругъ, подъ впечатлѣніемъ переносимыхъ лишеній, рѣшилъ, что онъ лишній на этомъ свѣтѣ. Вспомнилось ему на мгновеніе его бывшее житье въ деревнѣ, его женитьба на красавицѣ, славившейся на всю округу, но воспоминаніе это, отрадною искоркою мелькнувшее въ его воспаленномъ мозгу, быстро пронеслось мимо, оттѣсненное цѣлымъ рядомъ тяжелыхъ событій прошлаго. Припомнилась ему рекрутчина, побои, взятки дядекъ. Наконецъ, длинное путешествіе въ Туркестанъ, тоска по родинѣ и тяжелая служба молодого солдата. Почему-то вдругъ съ особенною яркостью вспомнилъ онъ, какъ однажды дежурный по батальону далъ ему пощечину за то, что, оставаясь за дежурнаго по ротѣ, онъ не отпрапортовалъ ему во время. Слезы навернулись у солдата на глазахъ. «А вѣдь зря тогда саданулъ онъ меня», — подумалъ онъ: — «я тогда и устава не зналъ — не обучался». Припомнилось ему, какъ пришла къ нему съ партіей и жена. Скромная бабенка была. Бывало изъ дому не выгонишь, все время въ работѣ, да избаловалась она, какъ и всѣ солдатки въ Туркестанскомъ краѣ. Долго не подмѣчалъ онъ за нею ничего такого, да вдругъ и засталъ ее съ дружкомъ за бутылкой сладкой водочки. Охъ, какъ вскипѣло тогда его сердце! Оттаскалъ онъ жену за косы и избилъ

до полусмерти разлучника. Началось слѣдствіе, и посадили солдата на гауптвахту. А женѣ только того и нужно было. Стала его жизнь съ тѣхъ поръ каторгой. Въ батальонѣ солдаты издѣваются, что молъ «жену просмотрѣлъ», а домой лучше не ходи—срамъ одинъ. Онъ и ротному жаловался на свою бабу и билъ ее,—ничего не помогало; хотѣлъ ужъ было руки на себя наложить, да какимъ-то чудомъ Богъ его спасъ—одумался. Грустилъ, грустилъ онъ да и запилъ, плюнулъ на все. Идетъ онъ, а самъ думаетъ, за что на его долю выпала такая тяжелая жизнь! Давно не было такъ тяжело на душѣ у Шаронова, давно не лежало такимъ тяжелымъ камнемъ на сердцѣ его горе. «Ужъ лучше бы околѣть въ горахъ»,—подумалъ онъ. — «Что за жисть! на службѣ тягость одна, а домой придешь, тамъ—жена потаскуха, больше ничего». Онъ остановился и глубоко вздохнулъ, въ глазахъ его запрыгали кровавые круги, горы какъ-то странно перекошились, и онъ опустился на землю. Винтовка выпала изъ рукъ его и, щелкнувъ о камень стволомъ, упала на землю. «На стволѣ, должно, забойна будетъ»,—мелькнуло въ головѣ солдата:— «ну, да чортъ съ нимъ, все равно, съ мертвого не зыщешь»... Какая-то нѣга разлилась по всѣмъ его членамъ, и ему хотѣлось безконечно лежать тутъ среди этой дикой долины, далеко отъ людей и грустной дѣйствительности. Онъ слышалъ, какъ мимо него проходили люди, и ихъ тяжелые шаги беспокоили полный покой, царившій въ его душѣ. «Вотъ, вотъ поднимуть»,—тревожно думалъ онъ, когда раздавались приближающіеся шаги. Но шаги стихали, и онъ успокоивался. Мало-по-малу мысли путались въ его головѣ, какая-то истома овладѣла имъ, и онъ больше ни о чемъ не думалъ...

Вдругъ онъ вздрогнулъ, кто-то толкнулъ его. Онъ открылъ глаза и поднялъ голову. Надъ нимъ стоялъ начальникъ арьергарда. Добродушные глаза поручика Гермута съ участіемъ смотрѣли на лежащаго солдата.

— Встань, братецъ, до бивуака недалеко,—сказалъ онъ.

Шароновъ хотѣлъ подняться, но сильная боль въ головѣ, поясницѣ и ногахъ заставила его громко застонать.

— Ой, ваше благородіе, не могу, всего разломило!—проговорилъ онъ.

— Ну, прибодрись, прибодрись, я тебѣ помогу,—говоритъ офицеръ и помогаетъ солдату подняться на ноги.

— Садись на лошадь, а винтовку надѣнь за спину,—говоритъ онъ ему, какъ маленькому ребенку, котораго учить нянька, какъ нужно надѣть шляпу.

Шароновъ покорно садится на офицерскую лошадь и благодарно смотреть на идущаго пѣшкомъ офицера.

— Ишь какой «господить-то» нашъ?—думаетъ Шароновъ:—вотъ кабы такихъ было побольше, и служба другая бы пошла.

Теперь на каждомъ шагу стали попадаться то сидящіе, то ле-

жащіе, изнеможенные солдаты, ожидающіеся аріергарда, къ которому присоединяются и идутъ кое-какъ дальше. Не остаются же одному среди мертвой долины, обрекая себя на голодную смерть или на пищу шакаламъ, все время слѣдившимъ за отрядомъ. А поручикъ Гермуть на мѣсто отдохнувшаго солдата сажаетъ другого и продолжаетъ это до тѣхъ поръ, пока самъ не устанетъ. И часто повторяются подобныя сцены во время этого тяжелого, безводнаго пути. Да и немудрено, идя въ гору, при высотѣ 13.000 футовъ, утомиться, отдохнувъ лишь двадцать минутъ въ теченіе двѣнадцати-часовой ходьбы. Уже солнце спряталось за снѣжныя вершины—шесть часовъ, а бивуака все еще не видно.

— Гдѣ же камень? Кто знаетъ изъ прошлогоднихъ? — спрашиваетъ офицеръ.

— А вотъ за эфтой горкой, ваше благородіе,—указывая на небольшую горку, говоритъ одинъ изъ охотниковъ, бывшій здѣсь во время прошлогодней рекогносцировки.

— Какъ значитъ, этого, выйдемъ на верхъ, такъ и бивакъ увидимъ, если дальше не ушли, добавляетъ онъ, упирая на послѣднее слово, какъ бы боясь, чтобы и въ самомъ дѣлѣ «дальше не ушли».

— Ну, ребята, подбодрись! скоро отдохнемъ, — говоритъ офицеръ,—ужъ теперь недалеко.—Но онъ и самъ не вѣритъ своимъ словамъ: ужъ не сбились ли съ пути?—думаетъ онъ.

Длинною вереницей, еле волоча ноги, подобрались наконецъ солдаты на вершину небольшой горы, и радостный крикъ «бивакъ!» вырывается изъ устъ каждаго. Одинъ за другимъ подходятъ солдаты на вершинку и, положивъ возлѣ себя ружья и амуницію, смотрятъ на большой четырехъугольный камень, лежащій среди громадной равнины, подъ которымъ блистаютъ огоньки костровъ и бѣлѣютъ, освѣщенные вечернимъ закатомъ, палатки прибывшихъ туда казаковъ.

— И откуда такая «галя» взялась, братцы?—удивляется солдатъ.

— Откуда взялась, оттуда и есть! — сурово отвѣчаетъ старый охотникъ, бывалый уже въ этихъ мѣстахъ и считающій за нелѣпость задумываться надъ такими пустяками.

Офицеръ скачетъ назадъ и кричитъ отсталымъ, что уже виденъ бивакъ. Всѣ какъ бы перерождаются отъ этого магическаго слова. Новая сила какъ будто вливается въ ихъ утомленные существа, и они нетвердымъ шагомъ подходятъ къ отдыхающимъ на вершинѣ товарищамъ. Отдохнувъ минутъ съ пятнадцать, добрались измученные солдаты наконецъ и до желаннаго бивуака, пройдя вмѣсто 45 верстъ добрыхъ шестьдесятъ.

Камень Чатыръ-Тапъ представляетъ собою довольно странное явленіе среди Памирской природы. Онъ совершенно отдѣльно лежитъ среди огромной котловины, за нѣсколько десятковъ верстъ отъ окружающихъ горъ, и кажется свалившимся съ неба. Недалеко отъ камня стоитъ очень интересное строеніе, представляющее со-

бою надгробный памятникъ надъ могилой знатнаго туземца. Заинтересовавшись памятникомъ, я пошелъ осмотрѣть его. Это строеніе имѣло видъ часовни и состояло изъ четырехъугольнаго корпуса съ коническою куполообразною крышей. Съ передней части устроень входъ въ видѣ небольшой пристройки со стрѣльчатою дверью. Внутренняя часть зданія довольно обширна и освѣщена отверстіями, продѣланными въ куполѣ, а также окномъ съ правой стороны. Когда я вошелъ въ зданіе и очутился среди довольно обширнаго четырехъугольнаго пространства, вдругъ кто-то сзади подошелъ ко мнѣ. Я оглянулся и вздрогнулъ. Передо мною стоялъ высокій, худой, какъ смерть, старикъ съ длинною сѣдою бороδοю.

— А таксырь, тюра, саломать ¹⁾!—проговорилъ онъ, улыбаясь своимъ беззубымъ ртомъ, и только послѣ этого привѣтствія я понялъ, что имѣю дѣло съ живымъ человѣкомъ, до того онъ напоминалъ выходца съ того свѣта.

— Кто ты?—спросилъ я его.

— Киргизъ!—отвѣтилъ старикъ.

— А какъ тебя зовутъ?

— Хайдоръ-бій, у меня не далеко отсюда кочевки.

— Давно ты здѣсь живешь?

— О давно, таксырь, еще мой прадѣдъ родился на Памирѣ.

— А не знаешь ли, чья эта могила?—спросилъ я.

— Нѣтъ, таксырь, не знаю, а только мой дѣдъ еще рассказывалъ, что это самая старая могила на Памирѣ, и похороненъ въ ней святой человѣкъ.

Говорившему со мной старику было лѣтъ 80, а потому я невольно подивился долговѣчности памятника, сооруженнаго изъ простой бѣлой глины. При подобной прочности, если ее возможно до стигнуть намъ, русскимъ, подумалъ я, такія строенія, сохраняющіяся такъ долго въ полной исправности, несмотря на постоянные вѣтры и морозы, господствующіе на Памирѣ, можно бы смѣло утилизировать для военныхъ надобностей, если не войскъ, которымъ стоять въ этихъ мѣстахъ не придется, то для станцій военнаго телеграфа или же для помѣщенія почтовыхъ джигитовъ, которые, въ особенности, обставлены въ этомъ отношеніи очень скверно, тѣмъ болѣе это было бы примѣнимо, что способъ постройки очень простъ и былъ бы удобенъ за полнымъ отсутствіемъ въ этихъ мѣстахъ строевого лѣса.

Я вышелъ изъ строенія; киргизъ послѣдовалъ за мной.

— Мана Чатырь-Ташъ ²⁾! — сказалъ онъ, указывая на возвышавшійся камень.

¹⁾ А, господинъ, здравствуй!

²⁾ Вотъ «Чатырь-Ташъ».

— Знаю,—отвѣчалъ я,—а откуда взялся онъ здѣсь, вѣдь не скатилась же съ горы эта громада?

— Нѣтъ, тюра, это не простой камень, этотъ камень чувствуетъ, какъ мы съ тобой, и слышитъ все, что мы говоримъ, только не можетъ онъ самъ ни говорить ни пошевелиться. Давно-давно лежить этотъ камень на этой равнинѣ. Это было еще въ тѣ времена, когда люди жили въ мирѣ съ Аллахомъ, когда Всевышній часто слеталъ съ неба и бесѣдовалъ съ ними. Въ это время Памиръ былъ богатѣйшею страной. Великолѣпныя сады и луга покрывали всѣ долины, много верблюдовъ и барановъ паслось на травѣ, много звѣрей жило въ горахъ, и птицы небесныя пѣли свои пѣсни. Да, тюра, такъ не поютъ теперь птицы, какъ пѣли онѣ тогда. Въ ихъ пѣсняхъ слышались рассказы о томъ, какъ великій Аллахъ создалъ міръ и человѣка.

Мусульманскій народъ жилъ на Памирѣ въ то время и управлялъ имъ Яръ-ханъ, который жилъ въ великолѣпномъ дворцѣ, сложенномъ изъ гранита и драгоценныхъ камней. Не было еще на свѣтѣ такого дворца. Крыша его была сдѣлана изъ чистаго золота, вмѣсто стеколъ самоцвѣтные камни, въ тѣнистомъ саду журчали фонтаны, и въ нихъ, плескаясь холодною водою и наполняя воздухъ веселымъ смѣхомъ, купались прекрасныя жены Яръ-хана. Хорошо жилось памирскому народу, всего было вдоволь, ни въ чемъ никто не нуждался! Однако народъ, упоенный своимъ счастьемъ, забылъ вскорѣ Аллаха; за это великій Вседержитель разгнѣвался на него и рѣшилъ уничтожить неблагодарное племя.

Въ то время на пустынномъ озерѣ Япиль-куль¹⁾, гдѣ семиглавый драконъ свилъ себѣ гнѣздо въ гранитныхъ скалахъ, въ одной изъ огромныхъ пещеръ у Гуръ-тага, жилъ великанъ Худамъ. Это чудовище достигало головою до облаковъ и обладало неслыханною силой. Вотъ его-то Аллахъ и послалъ на невѣрныхъ, и великанъ сталъ появляться на Аличурѣ въ долинахъ Акъ-су и Мургаба, производя неслыханныя опустошенія. Въ ужасъ пришло населеніе, и съ жаркой молитвою обратились памирцы къ Аллаху, а Яръ-ханъ, обливаясь слезами, молилъ Всевышняго пощадить народъ его. Аллахъ услышалъ молитву хана, во время сна явился къ нему и сказалъ: «молитва твоя услышана. Я хочу спасти народъ твой, но для этого ты долженъ исполнить волю мою: пусть единственный сынъ твой идетъ навстрѣчу великану, я буду помощникомъ юношѣ, и онъ сломитъ силу чудовища».

Видѣнье исчезнуло, а Яръ-ханъ въ страхѣ проснулся.

¹⁾ Япиль-куль прежде назывался драконовымъ озеромъ. Въ виду того, что ни одинъ человѣкъ не посѣтилъ его береговъ, благодаря трудной одолжимости окружающихъ переваловъ, объ этомъ озерѣ ходили разныя баснословныя слухи, и кочевники вѣрили, будто на немъ живутъ лишь драконы и разныя чудовища. Рассказы о первыхъ были занесены китайцами.

Но усомился невѣрный ханъ, пожалѣлъ онъ сына и, призвавъ своего визиря Риза-Казія, сказалъ: «сегодня ночью мнѣ явился великій Аллахъ, сжалился Вседержитель надъ народомъ своимъ и научилъ меня, какъ освободить нашу страну отъ нападеній чудовища. Пойди ты домой и скажи своему сыну Изгару, чтобы онъ, набравши самыхъ смѣлыхъ воиновъ, шелъ на встрѣчу великану. Аллахъ поможетъ ему, и мы навсегда избавимся отъ великаго горя».

Повѣрилъ Риза-Казій словамъ своего повелителя и, поклонившись ему, немедленно отправился исполнить его волю. Не теряя времени, смѣлый юноша собралъ воиновъ, и тѣ, руководимые имъ, наточивъ клынчи¹⁾ и копьа, пошли противъ Худамъ.

Однако Аллахъ въ невѣріи Яръ-хана увидѣлъ, что далеко не исправился повелитель Памира, и жестоко разгнѣванный непослушаніемъ его, рѣшилъ истребить неисправимое племя. Увидя великана, отдыхавшаго на берегу озера, онъ сказалъ ему: «ты пойдешь и разрушишь дворецъ Яръ-хана, уничтожишь городъ невѣрныхъ и сокрушишь все, не щадя ни дѣтей, ни женъ, ни самого хана. Только дома Риза-Казія и его семейства за то, что они съ вѣрою отнеслись къ моему повелѣнію, ты не коснешься, иначе жестоко заплатишься за каждую каплю ихъ крови». И вотъ, сокрушая все на пути своемъ, убивая жителей, ломая сакли и вырывая съ корнями деревья, пошелъ Худамъ на Памирское ханство. Яръ-ханъ молился въ мечети, умолая Аллаха пощадить его, а народъ окружилъ дворецъ и требовалъ головы своего повелителя, считая его причиною всѣхъ бѣдствій, разразившихся надъ страной. Но великъ былъ гнѣвъ Аллаха, и судъ его свершился. Худамъ перебилъ всѣхъ воиновъ и, сожравъ сына Риза-Казія, пошелъ на городъ. Погибъ Яръ-ханъ отъ руки великана, погибъ и весь народъ его; только семья Риза-Казія, скрытая Аллахомъ въ одной пещерѣ, осталась нетронутою. Въ ярость пришелъ, опьяненный кровію, великанъ, онъ искалъ Риза-Казія и не находилъ его. Въ изступленіи и захлебываясь отъ злобы, сѣлъ великанъ среди равнины и сталъ, дерзкій, хулить Аллаха. «Ей, Владыка! — кричалъ онъ, — куда ты скрылъ Риза-Казія, пославшаго на меня воиновъ, отдай мнѣ его, а не то я побросаю въ небо огромныя скалы, которыя сѣдыми вершинами окружаютъ равнину. Мнѣ не страшень Ты, Аллахъ, я жажду крови Риза-Казія!»

Великанъ умолкъ, и въ отвѣтъ на его рѣчи вдругъ густая тьма настала надъ Памиромъ, грянулъ громъ, и сверкнула молнія, и среди вихря раздался голосъ съ неба: «Отнынѣ будешь ты лежать здѣсь, дерзкій червь, до скончанія вѣка, точимый дождемъ и вѣтрами, и не будетъ тебѣ покоя, пока не превратишься ты въ сыпучій песокъ, и доколѣ не развѣютъ его вѣтры по всему Памиру, тогда душа твоя

¹⁾ Мечи.

будеть низвержена въ вѣчный огонь!» Голосъ затихъ, и настала глубокая тишина. Хотѣлъ великанъ насмѣшливо отвѣтить Аллаху, что не страшны ему угрозы Его, но почувствовалъ, что окоченѣлъ его дерзкій языкъ. Хотѣлъ подняться Худамъ, но ноги и руки какъ бы приросли вдругъ къ землѣ и отказывались повиноваться его волѣ. Въ адской злобѣ онъ сдѣлалъ страшное усиліе, но напрасно. Худамъ превратился въ камень, по одному слову Всевышняго. Съ тѣхъ поръ сталъ лежать великанъ среди равнины, обросъ мохомъ и принялъ совершенный видъ камня, подъ которымъ отдыхаетъ усталый путникъ¹⁾. И страшно мучится Худамъ, видя свободного человѣка или караванъ, отдыхающій подъ его тѣнью, когда онъ, проклятый Аллахомъ, не можетъ даже пошевелить своими окаменѣлыми членами. Проклялъ Аллахъ и всю страну, въ которой царствовалъ ханъ-ослушникъ и жилъ дерзновенный исполинъ, и перестала страна эта произращать растенія, и превратилась она въ голую пустыню, гдѣ лишь господствуютъ вѣтры да мятели.

Спасенная же Аллахомъ семья Риза-Казія положила начало кочевому населенію Памира.

Старикъ кончилъ, и мы подходили къ камню, о которомъ только что я слышалъ легенду.

— А знаешь что, тюра, — сказалъ киргизъ, — если раскопать немного этотъ камень и пробить слой гранита, то можно увидѣть черное тѣло великана Худамъ. Только горе тому, кто сдѣлаетъ это. Лишь только онъ увидитъ тѣло нечестивца, какъ самъ обратится въ камень.

— А вотъ я сейчасъ посмотрю, — сказалъ я и направился къ камню.

— Ой, койсанча, тюра²⁾, — испуганно крикнулъ киргизъ и схватилъ меня за руку, — Боже, тебя сохрани!

Въ его голосѣ я подмѣтилъ такой испугъ и опасеніе за мою участь, а также и глубокую вѣру въ то, что я неминуемо обращусь въ камень, если взгляну «на тѣло Худамъ», что я рѣшилъ не тревожить бѣднаго старика и, давъ ему нѣсколько монетъ, направился къ своей палаткѣ.

На бивуакѣ все уже спало, и только кое-гдѣ около откинутаго полотнища виднѣлась солдатская фигура, запивавшая истрепанную одежду. Солнце почти совершенно погасло, скрывшись за сѣдые хребты, и только послѣдній лучъ его золотилъ запоздавшее облачко, которое несло къ западу, какъ бы догоняя умчавшихся впередъ товарищей. На другой день съ разсвѣтомъ отрядъ двинулся къ камню Потулакъ-Кара-Ташъ. Условія пути были тѣ же; развѣ только воды было достаточно на протяженіи всего перехода.

¹⁾ Почему камень этотъ и называется Чатыръ-Ташъ, т. е. камень-шатеръ.

²⁾ Ай, оставь это, господинъ!

Было одиннадцатое іюля—Ольгинъ день. Конно-горная батарея праздновала свой храмовой праздникъ, но въ виду близости противника торжества никакого не было, и нижніе чины получили только по чаркѣ, разведеннаго водой, спирта.

Относительно афганцевъ свѣдѣнія были доставлены не совѣмъ точныя и противорѣчащія одно другому. Киргизамъ было приказано угнать табуны афганскихъ лошадей и доносить немедленно обо всемъ, что только будетъ извѣстно объ афганцахъ. Напряженіе въ отрядѣ было общее. Палатокъ не разставляли, и никто не ложился спать, ежеминутно ожидая выступленія. Кругомъ бивуакъ былъ окруженъ цѣпью парныхъ часовыхъ, и въ два пункта были посланы секреты. Луна уже выплыла изъ-за черныхъ силуэтовъ памирскихъ вершинъ и играла своимъ серебристымъ свѣтомъ на стали штыковъ и орудій, тишина соблюдалась полная. Мы сидѣли въ палаткѣ у ротнаго командира и съ удовольствіемъ попивали чаекъ. Разговоръ поддерживался на тему о предстоящемъ столкновеніи съ афганцами.

— А вѣдь съ разсвѣтомъ чтонибудь да будетъ, господа,—сказалъ капитанъ П.,—ужь у меня душа чуетъ. Бывало и раньше въ походахъ то же самое было. Ноетъ душа и конецъ, какъ бы съ тѣломъ прощается—ужь это признакъ самый вѣрный.

— А вы развѣ въ предразсудки вѣрите?—спросилъ я.

— Да, вѣрю, и нельзя не повѣрить послѣ нѣсколькихъ случаевъ въ моей жизни. Вотъ хоть бы во время кокандскаго похода. Дѣло было подѣ Ходжентомъ жаркое, халатники раза два отражали штурмъ, но наконецъ надломилсь, и крѣпость пала. Нѣкоторое время постояли мы въ Ходжентѣ и двинулись дальше; я былъ въ это время ординарцемъ у Скобелева, который командовалъ кавалеріей. Идемъ мы это однажды походомъ. По обыкновенію, Скобелевъ рассказываетъ намъ анекдоты, а мы неистово хохочемъ—ужь очень онъ живо рассказывалъ. Всѣ были веселы, какъ будто ѣхали на какое-нибудь празднество, а не въ дѣло. Только одинъ молоденькій адъютантъ, изъ оренбургскихъ казаковъ, сотникъ Х., сидитъ въ сѣдлѣ грустный такой, ни слова не проронилъ всю дорогу.

— Да что вы больны?—спрашиваю я его.

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ.

— А что же это съ вами сегодня?—Х. отличался всегда веселымъ и живымъ характеромъ, а потому такое его настроеніе было очень подозрительно.

— Ничего, такъ себѣ, взгрустнулось,—сказалъ онъ, и больше я уже и не спрашивалъ его о причинѣ его грусти.

Пріѣхали мы на ночевку и остановились въ степи. Надо замѣтить, что во время кокандскаго похода, когда шайки кокандцевъ и кипчаковъ ежеминутно нападали на отрядъ, мы избѣгали выбирать мѣсто для бивуака гдѣ-нибудь въ кишлакѣ или садахъ; напротивъ, отрядъ располагался на открытомъ мѣстѣ и въ слѣдующемъ порядкѣ:

въ видѣ огромнаго карре, фронтомъ въ поле, строилась пѣхота, образуя какъ бы брустверь укрѣпленія; въ интервалахъ между баталіонами становилась артиллерія, далѣе внутри карре были составлены арбы, а также располагался и отрядный штабъ. Каждый изъ баталіоновъ впередъ себя высылалъ шаговъ на сто парныхъ часовыхъ, а на двухъ стахъ шагахъ располагались секреты. Лишь только секретъ или кто либо изъ постовыхъ замѣчалъ приближающуюся кавалерію, то, не входя въ подробности о числѣ противниковъ, давалъ выстрѣлъ. По этому выстрѣлу солдаты отряда, спавшіе не раздѣваясь, хватили ружья и строились въ указанномъ порядкѣ и были готовы встрѣтить дружнымъ залпомъ противника. Поражающее зрѣлище представляло собою подобное карре, когда оно, открывая залповой огонь во время ночи, посылало во всѣ четыре стороны свинцовый дождь, заставлявшій противника отказываться отъ попытокъ атаки. Вотъ и тогда, прійдя на бивуакъ и разставивъ отрядъ въ обычный порядокъ, мы закусили въ общей столовой и разбрелись по палаткамъ. Ночь была темная и довольно прохладная. Я долго не могъ уснуть, все что нибудь мѣшало мнѣ, когда я погружался въ дремоту. То отрядная собака, пробѣгая мимо палатки, задѣвала за веревку, то вдругъ казалось, что фаланга проползала по тѣлу—однимъ словомъ у меня была безсонница. Я уперся глазами въ уголъ палатки, закурилъ папироску и задумался. Вдругъ чьи-то шаги обратили мое вниманіе. Шаги затихли около моей палатки.

— Вы спите?—раздалось снаружи.

— Нѣтъ!—встрепенулся я, узнавъ голосъ Х.,—заходите.

Онъ низко пригнулся и какъ бы накорточкахъ вошелъ въ палатку.

— Я вамъ не мѣшаю?—спросилъ онъ, усаживаясь въ ногахъ на постели.

— Нисколько, напротивъ, я очень радъ, что вы заглянули ко мнѣ,—мнѣ что-то не спится. Не хотите ли папироску?—я протянулъ ему портсигаръ.

— Спасибо, не курю,—сказалъ онъ.

— Ахъ, да! вы вѣдь не курите,—спохватился я и зажегъ спичку. Въ палаткѣ стало на минуту свѣтло. Спичка красноватымъ свѣтомъ озарила лице сотника: оно было слегка блѣдно, глаза лихорадочно блестѣли, а волосы, какъ растрепанная грива, выбивались изъ-подъ папахи.

— Послушайте, Николай Николаевичъ, — сказалъ онъ, — я къ вамъ съ просьбой.

— Съ какой?

— Вотъ съ какой,—началъ онъ послѣ минутнаго раздумья.—Меня, навѣрное, убьютъ въ первомъ же дѣлѣ.... не перебивайте,—сказалъ онъ, замѣтя, что я собираюсь возражать,—ужъ я не ошибаюсь—я буду убитъ, такъ вотъ я вамъ хочу передать 75 рублей

денегъ и это кольцо. Вы все это передайте въ Оренбургѣ моей невѣстѣ—знаете, дочка войскового старшины Вагина, вотъ ей и отдайте, да скажите, что я до послѣдней минуты думалъ о ней.

— Да, что это вы себя заживо хороните?—возмущился я:—бросьте это и ложитесь-ка со мною—мѣста хватитъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я серьезно вамъ говорю. Нонче ночью мнѣ матушка моя, покойница, являлась, долго плакала она надо мною и говорить мнѣ: готовься, Миша, Господь посылаетъ за твоею душой. Вотъ у меня и заняло сердце, а сердце вѣдь вѣщунъ.

Вижу я, что не по себѣ человѣку, а въ душѣ посмѣиваюсь надъ глупостью предрассудковъ.

— Такъ возьмете?—спросилъ онъ, протягивая мнѣ пакетикъ.

— Хорошо, хорошо,—сказалъ я,—только по-моему это совершенно вы напрасно дѣлаете.

Я взялъ вещи и положилъ ихъ на ягдъ-ташъ.

— Ну, прощайте, спасибо.

Онъ нервно схватилъ мою руку, и спустя мгновеніе торопливые шаги его раздавались за палаткой.

Больной человѣкъ, подумалъ я и, завернувшись въ одѣяло, старался задремать, и, казалось, сонъ распускалъ надо мною свои крылья.

Вдругъ раздался отдаленный ружейный выстрѣлъ, который среди ночной тишины какъ-то продолжительно, но слабо пронесся надъ спящимъ бивуакомъ. Я поднялъ голову—все какъ будто было тихо. Вотъ еще выстрѣлъ, и за нимъ, словно рой пчелъ, что-то зашуршало на бивуакъ—это выбѣгали изъ палатокъ люди и строились. Схвативъ револьверъ и пашку, я черезъ нѣсколько секундъ былъ около юрты отряднаго штаба. Все было попрежнему тихо, только отрядъ былъ въ полной готовности. Проскакало нѣсколько офицеровъ, и сотня казаковъ выѣхала въ степь. Я подошелъ къ 1-ому стрѣлковому баталіону. Изъ темноты раздавались чьи-то торопливые шаги. «Кто идетъ?»—раздался голосъ часового. «Свой—секреты!»—послышался отвѣтъ. Нѣсколько солдатъ въ шинеляхъ подошли къ части. Нѣкоторые взяли къ ногѣ, а нѣкоторые оставались съ ружьемъ на плечѣ. Офицеры столпились вокругъ нихъ.

— Видали, что ли?—спросилъ командиръ баталіона.

— Точно такъ, ваше высокоблагородіе, отъ насъ и выстрѣлъ былъ.

— Много?

— Точно такъ, страсть сколько,—отвѣтилъ солдатъ,—туды пошли,—прибавилъ онъ, указывая рукою по направленію къ западу.

Въ это время какъ бы свистъ сильнаго вѣтра пронесся по степи, и, казалось, на бивуакъ налеталъ цѣлый ураганъ.

— Картечь!—раздалось гдѣ-то слѣва по кавалеріи.

— Пальба, ротами!—скомандовалъ полковникъ. Лязгнули затворы, и все замерло въ ожиданіи, шумъ приближался.—Роты!—командовалъ

полковникъ и выждалъ.—Пли!—вдругъ рѣзко крикнулъ онъ. Трахъ, раздался дружный залпъ. На мгновенье блеснувшій огонь освѣтилъ впереди какую-то массу.

Слѣва блеснула какъ будто молнія; бумъ, бумъ, трахъ трахъ!—раздались орудійные выстрѣлы. Непрiятельскiй отрядъ очевидно показалъ тылъ, такъ какъ никого не появлялось. На другихъ фасахъ карре было то же самое. Наши казаки бросились въ темноту, и вскорѣ гдѣ-то издалека послышались выстрѣлы.

Уже разсвѣло. Передъ 1-ымъ баталіономъ пагахъ въ 300-ахъ валялось нѣсколько убитыхъ кокандцевъ, а изъ степи показались возвращавшіяся сотни казаковъ, между которыми видѣлись и плѣнные въ пестрыхъ халатахъ. Мимо меня проскакало двое казачьихъ офицеровъ и остановились около кибитки начальника штаба. Я пошелъ туда. Въ юртѣ встрѣтилъ меня адъютантъ Б. Полковника не было.

— А знаете новость?

— Что такое?

— Сотникъ Х. убитъ.

И вздрогнулъ.

— Не можетъ быть, говорю.

— Пойдите, посмотрите—его привезли, лежитъ въ юртѣ.

Я чуть не бѣгомъ бросился къ казачьему лазарету; сердце мое сильно стучало, когда я входилъ въ юрту. На санитарныхъ носилкахъ лежалъ Х. Лицо его было открыто, а на правомъ вискѣ виднѣлся слѣдъ запекшейся крови. Оно было совершенно спокойно, только какая-то складка легла между бровей. Зубы чуть-чуть были оскалены, но это не безобразило лица покойнаго. Слезы катились у меня изъ глазъ, и я, глубоко вздохнувъ, перекрестился... Ну, какъ же не сдѣлаешься послѣ этого фаталистомъ, господа?—спросилъ капитанъ.

Наступило гробовое молчаніе. Разсказъ П. передъ дѣломъ заставилъ cadaго задуматься. Было уже около двухъ часовъ ночи, когда въ палатку вошелъ отрядный адъютантъ.

— Начальникъ отряда приказалъ выступать къ Яшилъ-кулю со всѣми предосторожностями,—сказалъ онъ въ полголоса капитану:—получены точныя свѣдѣнія объ афганцахъ.

— Господа! поднимайте людей,—сказалъ П., и мы одинъ за другимъ вышли изъ палатки.

Роты уже строились, и среди ночной тишины раздавалась перекичка. Выславъ впередъ разъѣзды и патрули, отрядъ двинулся форсированнымъ маршемъ. Темень была полная. Луна скрылась уже за горами, тишина царила надъ суровымъ Памиромъ, и слышались только легкій шумъ, сопровождающій движеніе части, и побрякиваніе орудій. Начинало свѣтать. Все ярче и ярче вырисовывались кон-

туры окружающих долину горъ. Гдѣ-то неистово вылъ шакалъ. Всѣ шли молча, у каждого на лицѣ было что-то серьезное.

Наконецъ, авангардъ отряда подошелъ къ небольшому обрыву надъ рѣкою Аличуромъ и остановился. Казаки спѣшились и залегли по гребню яра. Внизу, на небольшой, покрытой травой, площадкѣ около самой рѣки виднѣлись юрты, составлявшія лагерь афганскаго поста.

— Послать ко мнѣ переводчика!—приказалъ въ полголоса полковникъ Іоновъ. Опершись обѣими руками о луку сѣдла, онъ въ раздумьи устремилъ свой взоръ на юрты. Ему было непріятно, что афганцы не подозрѣвали о приходѣ отряда, и онъ хотѣлъ посредствомъ переговоровъ заставить ихъ уйти съ поста и оставить такимъ образомъ русскую территорію. Послать ли офицера къ афганскому капитану? подумалъ онъ и даже сдѣлалъ соответствующее распоряженіе, но вдругъ перемѣнилъ свое намѣреніе. Въ это время къ нему подошелъ пожилой киргизъ съ сытымъ и плутоватымъ лицомъ. Снявъ свою мѣховую шапку, киргизъ всталъ въ почтительную позу, готовый выслушать приказаніе начальника.

— Послушай, Сяба-Тулла,—сказалъ полковникъ,—спустись въ афганскій аулъ и скажи начальнику поста, что русскій полковникъ требуетъ его наверхъ для переговоровъ. Понялъ?

— Слушаю-съ, таксыръ,—отвѣсивъ кулдукъ, сказалъ переводчикъ и пошелъ по направленію къ обрыву. Было замѣтно, что онъ дрогнулъ. Идти одному въ непріятельскій лагерь было довольно рискованно. Киргизъ началъ спускаться и вдругъ оглянулся назадъ. Казачьи винтовки и бѣлые чехлы фуражекъ рѣзко выдѣлялись на темномъ фонѣ оврага. Эта картина какъ будто пріободрила его, и онъ, быстро спустившись, вошелъ въ самую большую юрту. Посылка переводчика безъ русскаго офицера была одною изъ ошибокъ полковника Іонова. Какъ бы то ни было, на посту былъ афганскій капитанъ и, какъ оказалось, человѣкъ развитой и вполне достойный уваженія. Не будь этого промаха, быть можетъ, дѣло бы рѣшилось гораздо проще. Часть афганцевъ спала, а часть пила чай, когда Сяба-Тулла поднималъ опущенную дверь юрты.

— Гдѣ начальникъ поста?—спросилъ переводчикъ у сидѣвшихъ афганцевъ, которые удивленно смотрѣли на вооруженнаго киргиза; въ ихъ лицахъ выразилось безпокойство.

— Пойдемъ со мной,—сказалъ одинъ изъ сидѣвшихъ афганцевъ и, выйдя изъ юрты, пошелъ къ отдѣльно стоявшей желомейкѣ.— Здѣсь,—сказалъ онъ слѣдовавшему за нимъ киргизу, поднявъ висячую дверь.

Киргизъ нагнулся и вошелъ.

Передъ нимъ, на низенькомъ табуретѣ, съ чашкой въ рукахъ, сидѣлъ среднихъ лѣтъ мужчина въ бѣломъ мундирѣ съ золотыми плечевыми погонами. Стройная талія его была перехвачена ремнемъ,

на которомъ висѣла афганская сабля съ сильно изогнутымъ клинкомъ. Подстриженная клинышкомъ борода, черные пушистые усы и сросшіяся надъ переносицей брови придавали его смуглому лицу особенно отважный оттѣнокъ. Онъ пристально взглянулъ на киргиза. По костюму его было видно, что онъ готовился куда-то ѣхать.

— Что тебѣ нужно?—спросилъ онъ и поправилъ надѣтую на головѣ бѣлую чалму, изъ-подъ которой на вискахъ выбивались взбитые пучки волосъ.

— Меня послалъ русскій полковникъ,—отвѣтилъ киргизъ,—который требуетъ васъ на яръ для переговоровъ.

— Какой полковникъ?—удивился капитанъ.—Если онъ хочетъ говорить со мною, то пусть придетъ сюда; мы съ нимъ напьемся чаю и переговоримъ,—сказалъ онъ.

— Полковникъ не придетъ сюда, а если вы не выйдете на верхъ, то вамъ будетъ плохо, дерзко возразилъ киргизъ:—все равно вѣдь повѣсятъ!...

Въ это время съ испуганнымъ лицомъ въ юрту вбѣжалъ афганецъ. Капитанъ безпокойно взглянулъ на него.

— Кифтанъ¹⁾! Киргизы насъ продали,—заговорилъ онъ,—табунъ нашъ угнанъ, посланный на развѣдки джигитъ въ рукахъ русскихъ, и ихъ войско не далеко отъ насъ.

Капитанъ вздрогнулъ. Наступила минута замѣшательства, которою сумѣлъ воспользоваться переводчикъ. Онъ съ быстротою кошки бросился изъ юрты и черезъ нѣсколько минутъ доложилъ полковнику, что афганцы берутся за оружіе.

Съ обрыва было видно, какъ перебѣгали изъ одной юрты въ другую афганцы, какъ на пути запоясывались они и закладывали патроны въ ружья. И вотъ цѣлая вереница красныхъ мундировъ, во главѣ со своимъ начальникомъ, стала подниматься на яръ и скоро построилась развернутымъ фронтомъ передъ нами. Ихъ лица горѣли негодованіемъ и рѣшимостью.

Капитанъ сдѣлалъ честь полковнику Іонову, приложивъ руку ко лбу и сердцу. Полковникъ отвѣтилъ ему порусски подъ козырекъ. Начались переговоры черезъ переводчика.

— На какомъ основаніи вы выставили свой постъ на нашей территоріи?—спросилъ полковникъ.

— Потому что земля эта наша,—возразилъ афганецъ и, скрестивъ на груди руки, принявъ вызывающую позу,—мы владѣемъ ею по договору съ Англіей съ 1873 года,—прибавилъ онъ.

— Намъ нѣтъ дѣла до вашихъ договоровъ о нашей землѣ,—возразилъ полковникъ,—и я, исполняя возложенныя на меня обязанности, прошу васъ положить оружіе и уйти отсюда прочь.

Капитанъ вспыхнулъ.

¹⁾ Кифтанъ—капитанъ поафгански.

— Я рабомъ не быть и не буду,—сказаль онъ,—а если вамъ угодно наше оружіе, то перебейте насъ и возьмите его—афганцы не сдаются,—заклучилъ онъ свою рѣчь.

— Такъ вы не оставите нашихъ владѣній?—спросилъ полковникъ.—Я васъ спрашиваю въ послѣдній разъ.

— Я сказаль все!—отвѣтилъ афганецъ.

Видя, что путемъ переговоровъ ничего не подѣлать съ афганцами, и избѣгая кровопролитія, полковникъ хотѣлъ неожиданно схватить ихъ.

«Хватай ихъ, братцы!»—въ полголоса передалъ онъ приказаніе казакамъ.

Но не тутъ-то было. Не успѣли наши сдѣлать и шага впередъ, какъ афганцы дали дружный залпъ, и двое изъ нашихъ грохнулись на землю. Раздался глухой, раздирающій душу, стонъ.

— Бей ихъ!—крикнулъ полковникъ, и все ринулось впередъ.

Полковникъ Іоновъ спокойно сидѣлъ на лошади, наблюдая за дерущимися; въ пяти шагахъ отъ него стоялъ афганскій капитанъ, который прехладнокровно стрѣлялъ изъ револьвера и вдругъ, рванувшись впередъ, подбѣжалъ къ лошади полковника. Блеснул огонекъ, и выстрѣлъ прогремѣлъ надъ самымъ ухомъ начальника отряда. Какъ-то инстинктивно полковникъ подался на шею лошади, и пуля прожужжала мимо. Капитана окружили казаки. Но афганецъ уже успѣлъ выхватить изъ ножонъ свою кривую саблю и, какъ тигръ, бросился на нихъ. Вотъ упалъ уже одинъ казакъ подъ ударомъ кривого клинка капитанской пашки. Вотъ снова она то поднимаясь, то опускаясь наносить удары направо и налево.

Въ нѣсколькихъ шагахъ стоитъ хорунжій Каргинъ и смотритъ на эту картину, пули свистятъ вокругъ него, а онъ стоитъ, какъ будто не дѣйствительность, а какая-то фантастическая феерія разыгрывается передъ нимъ.

— Хорунжій, да убейте же его наконецъ!—раздается роковой приговоръ полковника, и вотъ, вмѣсто того, чтобы схватить свой револьверъ или пашку, хорунжій, не отдавая себѣ отчета, хватается валяющуюся на землѣ винтовку раненаго казака и прицѣливается. Онъ даже не справляется, заряжено ли ружье, и спускаетъ ударникъ. Выстрѣлъ теряется среди общей трескотни и шума, и только легкій дымокъ на мгновенье скрываетъ отъ глазъ фигуру капитана. Какъ-то странно вытянулся вдругъ афганецъ, взмахнулъ одной рукой, другой схватился за чалму, на которой заалѣло кровавое пятно и стремглавъ полетѣлъ съ яра...

На одного ефрейтора наскочило двое афганцевъ, завязалась борьба. Ефрейторъ неистово ругался, желая освободиться отъ насѣдавшего на него непріятеля, но въ это время подоспѣлъ казакъ.

— Не плошай!—кричалъ онъ издали отбивавшемуся ефрейтору, и съ этими словами пашка его опустилась на окутанную чалмою голову афганца. Вотъ и другой уже на землѣ съ проколотою грудью.

Страшно хрипитъ онъ, издавая звуки, какъ бы прополаскивая себѣ горло собственною кровью, и, несмотря на это, силится подняться и зарядить ружье, но силы измѣняются ему, кровь хлынула горломъ, и онъ склонилъ свою голову.

Не далеко отъ мѣста стычки, подъ большимъ камнемъ, докторъ перевязываетъ раненыхъ, изъ которыхъ одинъ съ совершенно пербитою голенью неистово стонетъ.

— Ничего, ничего, потерпи, голубчикъ,—успокаиваетъ его докторъ.—Ужъ мы тебѣ ножку твою вылѣчимъ. Давай коріи,—кричитъ онъ фельдшеру, который мечется съ трясущеюся нижнею челюстью отъ одного къ другому изъ раненыхъ.

— Ой, больно, ваше высокоблагородіе!—стонетъ раненый, пока докторъ вынимаетъ висящіе снаружи осколки раздробленной кости.

Выстрѣлы все еще продолжаются, потому что засѣвшіе въ юртахъ афганцы все еще продолжаютъ стрѣлять. Наконецъ, раздался рѣзкій звукъ трубы, игравшей отбой, и пальба мало-по-малу утихла. Изъ юртъ выползли раненые афганцы.

Тяжелое зрѣлище представлялъ собою весь скатъ и зеленая площадка берега Аличура. Вездѣ валялись убитые или корчились раненые; послѣдніе, слясь подняться на руки, молили о помощи.

Подопиелъ резервъ, и всѣ сгруппировались около мѣста, гдѣ лишь нѣсколько минутъ тому назадъ стояли передъ нами полные жизни люди, и гдѣ теперь валялись одни лишь обезображенные трупы.

Тихо между солдатами, нѣтъ ни веселаго говора, ни пѣсенъ; у cadaго на умѣ, что, быть можетъ, и его постигнетъ такая же участь, какъ и этихъ афганцевъ.

— Саперы впередъ!—раздается команда,—рой могилу!

Дружно принялись солдаты за работу, и черезъ четверть часа яма была уже готова. Одного за другимъ ставили афганцевъ и положили въ яму, а на верхъ всѣхъ былъ положенъ капитанъ Гулямъ-Хайдаръ-Ханъ; пуля пробила ему голову, ударивъ въ лѣвый високъ.

— Ишь ты, тоже сражался,—сказалъ одинъ изъ солдатъ.

— Извѣстно, сражался, а то какъ же?—замѣтилъ другой,—тоже вѣдь офицеръ!

Мѣрно падала земля съ лопатокъ на тѣла убитыхъ, покрывая ихъ одного за другимъ своимъ холоднымъ слоемъ, какъ бы поглощающая на вѣки павшихъ героевъ. Вотъ бѣлѣтся кусокъ мундира афганскаго капитана, но одна, другая лопатка, и все покрыто землею.

Могила зарыта, и поверхъ ея сложенъ изъ камней памятникъ. Пѣхота трогается дальше.

— Пѣсельники на правый флангъ!—раздается команда ротнаго командира, и веселая солдатская пѣсня слышится съ прикрикиваніемъ и присвистываніемъ на всѣ лады, но въ ней нѣтъ той веселой нотки, какая обыкновенно бываетъ замѣтна въ обычной

солдатской пѣснѣ. Запѣвало и то какъ-то нехотя и протяжно затягиваетъ свою обычную арію.

Отрядъ подошелъ къ восточному берегу озера Яшилъ-куль и расположился бивуакомъ противъ развалинъ китайской крѣпости Суми-Ташъ.

Тихо на бивуакѣ. Нѣтъ ни обычныхъ пѣсень, и даже гармошки не слышно; все толкують солдаты объ «аванганцахъ».

— Ну, и храбрые они, братцы, пра, храбрые,—говорить одинъ солдатъ, сидя накорточкахъ и покуривая трубку:—ни одинъ, что есть, ни сдался, всѣхъ перехлопали; не положимъ, говорятъ, оружію, уставъ, молъ, не дозволяетъ!

— И што тутко за храбрость! Значить, у аванганца солдатъ службу знаетъ: коли на постъ поставили, такъ значить и стой, «хотя бы и жисти опасность угрожала!»—повторилъ слова устава фельдфебель,—ты самъ, чай, уставъ-отъ гарнизонный знаешь? А еще капралъ! Ишь храбрость какую нашелъ! Меня коли, этта, на постъ поставятъ, то я за тридцать верстъ противника унохаю, а ётъ што?.. Спать себѣ и не видитъ, что наши у него на носу... Тьфу, а не офицеръ!—и фельдфебель сердито сплюнулъ, посылая ругань по адресу афганцевъ.

Показались носилки, на которыхъ лежали раненные. На одной изъ нихъ тяжело раненый казакъ Борисовъ еле-еле стонетъ. Тяжелое шестіе... «Афганцы, афганцы!» раздается крикъ,—и всѣ бросаются смотрѣть плѣнныхъ. Это были шугнанцы, между которыми выдѣлялся одинъ молодой афганецъ, красавецъ юноша. Два пучка взбитыхъ волосъ, съ каждой изъ сторонъ головы, красиво выбивались изъ-подъ прострѣленного головнаго убора. Пробитый пулями мундиръ его былъ изорванъ, видимо, во время рукопашной схватки. Онъ шелъ, высоко поднимая голову, и окидывалъ сверкающимъ взглядомъ солдатъ. Шугнанцы почтительно шли съ грустными лицами, видимо ожидая чего нибудь страшнаго въ русскомъ лагерѣ.

— Ишь, смотри-ко, братцы,—говорить одинъ изъ солдатъ, указывая на афганца,—что значить судьба-то. Не суждено, такъ не умрешь. Глянь-ко у энтото аванганца и чалма и мундиръ прострѣленъ да какъ рѣшето истыканъ, а на емъ ни единой царапины нѣту, а давѣ, когда мы въ аванганскую-то юрту забѣжали, глянулъ я въ ящикъ, а тамъ шугнанецъ, поваръ ихъ, сказывали, сидитъ, я его оттуда и выволокъ. Глянулъ, а онъ мертвый, пуля, значитъ, ему это въ самый глазъ угодила, какъ ни прятался сердешный, а нашла таки она его и въ ящикѣ подъ кошмами.

— Все Богъ,—возразилъ вздохнувъ другой солдатикъ,—на все Его святая воля.

— А «ётъ» какой вѣры будетъ?—спрашиваетъ молодой солдатъ унтеръ-офицера.

— «Магометчикъ»,—серьезно отвѣчаетъ тотъ.

— А энто что же за вѣра такая будетъ? — интересуется солдатъ.

— А такая же, какъ и у сарта, — поясняетъ унтеръ.

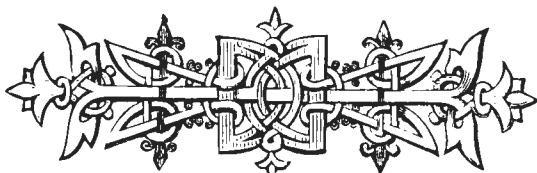
Удовлетворенный солдатикъ успокоивается.

Раздается барабанный бой къ обѣду.

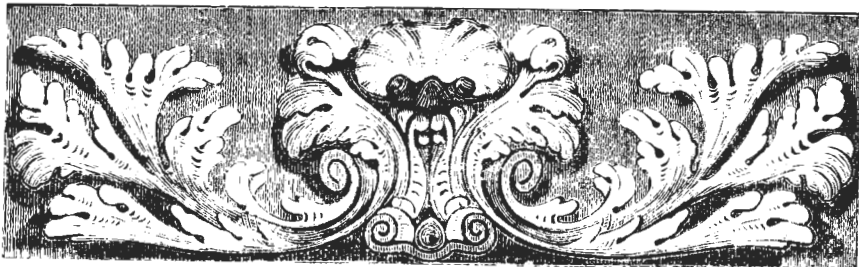
— Становись на молитву! — кричитъ дежурный по ротѣ, и кучка солдатъ съ котелками въ рукахъ нестройнымъ хоромъ поетъ «Очи всѣхъ на Тя, Господи, уповаютъ!»...

Б. Л. Тагѣевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПАМИРСКІЙ ПОХОДЪ ¹⁾.

(Воспоминанія очевидца).

ІХ.

ОСПОДА, не угодно ли вымыться въ банѣ?—спросилъ, входя въ бухарскую палатку, гдѣ собралось не мало офицеровъ, капитанъ П.

— Что такое, въ банѣ?—удивились мы.

— Да, и въ самой настоящей, натопленной самой природою,—отвѣтилъ онъ.— Не вѣрите?—пойдемте,—прибавилъ капитанъ, видя недовѣріе, съ которымъ мы отнеслись къ его новости.

— Пойдемте,—въ одинъ голосъ отвѣчали мы.— А далеко это?

— Нѣтъ, по другую сторону дельты р. Аличура, почти противъ нашего бивуака.

Мы отправились.

Подойдя къ рѣкѣ, мы на вьючныхъ лошадяхъ переправились на другой берегъ и пошли внизъ по Аличуру. На большой площадкѣ, въ низменномъ мѣстѣ берега, стояла киргизская юрта, около которой копошилось нѣсколько копавшихъ землю солдатъ, которые при приближеніи нашемъ пріостановили свою работу и вытянулись.

— Кончили, братцы?—спросилъ П.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ LXXIII, стр. 489.

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе, почти совсѣмъ откопали, таперича юрту съ боковъ заваливаемъ.

Далѣе по берегу видѣлось нѣсколько голыхъ солдатъ, умывавшихся не въ рѣкѣ, а въ какихъ-то лужахъ на берегу, отъ которыхъ подымался паръ. Когда я заглянулъ въ стоящую здѣсь юрту, то такъ и отшатнулся назадъ,—она была вся переполнена паромъ и дѣйствительно напоминала собою парную баню. Оказалось, что весь правый берегъ рѣки Аличура, при дельтѣ ея, покрытъ теплыми и горячими сѣрными источниками, изъ которыхъ самый горячій 70° R.; вода сѣрная и свободная сѣра отлагается на прибрежныхъ камняхъ, которые, благодаря этому, мѣстами золотистаго и зелено-желтаго цвѣта.

— Что за прелесть! вотъ сюрпризъ!—вскрикнулъ я, лишь только обдало меня паромъ.

Всѣ товарищи также раздѣляли мой восторгъ. Да и было отчего: полтора мѣсяца ни разу не удалось хорошенько помыться, когда зачастую приходилось по недѣлямъ спать не раздвываясь. Какъ же тутъ не обрадоваться банѣ, посланной намъ самою судьбою? Вода была настолько горяча, что въ источникъ мы наливали нѣсколько ведерокъ холодной воды, которую въ парусиновыхъ ведрахъ таскали намъ солдаты.

— А отколѣ это вода такая берется, ваше благородіе?—спросилъ одинъ изъ солдатъ, выливая холодную воду въ источникъ.

— А это, видишь, подъ землею огонь есть, который и нагрѣваетъ протекающую близко его воду, вотъ она и выходитъ на поверхность земли горячею.

Солдатъ глупо улыбнулся и, подойдя къ собравшимся въ кружокъ линейцамъ, сказалъ:

— А чудно, ей, Богу, братцы, господа сказывали, что подъ землею огонь; такъ, какъ же это мы не спечемся? должно, брехотня одна.

— Сказывали, значить, такъ оно и есть, не съ твоимъ кауномъ ¹⁾ господскія рѣчи судить.

— Ишь, умникъ нашелся!—подхватилъ другой, и солдатъ сконфуженно ретировался.

— Ну, давай, что ли, чайники-то, чего ротъ-отъ разинулъ!—крикнулъ на молодого солдата «сердитый» ефрейторъ, дядька Максимовъ.

Солдатъ нагнулся и зачерпнулъ въ источникъ горячую воду.

— А чаю засыпать?—спросилъ ефрейторъ.

— Сейчасъ, дядька Максимовъ, засыплю.

— А ты какъ засыплешь, то чайникъ-то въ водѣ еще погрѣй!

— Слушаю.

— Ишь, благодать-то, братцы,—повернувшись къ солдатамъ, продолжалъ ефрейторъ.—Господь-то Богъ сжалился надъ солдатамъ, что ему нечѣмъ водицы себѣ согрѣть, и готовой послалъ.

¹⁾ Каунъ-дыня (солдаты про глупую голову говорятъ такъ).

Скоро подъ всевозможныя прибаутки чайникъ переходилъ изъ рукъ въ руки, наполняя деревянныя походныя чашки.

Часа черезъ три послѣ бани я проходилъ мимо солдатскихъ палатокъ и слышу разговоръ:

— А что, Потапычъ, съ готоваго-то кипяточку у меня брюхо ужъ больно болить, а ты какъ?

— Да и у меня, дядька Максимовъ, тоже, должно, придется къ фершалу пройти, чтобы каплевъ дать.

— А что и въ самомъ дѣлѣ, а то коли на работу какую назначать—бѣда.

И оба солдата отправились въ околотокъ.

Между тѣмъ къ вечеру число больныхъ желудкомъ прибывало и прибывало, а на слѣдующій день около горячихъ ключей уже не было видно солдатъ, толпящихся съ чайниками или манерками.

Когда я подходилъ къ своей палаткѣ, то сожитель мой, поручикъ Барановъ, вышелъ изъ нея и направился къ виднѣвшимся вдали куртамъ.

— Куда это вы?—спросилъ я.

— Да хочу поговорить съ плѣнными, пойдемте заодно.

— Пойдемте.

И мы отправились къ противоположному концу бивуака.

На разостланной кошмѣ, около небольшого шатра, сидѣло нѣсколько шугнанцевъ, а въ отдаленіи отъ нихъ въ красномъ мундирѣ, поджавъ подъ себя ноги,—афганецъ. Это былъ еще совершенно молодой, высокій, съ дышащимъ отвагою красивымъ лицомъ, юноша. Красный мундиръ чрезвычайно шелъ къ его смуглому лицу, а черные усики красиво пушились надъ верхней губою, придавая молодому лицу его нѣсколько возмужалый видъ. Онъ бросилъ на насъ свой огненный взлядъ и поправилъ чалму на головѣ.

Подошелъ переводчикъ, и у насъ завязался оживленный разговоръ. Афганецъ отвѣчалъ очень охотно, и въ его тонѣ не было замѣтно и тѣни ненависти.

— Какъ тебя зовутъ?—спросилъ я.

— Гулдабанъ-Кудрявъ-ханъ, — отвѣтилъ плѣнный, — я родной братъ убитаго вчера капитана Гулямъ-Айдаръ-хана,—и въ его голосѣ прозвучала грустная нотка.

— А самъ ты—офицеръ или солдатъ?

— Я?—вопросительно вскинулъ онъ глазами и ткнулъ себя въ грудь пальцемъ:—я солдатъ, но я окончилъ военную Кабульскую школу и долженъ два года отслужить въ войскахъ рядовымъ, и потомъ буду произведенъ въ дофордары, а тамъ и въ офицеры.

— А твой братъ, давно онъ былъ капитаномъ и на Аличурскомъ посту?

— Видите ли,—началъ афганецъ,—мой братъ занималъ очень видный постъ при эмирѣ; но когда въ 1888 году у насъ въ Афга-

нистанѣ вспыхнуло востаніе, и братъ эмира Исхакъ-ханъ отложился, то и мой братъ былъ на сторонѣ послѣдняго; за это, послѣ подавленія возстанія, онъ былъ лишенъ флигель-адъютантства и долгое время былъ въ изгнаніи, но потомъ вина его была прощена, и онъ получилъ назначеніе на Памиръ. Вѣднѣй, бѣднѣй мой братъ!—прибавилъ афганецъ и покачалъ головой. — Что теперь будетъ съ его семьею, если и меня разстрѣляютъ?

Онъ низко опустилъ голову.

— Нѣтъ, русскіе не разстрѣливаютъ своихъ военнопленныхъ,—успокоилъ я афганца:—напротивъ, лишь только наступить возможность, всѣ вы будете отпущены.

— А что большая семья осталась у твоего брата?—спросилъ Барановъ.

— Нѣтъ, только жена да маленькій сынтъ,—отвѣтилъ пленный,—жена его молода и красива, и, оставшись совершенно одна, она скоро погибнетъ—у насъ въ Афганистанѣ не щадятъ красивыхъ женщинъ. Ахъ, зачѣмъ вы убили Гулима!—покачалъ онъ опять головою.—А раненые гдѣ?—спросилъ онъ.

И сказалъ, что оставлены на попеченіи киргизъ.

— Ну, значить, они умрутъ.

— Почему это?—удивился я,—къ нимъ два раза въ день ѣздитъ докторъ.

— Все равно,—отвѣтилъ афганецъ:—киргизы ненавидятъ насъ и непременно прирѣжутъ ихъ при удобномъ случаѣ.

— А, пожалуй, это и правда,—сказалъ мнѣ Барановъ,—я тоже согласенъ съ предположеніемъ пленнаго.

Распроцавшись съ афганцемъ, мы отправились къ раненымъ. Сердце сжалось, когда я вошелъ въ темную юрту. Запахъ гніющаго тѣла заставилъ невольно сдѣлать шагъ назадъ. На грязной кошмѣ что-то копошилось, но глазъ, не привыкшій еще къ темнотѣ, не могъ различать предметы. Когда былъ отдернутъ тюнтякъ ¹⁾, то передо мною открылась поражающая картина: двое раненыхъ афганцевъ лежали на кошмѣ и казались мертвыми. Двое сидѣли съ замотанными головами, а на перевязкѣ виднѣлись слѣды крови. Одинъ изъ несчастныхъ повернулъ ко мнѣ голову и что-то сказалъ. Это были не слова, а какіе-то раздирающіе душу стоны, вырвавшіеся изъ его прострѣленной въ двухъ мѣстахъ груди. Одинъ изъ лежавшихъ на землѣ пошевелился и поднялъ голову, другой оставался неподвижнымъ. Эта неподвижность особенно обратила мое вниманіе. Конечъ ноги его, высунувшейся изъ-подъ закрывавшаго его тулупа, были какъ будто выточенъ изъ пожелтѣлой кости.

— Говорить ли ктонибудь изъ васъ поузбекски?—спросилъ я.

¹⁾ Верхняя кошма, закрывающая отверстіе съ верху палатки.

— Да, тюра, я немного говорю,—отвѣтилъ слабымъ голосомъ другой раненый, сидѣвшій въ глубинѣ юрты.

— Бываетъ ли у васъ докторъ?—спросилъ я.

— Нѣтъ, тюра, не бываетъ, какъ перевязали насъ первый разъ, такъ и не пріѣзжалъ. Вотъ одинъ изъ товарищей уже вчера умеръ, и никто его даже не уберетъ изъ юрты. Мы просили киргизъ, а тѣ говорятъ: «вытащимъ всѣхъ васъ, когда передохнете, собаки».

Я слушалъ, не вѣря ушамъ своимъ, но факты были на лицо.

— Мы ничего не ѣли съ тѣхъ поръ, какъ помѣстили насъ сюда, во рту горитъ, какъ въ печкѣ, а воды подать некому, киргизы совершенно отказываются помогать намъ, и даже грозились пріѣзжать насъ, какъ барановъ. Попробовалъ я было проползти до рѣки,—говорилъ несчастный,—но силы не позволили, хотѣлъ изъ юрты вытащить мертвого—тоже не могъ... А вотъ этотъ, вѣроятно, не сегодня, такъ завтра отдастъ Богу душу,—сказалъ онъ, указывая на лежавшаго ничкомъ товарища...

У меня слезы подступили къ горлу. Барановъ, понуря голову, не понимая нашего разговора, сидѣлъ устремивъ свой взоръ въ сторону.

Когда я сказалъ ему о томъ, что слышалъ отъ афганца, онъ возмутился.

— Это же свинство наконецъ,—проговорилъ онъ.—Вотъ наша пресловутая гуманность къ врагамъ, вотъ краснорѣчивый примѣръ ея,—возмутился онъ, и мы, обѣщавъ раненымъ сегодня же облегчить ихъ участь, отправились на бивуакъ. Разсказъ нашъ о состояніи раненыхъ произвелъ сенсацию между офицерами, многіе изъ нихъ сейчасъ же отправились къ несчастнымъ, захвативъ съ собою обильное количество провіанта, а къ вечеру афганцы эти были переведены въ отрядный лазаретъ; двое изъ нихъ были уже мертвы, а потому похоронены возлѣ могилы своихъ товарищей, павшихъ 12-го іюля.

Оставалось еще осмотрѣть развалины китайской крѣпости, гнѣздившейся надъ озеромъ, на одной изъ прибрежныхъ скалъ, и я отправился туда въ сопровожденіи мѣстнаго киргиза. Крѣпость представляла собою не что иное, какъ четырехугольное пространство, окруженное со всѣхъ сторонъ, частью уже обвалившеюся, глинобитною стѣною и, видимо, съ проходомъ въ сѣверо-западной части. Здѣсь же стояли двѣ могилы съ старыми, полуразвалившимися надгробными памятниками и китайская кумирня съ камнемъ для жертвоприношенія Сума-Ташъ.

— Когда построена эта крѣпость?—спросилъ я у киргиза.

— Давно, тюра, я не помню, когда ее построили, но знаю, что китайцы занимали въ ней гарнизонъ, и ихъ джандаринъ ежегодно требовалъ отъ насъ, чтобы наши бѣи (старшины) пріѣзжали разъ въ годъ къ нему и кланялись въ ноги. Конечно, каждый изъ нихъ

подносилъ джандарину или барана, или яка, а кто побогаче, то и цѣлаго верблюда—въ этомъ и состояла вся наша повинность. Вдругъ въ 1888 году нагрянули сюда афганцы. Китайцы хотѣли не допустить ихъ до занятія Яшилъ-куля, да только не смогли, и афганцы прогнали ихъ за перевалъ Харгушъ, разорили крѣпость и оставили на берегу рѣки Аличура своихъ солдатъ.

— Ну, а при комъ вамъ спокойнѣе жилось,—спросилъ я,—при афганцахъ или при китайцахъ?

— Конечно, таксырь, при китайцахъ. Афганцы — это лютые звѣри,—съ ожесточеніемъ въ голосѣ говорилъ киргизъ.— Они обирали насъ, силою отнимали женъ и дочерей и держали на своемъ посту.

Теперь я понялъ глубокую, мстительную ненависть, которую питали киргизы къ своимъ истязателямъ.

Мы стали спускаться съ горы и уже совершенно дошли до озера, какъ вдругъ киргизъ тревожно схватилъ меня за рукавъ.

— Смотри, тюра, что это?—испуганно спросилъ онъ, указывая на столбъ пыли, поднимавшійся въ долину. Я заслонилъ глаза рукою отъ солнечныхъ лучей и взглянулъ. Нашъ табунъ, погоняемый солдатами, бѣжалъ по направленію къ бивуаку.

Сотня казаковъ пронеслась мимо меня, а въ лагерѣ была тревога. Войска становились въ ружье.

— Что такое?—спрашивалъ я каждого, попадавшагося мнѣ на встрѣчу, но никто ничего не зналъ. Я сѣлъ на лошадь и поскакалъ за казаками.

— Что такое означаетъ эта тамаша ¹⁾? — спрашиваю казачьяго офицера.

— А видите ли, афганскій кавалерійскій развѣздъ, не зная о стычкѣ 12-го іюля, случайно наткнулся на наши пикеты и, обмѣнявшись нѣсколькими выстрѣлами, показалъ тылъ,—отвѣтилъ мнѣ хорунжій.

Мы ѣхали рысью. Киргизы скакали впереди, отыскивая слѣды афганскихъ лошадей. Около ущелья слѣды исчезли, а потомъ ясно было замѣтно, что они расходились въ двѣ противоположныя стороны. Очевидно, афганцы раздѣлились на двѣ партіи.

Послѣ непродолжительнаго совѣщанія было рѣшено направить погоню по двумъ направленіямъ. Было уже темно, когда мы остановились въ темномъ узкомъ ущельѣ, рѣшивъ, что поиски совершенно напрасны. Лошади наши сильно утомились и были покрыты пѣною. Луна своимъ желтымъ дискомъ блѣдно освѣщала вершины горъ.

— Что-жъ, назадъ?—обратился къ намъ капитанъ С., участвовавшій также въ погонѣ.

¹⁾ Тамаша—собственно празднество, а также употребляется иногда въ смыслѣ кавардакъ.

Въ это время нѣсколько камней скатилось съ противоположнаго скалистаго обрыва.

— Тсъ! господа, архары ¹⁾,—обратился къ офицерамъ С., ярый и безстрашный охотникъ:—они теперь спускаются для водооя. Не поймали афганцевъ, то, по крайней мѣрѣ, привеземъ архара, все же не съ пустыми руками возвратимся.

Съ этими словами онъ взялъ у одного казака винтовку и, оставивъ лошадей, направился къ мѣсту, куда свалились камни. Прошло уже достаточно времени, а выстрѣла не было. Вдругъ до насъ долетѣлъ громкій голосъ С., кричавшаго намъ: «сюда!—афганцы!». Въ одинъ моментъ мы были на лошадяхъ и подскочили къ тому мѣсту, откуда раздавался голосъ. Подняться на лошади было невозможно на крутой скатъ, и мы, оставивъ ихъ коноводамъ и карабаясь по камнямъ, забрались на вершину. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ капитана валялся трупъ павшей лошади, а не далеко отъ нея стоялъ человекъ. Другой сидѣлъ верхомъ и не скрывался при нашемъ появленіи, очевидно, не желая оставлять товарища. Мы подошли къ нимъ. Это были два афганскихъ кавалериста. Просто невѣроятнымъ казалось, что они поднялись по такой кручѣ на лошадяхъ.

— Гдѣ остальные?—спросилъ капитанъ афганца.

— Это они сами знаютъ,—отвѣтилъ афганецъ.

Казаки сняли съ нихъ оружіе, послѣ чего одинъ изъ риссоля (кавалеристовъ) разсмѣялся.

— Отчего онъ хохочетъ, спроси его?—сказалъ переводчику капитанъ.

— Оттого, что я теперь настоящая баба! — отвѣчалъ чистымъ узбекскимъ языкомъ афганецъ, такъ что я понялъ его отвѣтъ, и при этомъ онъ указалъ жестомъ, что лишенъ оружія.

Офицеры наши, бывшіе здѣсь, предупредили его, что русскіе обращаются съ плѣнными гуманно, но онъ, повидимому, мало убѣдился этимъ и возразилъ:

— Дайте мнѣ чаю и лепешекъ, а потомъ вѣшайте, только теперь я очень голоденъ!

Всю дорогу онъ шутилъ и велъ себя такъ, что приобрѣлъ всеобщую симпатію.

— Вотъ тебѣ и архаръ,—шутилъ С.,—ужъ такого архара я никакъ не ожидалъ встрѣтить.

У пойманнаго афганца было найдено письмо къ убитому Гулямъ-Айдару, которому Файзабадскій губернаторъ предлагалъ возвратиться въ Бадахшанъ, передавъ постъ посланному, а также и письмо отъ жены несчастнаго капитана. Но не суждено было ему читать эти строки, написанныя любящей рукой. Читалъ ихъ на-

¹⁾ Архаръ (Polis ovis)—каменный баранъ, живущій только на снѣговой линіи Памира.

чальникъ отряда, и слезы покатались по щекамъ туркестанскаго героя. Бѣдная женщина умоляла мужа скорѣе пріѣхать въ Файзабадъ для опредѣленія сына въ военную школу. Столько заботливости и нѣжной любви было въ этомъ письмѣ! Тяжело становилось при мысли, что скоро бѣдная афганка узнаетъ о судьбѣ своего любимаго мужа, и горькія слезы польются рѣкою изъ ея прекрасныхъ глазъ.

Х.

Быль необыкновенно жаркій день. Солнце какъ бы остановилось въ зенитѣ и своими палящими лучами особенно пригрѣвало каменистую почву Памира. Удивительное дѣло, вчера холодъ, даже снѣжокъ передъ разсвѣтомъ выпалъ, а теперь вдругъ такая жара, что еле, еле спасаешься отъ нея подъ низкой палаткой, на которую солдаты то и дѣло льютъ воду изъ парусиновыхъ ведеръ.

— Ухъ!—стонетъ мой сосѣдъ, валяясь въ одномъ бѣльѣ на своей походной кровати.—Просто невыносимо становится, не пройти ли намъ въ юрту къ капитану С.,—говоритъ онъ,—тамъ навѣрно прохладнѣе.

— А чтожъ, идемте,—отвѣчаю я.

И мы, надѣвъ на босую ногу уже изрядно истрепанныя туфли, идемъ по направленію къ виднѣющейся юртѣ ротнаго командира.

Мы были не первые. Въ юртѣ капитана собралось довольно много народа; всѣ были въ костюмахъ, подобныхъ нашимъ, т. е. вѣриѣ безъ костюмовъ, и въ разнообразныхъ положеніяхъ сидѣли на постланныхъ кошмахъ. Посреди кружка стоялъ уже опустѣвшій кунганъ.

— Милости просимъ,—привѣтствовалъ насъ хозяинъ.—Чайку не прикажете ли?—и онъ, не дожидаясь нашего отвѣта, позвалъ денщика и приказалъ «подогрѣть кунганъ».

Въ юртѣ было свѣжѣе. Небольшой сквознячекъ пріятно подувалъ на насъ и, охлаждая вспотѣвшее тѣло, заставлялъ свободно и легко вздохнуть полною грудью.

— Что новаго, господа?—спросилъ поручикъ Барановъ, когда мы усѣлись на кошмѣ.

— Да ничего утѣшительнаго,—отвѣтилъ капитанъ:—сидимъ на мѣстѣ, да и только, приказаній для дальнѣйшаго слѣдованія все еще нѣтъ, и полковникъ опасается, какъ бы намъ не опоздать съ углубленіемъ въ Шугнанъ, такъ какъ иначе перевалы будутъ закрыты, и возвращеніе въ Фергану отрѣзано.

— Да чего же онъ не двигается самъ дальше, не дожидаясь приказаній?—спросилъ я,—вѣдь пошелъ же онъ сюда даже совершенно въ разрѣзъ съ предписаніемъ? Вѣдь за стычку 12-го іюля онъ не имѣлъ никакого разноса, напротивъ государь императоръ прислалъ по поводу ея даже телеграмму: «иногда не мѣшаетъ про-

учить». Слѣдовательно отчего же и не проучить еще разъ, не правда ли, господа?

— Совершенно вѣрно,—замѣтилъ С.,—вы правы, да и самъ Іоновъ нисколько не прочь сейчасъ же двинуться и занять Шугнанъ, это вѣдь его завѣтная мечта, и онъ страшно досадуетъ теперь, что она почти неосуществима.

С., котораго очень любилъ начальникъ отряда, хорошо зналъ положеніе дѣла, а потому мы особенно внимательно отнеслись къ этой новости.

— Почему же неосуществима?—спросилъ Барановъ.

— А по простой причинѣ,—отвѣтилъ С.,—когда у одного ребенка десять нянекъ, то дитя зачастую остается безъ глазъ.

Мы съ удивленіемъ взглянули на капитана, который не замедлилъ удовлетворить наше любопытство.

— Видите ли, господа,—сказалъ онъ.—Полковникъ Іоновъ былъ еще до начала похода противъ назначенія подполковника Громбчевскаго въ составъ отряда. Онъ хорошо понималъ, что два медвѣдя въ одной берлогѣ не уживутся. Какъ Громбчевскій, такъ и Іоновъ оба стремились къ одной цѣли блеснуть звѣздою надъ «крышею міра»: Громбчевскому это удалось ранѣе, и онъ уже создалъ себѣ имя извѣстнаго изслѣдователя Памира. Теперь предстояло завоеваніе этой обширной области, которое было возложено на нашего начальника отряда. Вдругъ къ нему назначаютъ совершенно постороннее лицо, и не подъ его вѣдѣніе, а совершенно самостоятельно дѣйствующее на Памирѣ, «начальникомъ Памирскаго населенія», подполковника Громбчевскаго, которому вѣняется содѣйствовать отряду въ доставкѣ перевозочныхъ средствъ, проводниковъ, а такъ же, какъ прекрасно знающему географическое положеніе Памира, быть руководителемъ отряда при переходахъ черезъ изслѣдованныя Громбчевскимъ мѣста, карты которыхъ еще не вышли изъ Туркестанскаго топографическаго отдѣла. Такое назначеніе было не особенно-то пріятно Іонову, человѣку самостоятельному и рѣшительному, а потому онъ очень недружелюбно отнесся къ Громбчевскому. Между обоими штабъ-офицерами на первыхъ же порахъ завязались враждебныя отношенія. Какъ вы знаете, они оба избѣгаютъ встрѣчи, и Громбчевскій поставилъ свои юрты даже внѣ района расположенія отряда.

— Но, приче́мъ же теперь-то Громбчевскій въ вопросѣ дальнѣйшаго движенія?—спросилъ я.

— А вотъ сейчасъ узнаете,—сказалъ капитанъ и, затаившись трубкой, продолжалъ:—теперь, послѣ донесенія начальника отряда военному министру о необходимости дальнѣйшаго движенія, онъ смѣло бы могъ, не дождавшись отвѣта, несомнѣнно отрицательнаго, двинуться дальше. Вѣдь афганцы недалеко и грозятъ наступленіемъ, и это обстоятельство можетъ служить вѣрнѣйшимъ поводомъ

къ походу. Пройдетъ два, три дня, войска будутъ уже далеко, а телеграмма о возвращеніи опоздаетъ, и цѣль Іонова будетъ достигнута, начнется война съ Афганистаномъ, и на его долю выпадетъ слава завоевателя Памира, Шугнана и Рошана. Но вотъ тутъ-то и явилась помѣха въ лицѣ начальника памирскаго населенія. Запасы истощились, ячменя совершенно нѣтъ, такъ что небольшое его количество выписано съ Мургаба и не сегодня, завтра прибудетъ съ первой ротой, уже выступившей къ намъ. Для того же, чтобы поднять отрядъ и направиться въ глубь Шугнана, необходимъ огромный транспортъ, для котораго у насъ не имѣется лошадей, ни подъ сухари, ни подъ фуражъ. Вотъ тутъ-то полковникъ и обратился къ Громбчевскому, конечно, официальнымъ путемъ, чтобы тотъ доставилъ ему необходимое количество лошадей для движенія въ Шугнанъ. Не тутъ-то было. Отлично зналъ Громбчевскій, что начальникъ отряда хочетъ воспользоваться удобнымъ моментомъ для выступленія, не дожидаясь приказаній, и отвѣтилъ ему, что не имѣетъ возможности исполнить просьбу, но что на случай приказанія, которое ожидается черезъ нѣсколько дней, имъ уже сдѣлано распоряженіе о пригонѣ табуновъ. Вотъ теперь полковнику и приходится сидѣть на Яшилъ-кулѣ, досадуя на себя, что не захватилъ отряднаго обоза. Сдѣлалъ поблажку подрядчику, разрѣшилъ ему въ два приема перевозить фуражъ, вотъ теперь и сидимъ, когда могли бы уже быть въ Шугнанѣ.

— Да, досадно,—сказалъ Барановъ.

— Еще бы не досадно! Хорошо, если приказаніе будетъ немедленно двигаться дальше, а если нѣтъ?—тогда вѣдь зазимуемъ на этомъ проклятомъ мѣстѣ,—отвѣтилъ С.

Нечего сказать, пріятная перспектива,—подумалъ я и, наливъ въ чашку горячаго чайку, сталъ отхлебывать его, обливаясь струями пота, который, охлаждаемый вѣтромъ, пріятно-холодными струйками текъ по шеѣ. Вдругъ дверь кибитки поднялась, и согнувшись вошелъ въ юрту казачій офицеръ.

— А Петръ Петровичъ!—привѣтствовали мы его.

Начались рукопожатія.

— А я, господа, къ вамъ съ предложеніемъ,—обратился онъ къ намъ,—не составитъ ли кто мнѣ компанію поохотиться за архарами.

— За архарами?—переспросилъ я,—развѣ теперь время?

— Самое настоящее,—замѣтилъ хорунжій,—тѣмъ болѣе, что съ нами отправляется извѣстный охотникъ, киргизъ Хасанъ-бекъ.

— Вотъ охота по горамъ таскаться,—возразилъ капитанъ, видимо очень недовольный, что казакъ покушается нарушить его собраніе и лишить его возможности продолжать начатую бесѣду. Однако ему не пришлось лишиться своихъ собесѣдниковъ. На вызовъ хорунжаго отозвался лишь я одинъ. Охота на архара или кіика всегда была для меня мечтою, и вотъ эта мечта осуществляется.

Положимъ, я уже и ранѣе охотился въ горахъ, но охоты были всѣ неудачны, и я ограничился лишь тѣмъ, что видѣлъ только слѣдъ звѣрей, за которыми ползаль по скаламъ въ теченіе трехъ сутокъ.

— Когда же ѣдемъ?—спросилъ я.

— Да что же, съ разсвѣтомъ можно. Берите карабинъ, чая заварки двѣ, сахару да чашку, больше ничего не нужно. Ну, такъ больше никто, господа?—спросилъ онъ.

Никто не выразилъ желанія.

— Ну, до свиданія,—сказалъ хорунжіи и, отдавъ честь компаніи, вышелъ.

Болѣе меня уже не интересовали разговоры, я думалъ о предстоящей охотѣ и радовался удачному времени, въ которое выпалъ мнѣ этотъ случай.

Уже свѣтало, когда мы сѣли на лошадей и въ сопровожденіи какого-то киргиза тронулись въ путь. Узкая тропа пролегла по краю обрыва, то поднимаясь то опускаясь почти совершенно къ шумящей рѣкѣ. Два раза пришлось намъ перейти въ бродъ рѣку, и наконецъ мы свернули въ одно изъ чернѣвшихъ ущелій, продолжая слѣдовать за проводникомъ. Чѣмъ дальше углублялись мы въ ущелье, тѣмъ природа окружающихъ горъ замѣтно измѣнялась. Наконецъ на одной изъ зеленыхъ площадокъ я увидѣлъ нѣсколько киргизскихъ юртъ, маленькими грибочками сѣрѣвшихъ на зеленомъ фонѣ травы. Около одной стояла киргизка, у которой на рукахъ былъ грудной ребенокъ. Увидя насъ, она быстро скрылась въ юрту, откуда вышелъ старый киргизъ съ почтенною наружностью.

— А саломатъ! саломатъ! тюраляръ! (здравствуйте, господа)—прошамкалъ онъ своимъ беззубымъ ртомъ, взялъ подъ уздцы мою лошадь одной рукой и принялъ поводья изъ рукъ хорунжаго.

— Ёй, Игамъ-берды!—крикнулъ онъ.

— А?—лѣниво отозвался кто-то на его зовъ изъ юрты, и вслѣдъ затѣмъ толстый, но еще молодой киргизъ, съ лоснящимися жирными, сильно выдающимися скулами выдѣзъ изъ узкой двери юрты и, улыбаясь во весь ротъ, обнажилъ свои ровные, сверкающіе бѣлизною зубы.

— Возьми лошадей,—сказалъ ему старикъ, и киргизъ, апатично собравъ поводья и заложивъ руки назадъ, сталъ водить лошадей.

— Хасанъ екъ,—сказалъ киргизъ.—Хасанъ уѣхалъ, завтра пріѣдетъ.

Такое извѣстіе сильно огорчило насъ. Безъ Хасанъ-бека, знавшаго всѣ мѣста, какъ свои пять пальцевъ, охота была бы затруднительною. Дѣлать нечего, мы рѣшились ждать его до слѣдующаго дня, а тамъ, если бы онъ не пріѣхалъ, охотиться однимъ. Старикъ отстегнулъ висячую, сдѣланную изъ длинныхъ щепочекъ, дверь, и мы, согнувъ спины, вошли въ юрту. Непріятный, кислый запахъ чего-то прѣлага сразу пахнулъ на насъ, и я просилъ хозяина открытъ

тюнтякъ, т. е. снятъ кусокъ кошмы, закрывавшей верхнее отверстіе юрты. Яркій свѣтъ ворвался въ темную кибитку, и я увидѣлъ въ двухъ шагахъ отъ меня киргизку, возившуюся съ небольшимъ барашкомъ, повидимому, чѣмъ-то больнымъ. Хозяинъ, видя, что намъ непріятно такое зрѣлище, сморщилъ брови и суровымъ голосомъ крикнулъ «китъ!» (пошла), и киргизка моментально исчезла.

Мы сидѣли на коврѣ. Въ юрту понемногу стали набираться обитатели аула, и всѣ они, каждый погладивъ обѣими руками бороду и проговоривъ свое «саломъ-а-лейкумъ» (здравствуйте), протянувъ намъ каждому обѣ руки, садились, поджавъ подъ себя ноги, и, сказавъ «хасанъ ёкъ», изрѣдка перебрасывались другъ съ другомъ фразами, а снаружи доносились распоряженія хозяина о приготовленіи намъ угощенія. Вскорѣ турсуки съ кумысомъ, киргизскій творожный сыръ «крутъ» — лепешки на бараньемъ салѣ, каймакъ — сливки, все было передъ нами, а въ заключеніе мы были угощены жареною на вертелѣ бараниной, да такою, что просто слюнки текли при видѣ немного подпеченнаго куска жирной баранины. Между тѣмъ для насъ была приготовлена самая нарядная юрта; появились прекрасныя одѣяла и даже сальная свѣча была вставлена въ какой-то допотопный, но русской фабрикаціи подсвѣчникъ, какими-то судьбами попавшій въ эту горную трущобу Памира. Устроившись въ новомъ номѣщеніи, мы пригласили хозяина къ себѣ и угостили его водкой, до которой «старикъ оказался большимъ охотникомъ; проглотивъ стаканчикъ, онъ сталъ вдругъ замѣчательно разговорчивымъ и веселымъ. Удивительное дѣло, какъ туземцы любятъ «аракъ» — водку, съ какимъ удовольствіемъ пьютъ ее они, но такъ какъ по Корану спиртные напитки имъ запрещены, то они употребляютъ ихъ чрезвычайно секретно. Русскихъ они, въ этомъ случаѣ, не стѣсняются, но всегда просятъ никому не говорить.

Такимъ образомъ мы остались до сумерекъ въ юртахъ и, благодаря теплымъ одѣяламъ, довольно сносно провели ночь, которая не отличалась теплотою. Я проснулся почти съ разсвѣтомъ и первымъ дѣломъ пошелъ освѣдомиться, пріѣхалъ ли Хасанъ. Какова же была моя радость, когда на мой вопросъ изъ темноты раздался голосъ старика: «Кильды, тюра, Хасанъ кильды!» (пріѣхалъ, баринъ, Хасанъ пріѣхалъ).

Вслѣдъ за этимъ изъ юрты вылѣзъ и самъ ожидаемый охотникъ. Это былъ средняго роста, крѣпко сложенный, батырь съ смуглымъ лицомъ и сильно выдающимися скулами. Узкіе прорѣзы глазъ, покитайски, подвнялись наружными уголками къ верху, и черезъ нихъ лукаво проглядывали быстрые и нелишенные ума зрачки. Маленькіе черные усы и на концѣ подбородка жалкая мочалистая бородачка дополняли наружность его; что поражало въ немъ — это бѣлые, какъ бы выточенные изъ слоновой кости, крѣпкіе зубы. Вообще киргизы отличаются прекрасными зубами и объясняютъ это

тѣмъ, что не ѣдятъ совсѣмъ ничего соленого и мало употребляютъ мяса, питаюсь молочною пищею.

— Кайда, тюра, казакъ? (гдѣ казакъ?)—спросилъ Хасанъ, протягивая мнѣ обѣ руки.

— Спать!—сказалъ я, и мы направились къ нашей юртѣ.

— Ну, что ѣдемъ?—спросилъ я Хасана.

— Якши, тюра! хорошо. Только знаешь что?—сказалъ онъ,—лучше выѣдемъ мы сейчасъ верхами, у Ходжа-Серкера въ аулѣ оставимъ лошадей, поднимемся по ручью «екибулакъ» и какъ разъ къ вечеру будемъ на мѣстѣ, гдѣ я въ прошлый разъ убилъ кінка (козла), когда онъ спускался на водопой; тамъ переночуемъ и на утро поднимемся къ снѣгу, а тамъ если архаровъ не увидимъ, то навѣрное убьемъ кінка.

— А развѣ архаровъ нѣтъ?—спросилъ я, съ горечью въ душѣ думая, что и теперь не поохочусь за архарами.

— Нѣтъ, тюра, архаръ есть, только ужъ высоко очень. Если хочешь, поднимемся и выше—«хонъ?» (хорошо)—закончилъ онъ свой проектъ.—Только, тюра, «итыкъ яманъ!» (сапоги плохе),—прибавилъ Хассанъ, глядя на мои выростковые сапоги.—Мои лучше—а? Хочешь, у меня есть еще пара, я тебѣ ихъ дамъ, да и другому тюрѣ—казану, достану.

Скрывшись въ юрту, онъ вытащилъ оттуда два свертка кожи. Конечно, я не замедлилъ тщательно разсмотрѣть предложенную мнѣ обувь, которая состояла въ мягкомъ сапогѣ безъ каблукъ и изъ нѣсколькихъ кусковъ сыромятной кожи; изъ нихъ одинъ накладывался подъ подошву, а остальными обматывалась вся нога, и все это завязывалось воловьими жилами. Въ такой лишь обуви и возможно бродить по горнымъ дебрямъ и въ особенности въ погонѣ за кінками и архарами. Поблагодаривъ киргиза за цѣнный, въ настоящую минуту, подарокъ, я отдалъ ему кинжаломъ и обѣщалъ дать водку, чему онъ особенно обрадовался, и мы пошли будить спящаго товарища.

— Петръ Петровичъ, а Петръ Петровичъ,—тормошилъ я спящаго хорунжаго.

— Мм... аа?..—произнесъ онъ и потянувшись поднялся на руки.

— Ёдемъ! Хасанъ уже здѣсь.

Онъ вскочилъ.

— Хасанъ!—крикнулъ онъ.

— До-бай, тюра? (что прикажете?)—спросилъ киргизъ.

— Ёдемъ!

— Хопъ, таксыръ (слушаю-съ).

Черезъ нѣсколько минутъ мы въ сопровожденіи Хасана выѣхали въ путь и направились въ верхъ по горному ручью, берега котораго были покрыты колючими кустиками терескена. Высокія скалы сурово громоздились надъ нами, а впереди въ голубое небо

уходили снѣжныя вершины одного изъ отдаленныхъ хребтовъ. Путь, устѣянный острыми осколками сорвавшихся и расколовшихся каменныхъ глыбъ, былъ достаточно неудобенъ для лошадей, но наши киргизскіе горцы, очевидно, привыкшіе къ подобнымъ путямъ, шли бодро, ловко лавируя между камнями. Было довольно свѣжо, и чѣмъ выше мы поднимались, тѣмъ холодъ дѣлался ощутительнѣе. Наконецъ, стали попадаться уже цѣлыя площади неоттаявшаго еще съ зимы снѣга, вѣроятно, потому, что солнечные лучи не проникаютъ въ это темное, узкое, загроможденное скалами, ущелье. Такимъ образомъ, проѣхавъ безъ остановки часа четыре, все поднимаясь по тому же ручью, мы повернули въ одно изъ ущелій, въ которомъ, говорилъ Хасанъ, находится знакомый ему аулъ, гдѣ и предполагалось остаться на ночевку. Дѣйствительно, на небольшой равнинѣ намъ попался, на тощей, съ виду заморенной, лошаденкѣ, киргизъ, гнавшій небольшое стадо барановъ, который, обмѣнявшись привѣтствиемъ съ Хасаномъ, что-то сказалъ ему и проѣхалъ мимо.

Наконецъ, я увидѣлъ четыре юрты, и мы на рыскахъ подѣхали къ аулу.

Та же встрѣча любопытныхъ обитателей, то же угощеніе бараниной и кумысомъ, какъ и у Хасана, повторились и здѣсь, только съ тою разницею, что приносила намъ угощеніе жена аульнаго старшины, молодая, здоровая и чрезвычайно красивая киргизка, все время закрывавшаяся рукавомъ своей рубашки и скалившая прелестные бѣлые зубы. Хасана обступила цѣлая толпа, и мы, въ отведенной намъ юртѣ, уже пили чай и рѣшили, передохнувъ немного, идти въ засаду, гдѣ козель спускается на вечерній водопой.

Начинало смеркаться.

— Ну, тюра, «айда» (пойдемъ),—сказалъ мнѣ Хасанъ.

Онъ все время обращался ко мнѣ, такъ какъ я говорилъ по-киргизски. На этотъ разъ лицо его было серьезно; за спиной былъ крѣпко притороченъ мултукъ (ружье), а на поясѣ болтались разные мѣшочки съ порохомъ и дробью, неизбѣжный ножъ, а также кремень и кресала.

Презабавная штука у киргизъ—это ихъ «мултукъ», и можно лишь удивляться, какъ они мѣтко и всегда удачно изъ него стрѣляютъ, да иначе же представить себѣ невозможно, такъ какъ на заряженіе его употребляется не менѣе 20 минутъ. Мултукъ состоитъ изъ толстаго, утолщеннаго къ верхней части, ствола съ нарѣзнымъ каналомъ въ 8 мм. въ діаметрѣ. Стволъ привязанъ проволокой къ куску дерева, напоминающаго пистолетное ложе. Около дульной части устроена рогатина, служащая стойкою и упоромъ во время стрѣльбы. Выстрѣлъ производится помощью фитиля, приставляемаго къ затравкѣ. Зарядъ и пуля закладываются съ дульной части; пуля представляетъ собою просто кусочекъ спрессованнаго свинца и туго забивается въ дуло. Однако такое первобытное ору-

жіе не мѣшаетъ киргизу стрѣлять изъ него на довольно далекое разстояніе и быть отличнымъ стрѣлкомъ.

Въ нѣсколько минутъ я уже былъ готовъ, а хорунжій отказался идти, говоря, что лучше поберечь силы для завтрашней тяжелой и болѣе интересной охоты, и хотя я сначала и подсаждалъ на него за подобную, недостойную охотника, лѣность, однако въ послѣдствіи ужасно завидовалъ его бодрости духа.

Мы вышли съ Хасаномъ вдвоемъ и бодрымъ шагомъ стали подниматься по довольно крутому скату горы. Мѣстами намъ попадались узенькія, едва замѣтныя тропинки, пробитыя козлами, которые всегда ходятъ по старымъ путямъ. Уже было почти совсѣмъ темно, когда мы подошли къ журчащему по камнямъ ручейку и сѣли подъ большою, старою арчею.

— Ну, здѣсь,—сказалъ Хасанъ,—теперь, тюра, сиди и смотри, а я пойду вонъ за ту арчу.

Приведя въ порядокъ свое оружіе, онъ отправился по указанному направленію и скоро скрылся за камнями. Громадный дискъ луны какъ бы вынырнулъ изъ-за горъ и своимъ мѣднымъ свѣтомъ озарилъ ущелье, живописно играя въ журчащей водѣ ручейка. Стало довольно свѣтло, и я даже различалъ арчу, за которой сидѣлъ Хасанъ. Все было тихо, и мнѣ казалось, что я слышу удары своего сердца; я ждалъ съ нетерпѣніемъ желаннаго гостя, но, повидимому судьба намъ не благоприятствовала.

Просидѣвъ такимъ образомъ часа два, я вдругъ услышалъ приближающійся шорохъ по камнямъ, взвелъ курки и приготовился. Шорохъ затихъ и вдругъ снова раздался съ большею силой. Каково же было мое разочарованіе и досада, когда вмѣсто кійка ко мнѣ подошелъ Хасанъ.

— Нѣтъ, тюра, теперь кійкъ уже не придетъ,—сказалъ онъ,—пойдемъ-ка въ аулъ и съ разсвѣтомъ сами отправимся на поиски.

— Не повезло!—подумалъ я и печально побрелъ за Хасаномъ.

— Что много убили?—иронически спросилъ меня хорунжій.

Но мнѣ было не до шутокъ, и я оставилъ вопросъ его безъ отвѣта. Съ чувствомъ полного разочарованія закутался я въ одѣяло и крѣпко заснулъ. Однако не долго пришлось мнѣ отдыхать. Хорунжій спалъ цѣлый день, отчего ему и не спалось, и онъ, сговорившись съ Хасаномъ выйти возможно раньше, въ три часа безпощадно разбудилъ меня. Дѣлать было нечего: несмотря на то, что хотѣлось страшно спать, я былъ менѣе чѣмъ черезъ десять минутъ совершенно готовъ, а умывшись свѣжею водою и выпивъ чашку кумысу, даже почувствовалъ себя необыкновенно бодрымъ. Начинало свѣтать, когда мы подошли къ ручью, по которому ѣхали вчера, и стали подниматься по направленію къ снѣжнымъ вершинамъ, казавшимся въ весьма близкомъ отъ насъ разстояніи и скрывавшимся изъ глазъ, по мѣрѣ приближенія нашего къ крутой горѣ, по кото-

рой мы начали взбираться. Лѣзть было довольно тяжело; камни вырывались изъ-подъ ногъ и съ шумомъ, увлекая въ своемъ паденіи множество мелкихъ осколковъ, катились внизъ. Иногда попадалась небольшая, полусгнившая арча.

Ну, вотъ наконецъ вершина,—подумалъ я, глядя вверхъ и замѣчая, что гора будто кончается; я собираю силы и въ одинъ махъ залѣзаю на мнимую вышку, но, увы! передо мной открывается небольшая равнина, а дальше опять такая же и даже болѣе высокая гора, надъ которой все такъ же близко возвышаются снѣжныя вершины.

— Что, Хасанъ, скоро снѣгъ?—спросилъ я.

— Юкъ (нѣтъ), къ вечеру развѣ доберемся,—невозмутимо лѣнливо, небрежно переставляя ноги, сказалъ онъ.

Я сѣлъ на камень и, закуривъ папироску, невольно бросилъ взглядъ и не могъ не полюбоваться чудной картиной. Ручейка не было видно, и громадные камни, казавшіеся такими большими, теперь имѣли видъ булавочной головки, а ущелье, изъ котораго мы вышли, утопало въ какомъ-то дымчато-голубоватомъ туманѣ. Со всѣхъ сторонъ возвышались снѣжные хребты, утопавшіе въ голубомъ небѣ своими, позолоченными восходомъ солнца, снѣжными головами. Дальше подъемъ становился все тяжелѣе и тяжелѣе. Часто приходилось чуть не ползкомъ пролѣзать по такимъ мѣстамъ, гдѣ, какъ сказалъ поэтъ: «лишь злой духъ одинъ шагаль, когда, низверженный съ небесъ, въ бездонной пропасти исчезъ». Голова не выдерживала, когда посмотришь внизъ, и мысль о томъ, что легко сорваться, заставляетъ быть очень осторожнымъ.

Полая все выше и выше и часто спугивая кекеликовъ ¹⁾ и уларовъ ²⁾, мы къ полудню забрались на значительную высоту и пошли по гребню хребта, покрытому арчею.

— Вотъ туда пойдѣмъ,—сказалъ Хасанъ, указывая на виднѣвшуюся снѣжную массу, какъ разъ впереди насъ:—тутъ, коли Аллахъ поможетъ, мы козловъ увидимъ.

Я чувствовалъ сильную усталость и досадовалъ на хорунжаго, который слегка подтрунивалъ надо мною и вчерашней моей охотой. Мы усѣлись подъ небольшимъ камнемъ и закусили захваченной вареной бараниной и лепешками. Становилось значительно теплѣе, и солнце даже довольно сильно припекало. Подкрѣпивъ свои силы, мы вскорѣ, карабкаясь по невѣроятнымъ глыбамъ, добрались часамъ къ четверемъ до снѣговой линіи.

Холодъ былъ сильный и, несмотря на солнце, давалъ себя чувствовать. Мы были на краю громаднаго обрыва. Ноги и руки, изорванные о камни, сильно болѣли, и отдыхъ казался необходимымъ.

¹⁾ Кекеликъ—горный рыбчикъ.

²⁾ Уларъ—горная индюшка.

— Здѣсь заночуемъ?—спросилъ я Хасана.

— Какъ хочешь, тюра...

Онъ не договорилъ и сталъ пристально смотрѣть внизъ, гдѣ далеко въ пропасти виднѣлись нѣсколько деревьевъ арчи.

— Кіики!—таинственнымъ голосомъ проговорилъ Хасанъ.

— Кіики?—повторили мы, и всякая усталость была забыта.

Я долго не могъ разглядѣть ничего тамъ, куда указывалъ мнѣ пальцемъ Хасанъ, и, наконецъ, увидѣлъ двухъ козловъ, щипавшихъ траву около небольшой арчи. Мы порѣшили спуститься. Кіики были возлѣ самага обрыва, на небольшомъ почти неприступномъ карнизѣ, и убить ихъ тамъ было бы бесполезно, такъ какъ они достались бы развѣ беркутамъ и стервятникамъ; мы рѣшили дѣйствовать такимъ образомъ. Хасанъ долженъ спуститься и зайти по возможности въ сторону и выстрѣломъ заставить ихъ перемѣнить свое мѣсто, а мы предполагали спуститься и ждать, когда добыча приблизится на ружейный выстрѣлъ.

Хасанъ быстро исчезъ, а я и хорунжій стали спускаться. Спускъ представлялъ собою совершенно крутую осыпь, покрытую сплошь осколками аспида, который катился вмѣстѣ съ нами, увлекая за собою массу другихъ мелкихъ камней; казалось, что мы плыли вмѣстѣ съ горою. Мѣстами приходилось захватываться за вѣтви арчи или упираться ногами на попадавшіеся большіе камни, которые, между тѣмъ, скользя, сопутствовали намъ далѣе. Наконецъ, спустившись на достаточное разстояніе, мы пошли вправо, по узкому карнизу, по тропѣ, протоптанной кіиками, и, снова перелѣзая съ камня на камень, со скалы на скалу, стали спускаться далѣе. Кіики были въ разстояніи не болѣе четырехъ сотъ шаговъ и видимо не замѣчали насъ, находившихся, какъ разъ противъ нихъ, на краю страшной пропасти.

Стрѣлять или нѣтъ, подумалъ я и рѣшилъ лучше еще спуститься, но было поздно: Хасанъ выстрѣлилъ. Глухой звукъ выстрѣла разнесся по ущельямъ и продолжительнымъ, раскатистымъ эхомъ долго переливался по горамъ. Кіики вздрогнули, насторожились и вдругъ въ одинъ моментъ огромными прыжками бросились вправо отъ насъ. Хорунжій выстрѣлилъ, но очевидно промахнулся. Одинъ кіикъ вдругъ остановился и, перемѣнивъ направленіе, сталъ подниматься съ правой стороны, прямо на насъ.

Мы притаились за камнями.

Ровные щелчки его крѣпкихъ копытъ о камни уже ясно долетали до насъ; громкое сопѣнье, какъ отъ паровоза, которое всегда сопровождаетъ кіика во время бѣга, слышалось сильнѣе и сильнѣе, и вдругъ справа отъ меня, шагахъ въ 45-ти, появилась его мощная, сѣро-бурая, стройная фигура. Громадные рога загибались далеко за спину, длинная борода была почти прижата къ груди; пораженный неожиданностію непріятной съ нами встрѣчи, онъ какъ бы вдругъ окаменѣлъ и сдѣлалъ быстрый поворотъ.

Мы съ хорунжимъ выстрѣлили почти разомъ.

Стремглавъ, увлекая за собою цѣлыя глыбы камней, полетѣлъ кѣикъ въ зіявшую черную пропасть, оставляя за собою цѣлый столбъ пыли.

Иногда видѣлъ я, какъ онъ, ударившись о камень, дѣлая чудовищный сальтомортале, отлеталъ въ сторону и снова катился внизъ. Наконецъ, около арчи, запутавшись ногами въ ея корняхъ, торчащихъ надъ землею, онъ недвижно легъ. Между тѣмъ новый выстрѣлъ Хасана заставилъ насъ отвлечься на минуту отъ убитой добычи, но никто не появлялся, и мы стали осторожно спускаться къ нашему трофею.

Какъ это потащимъ мы его оттуда, думалъ я, вѣдь въ немъ добрыхъ пудовъ шесть, если не болѣе.

Мы все ниже и ниже спускались и, наконецъ, подошли къ арчѣ. Громадный кѣикъ лежалъ съ окровавленной мордой; голова его была прострѣлена одной пулей; кто изъ насъ попалъ — неизвѣстно; каждый приписывалъ удачный выстрѣлъ себѣ. Сосчитавъ число шишекъ на рогахъ, мы увидѣли, что козлу было не болѣе семи лѣтъ, и приблизительно вѣсилъ онъ $5\frac{1}{2}$ пудовъ. Подумавъ и посоветовавшись другъ съ другомъ, что намъ предпринять, мы порѣшили общими силами затащить его на верхъ; привязавъ его за ноги взятыми съ собою арканами и передохнувъ немного, мы принялись за свою тяжелую ношу и такъ измучились, какъ еще никогда, по крайней мѣрѣ, мнѣ не приходилось. Два раза онъ срывался у насъ, и приходилось снова спускаться внизъ и затаскивать на пройденное уже разстояніе. Между тѣмъ Хасанъ не было, и мы не могли понять, что бы это значило. Уже совершенно стемнѣло, когда мы добрались до мѣста, откуда увидѣлъ Хасанъ кѣика. Ноги и руки сильно болѣли. Я чувствовалъ, что болѣе не въ силахъ сдѣлать шагу. Хорунжій былъ бодрѣ меня, но и онъ молчалъ, закинувъ руки за голову и лежа въ растяжку на землѣ.

— Хасанъ!—громко крикнулъ хорунжій.

Эхо повторило его крикъ, но отвѣта не послѣдовало.

— Куда же Хасанъ дѣлся въ самомъ дѣлѣ,—сказалъ я,—ужъ не убитъ ли, чего добраго?

— Что вы? киргизъ—да убьется! Нѣтъ. Мы съ вами пять разъ успѣли бы сломать себѣ шею, прежде чѣмъ онъ хоть разъ остушился бы,—возразилъ мнѣ хорунжій.

Мы оба замолчали.

Собравъ немного сухой травы и наломавъ вѣтокъ арчи и подбросивъ терескена, мы развели костеръ, и яркое пламя освѣтило большое пространство.

Я поудобнѣе устроился около огня и облокотился головою на убитаго кѣика. Луна не всходила.

«Эге!»—раздался крикъ, и я съ радостью узналъ голосъ Хасана,

но каково же было наше удивленіе и радость, когда онъ свалилъ на землю огромную тушу. Я взглянулъ и даже глазамъ своимъ не повѣрилъ — это былъ настоящій архаръ. Громадные рога, загнутые спиралью, красовались на его свѣтло-сѣрой головѣ. Въ изнеможеніи Хасанъ сѣлъ у огня. Потъ ручьями лилъ съ него, и онъ, самодовольно улыбаясь, проговорилъ: «Якши архаръ?» (хорошій архаръ).

— Да гдѣ ты встрѣтилъ его? — спросилъ я, досадуя, что не на мою долю выпала эта добыча.

— Ухъ, высоко, «мана унда» (вотъ тамъ), — махнулъ въ пространство рукою охотникъ.

Правда, что добыча Хасана была по величинѣ значительно меньше нашей, но дотащить одному и такую было положительно подвигомъ съ его стороны.

— Ну, что Хасанъ усталъ? — спросилъ я его.

— Немножко, тюра, — отвѣтилъ онъ. — Ну, тузукъ (довольно), тюра. Скоро пойдемъ?

Я вытаращилъ на него глаза.

— Какъ! идти въ аулъ? Нѣтъ, я не иду ранѣе, чѣмъ взойдетъ солнце. Такъ, безъ отдыха, и ногъ не дотащишь.

Съ этимъ рѣшеніемъ я сталъ дремать у костра, а Хасанъ, между тѣмъ, налаживалъ палки для приготовленія ужина, состоявшаго изъ куска жареной козлятины да кунгана чаю. Товарищъ мой спалъ, положивъ, какъ и я, голову на спину убитаго кіика. Сонъ покинулъ меня, и я съ любопытствомъ наблюдалъ, какъ Хасанъ поворачивалъ надъ огнемъ большой кусокъ мяса, и соблазнительный запахъ жаркаго пріятно щекоталъ мой пустой желудокъ. Поужинавъ, мы завалились спать и съ первыми лучами солнца направились въ обратный путь. Въ аулахъ насъ встрѣтили возгласами одобренія. Въ лагерѣ толпа товарищей обступила нашихъ лошадей, разсматривая добычу. Вполнѣ довольные, мы сидѣли въ своей палаткѣ, и я рассказывалъ впечатлѣнія объ удачной охотѣ.

Вдругъ въ палатку просунулась голова адъютанта.

— Прочтите, — протянулъ онъ мнѣ приказъ по отряду.

Я прочелъ, но сразу даже не повѣрилъ и перечелъ снова. Въ приказѣ говорилось объ арестѣ меня и хорунжаго на 3 сутокъ за то, что мы о побѣдѣ своей не доложили дежурному по отряду.

— Вотъ тебѣ и на! — сказалъ я.

Приказъ обошелъ чрезъ всѣ руки, и подтруниваніе товарищей посыпалось со всѣхъ сторонъ.

Нечего дѣлать, пришлось отсидѣть безвыходно въ палаткѣ, около которой мѣрными шагами расхаживалъ часовой.

XI.

— Послать рабочихъ по 20 человѣкъ съ роты!—раздался громкій крикъ дневальнаго подъ самой моею палаткой. Барановъ вскочилъ и полусонными глазами обвелъ палатку.

— Что такое? тревога?—безпокойно спросилъ онъ.

— Рабочихъ зовутъ!—отвѣтилъ я.

— Ахъ, рабочихъ!—и онъ снова завернулся съ головой въ одѣяло.

— Осипъ!—крикнулъ я денщика.

— Чего изволите?

— Куда это рабочихъ?

— Баню строить; сказываютъ, что воду горячую нашли.

— Что ты врешь!

— Никакъ нѣтъ, извольте сами посмотрѣть.

Я одѣлся и, освѣжившись водой, направился къ берегу рѣки Аличура.

— Гдѣ баню строить?—спросилъ я попавшагося мнѣ солдата.

— А вонъ тамъ, ваше благородіе,—отвѣтилъ онъ, указывая на противоположный берегъ рѣки, гдѣ около поставленной юрты копошились рабочіе.

Я пошелъ къ рѣкѣ и на керекешной (вьючной) лошади переправился на другую сторону.

Весь правый берегъ Аличура былъ покрытъ какъ бы небольшими лужами, наполненными чистою прозрачною водой. Надъ одной изъ такихъ лужъ была поставлена юрта. Густой паръ валилъ сквозь верхнее отверстіе ея. Я попробовалъ было войти въ юрту, но это оказалось невозможнымъ, до такой степени въ ней было жарко.

Я обошелъ всѣ ключи; ихъ было семь, и температура въ каждомъ была особенная. Какъ оказалось по изслѣдованіи, вода въ источникахъ была сильно насыщена сѣрою, отчего прибрежные камни имѣли золотистожелтый цвѣтъ. Самый горячій источникъ имѣлъ 70° R., такъ что, когда мы пользовались природной баней, то пришлось прибавлять въ источникъ много ведеръ холодной воды, чтобы имѣть возможность мыться въ немъ. Для этой цѣли рабочіе прокопали канавку и изъ рѣки пустили въ нее холодную воду. Что за блаженство было вымыться въ подобной банѣ, и мы всѣ отдали ей должную честь. Съ самаго утра и до заката солнца, когда на бивуакъ раздавался оглушительный сигналъ къ зарѣ, около бани-юрты толпился народъ въ ожиданіи своей очереди. Между тѣмъ солдаты нашли и другое примѣненіе этихъ ключей.

Аличурскіе горячіе ключи за свое цѣлебное свойство почитаются у туземнаго населенія святыми. Они, какъ говорили мнѣ киргизы, совершенно излѣчиваютъ застарѣлый ревматизмъ, а также многія другія болѣзни. Афганцы и стоявшіе здѣсь до 1888 года китайцы

также считали ихъ священными и даже построили въ честь этихъ источниковъ кумирню съ камнемъ для жертвоприношеній Сума-Ташъ. Эта кумирня поставлена около китайской крѣпости, отъ которой остались теперь однѣ лишь развалины. Тогда-то китайцы заняли Памиры подъ предводительствомъ генерала джандарина Джанъ-Хунга и, подчинивъ себѣ киргизъ, поставили гарнизонъ въ выстроенной ими крѣпости Сума-Ташъ, гдѣ и находились до 1888 года. Во время афганской смуты, когда междоусобія въ Афганистанѣ заставили Абдурахмана послать свои войска на Памиры, китайцы были прогнаны, а ихъ крѣпость разрушена, и только кумирня съ жертвенникомъ пощажена непріателемъ. Послѣ чудной бани, такъ пріятно подѣйствовавшей на мое существо, я зашелъ въ общую столовую, т. е. въ длинную палатку, поставленную надъ двумя, вырытыми параллельно другъ другу, канавами, служившими намъ для помѣщенія ногъ. Народу уже было много — всѣ ожидали завтрака.

Около одного конца стола (которымъ была тоже земля) столпилась группа офицеровъ. Одинъ изъ толпы металъ банкъ, прочіе понтировали.

— Бита! — раздавался равнодушный голосъ банкмета, и его рука, какъ-то особенно жадно растопыря пальцы, сгребала съ положенной доски деньги.

— Господа! да будетъ вамъ — завтракъ поданъ, — кричалъ съ другого конца палатки капитанъ С.

— Да ну васъ съ вашимъ завтракомъ. Здѣсь серьезная игра, а онъ съ своимъ завтракомъ! Ышьте на здоровье, если голодны! — сердито отозвался штабсъ-капитанъ, очевидно сильно уже проигравшійся и питавшій надежду отыграться.

Мы ушли за ѣду и, окончивъ трапезу, направились по своимъ палаткамъ, оставивъ игроковъ доигрывать свой штоссъ.

День былъ жаркій, въ палаткѣ стояла невозможная духота; я было легъ отдохнуть, но потъ градомъ лилъ съ моего лица, и я вылезъ наружу.

— Чаю хотите? — окликнулъ меня изъ палатки военный инженеръ С — онъ, одинъ изъ самыхъ симпатичныхъ офицеровъ отряда.

— Съ удовольствіемъ выпью чашку, — отвѣтилъ я и направился къ палаткѣ капитана. Я очень любилъ побесѣдовать съ этимъ человекомъ, а тутъ еще надѣялся, что онъ сообщитъ мнѣ что либо относительно нашей судьбы. Но новаго я ничего не узналъ — мы продолжали сидѣть въ ожиданіи распоряженій, а распоряженій никакихъ не поступало. Становилось просто невыносимо.

У С — ва я засталъ эсаула В.; онъ сидѣлъ на ягтанѣ и пилъ коньякъ.

— Съ легкимъ паромъ! — сказалъ онъ, протягивая мнѣ руку. — Правда, прелестная баня?

— Чудо! — отвѣтилъ я и присѣлъ на складной стулъ.

— А вотъ Николай Николаевичъ интересныя вещи мнѣ рассказываетъ,—сказалъ капитанъ, обращаясь ко мнѣ,—объ этой рекогносцировкѣ, что за два дня до нашего выступленія была произведена Скерскимъ.

— Да развѣ ваша сотня ходила? — удивился я, обращаясь къ эсаулу,—а я думалъ—третья.

— А то какъ же,—конечно, напа.

— Ну, такъ рассказывайте,—перебилъ насъ капитанъ.

Я превратился въ слухъ и приготовилъ записную книжку. Эта рекогносцировка меня очень интересовала, и я только ждалъ случая услышать о ней что либо. И вотъ случай представился.

— И такъ, господа,—началъ эсаулъ,—разставшись съ отрядомъ 5 июля, наша сотня двинулась вверхъ по рѣкѣ Акъ-су. Погода стояла хорошая, лошади шли бодро, да и мы, подъ впечатлѣніемъ товарищескаго завтрака, чувствовали себя прекрасно. Часу въ третьемъ дня, миновавъ мѣстечко Аю-Кузы-Аузы, гдѣ сдѣлали небольшой привалъ, подошли мы къ обрывистому берегу рѣки Акъ-Буры, гдѣ и остановились на ночевку. Стоянка была довольно сносная, тѣмъ болѣе, что травы для лошадей нашлось достаточно, но за то ночью вдругъ выпалъ снѣгъ, который съ первыми лучами солнца началъ таять, и къ выступленію только въ нѣкоторыхъ лощинкахъ оставались слѣды июльской зимы. Цѣлью нашей рекогносцировки было обойти Малый и Большой Памиры, а также очистить отъ китайцевъ крѣпость Акъ-Ташъ, которую они построили на нашей территоріи, послѣ чего и соединиться на озерѣ Яшилъ-куль съ отрядомъ.

Чуть свѣтъ казаки стали сдѣлать лошадей и выкучить обозъ, и мы, напившись чайку и пропустивъ на дорогу «по единой», выступили въ путь. Однако этотъ переходъ не особенно-то отличался удобствомъ. Только что миновали мы могилу Гударъ, какъ по пути стали попадаться топкія болота, образовавшіяся отъ собравшейся съ окрестныхъ горъ воды. Лошадь ежеминутно увязала въ размяшей глинѣ, а тутъ еще одно обстоятельство, при этомъ весьма не-пріятнаго свойства, заставило насъ прійти въ отчаяніе. Только что моя лошадь успѣла выкарабкаться на клочекъ сухой земли, какъ начальникъ партіи обратилъ вниманіе на странный темноватый туманъ, низко державшійся надъ виднѣвшимися впереди болотами.

— Смотрите,—сказалъ онъ,—а вѣдь это какое нибудь мерзкое испареніе. Говорятъ, что въ этихъ дебряхъ скопляются удушливые газы. Однако же это на нашемъ пути?

— Все равно не минуешь, надо ѣхать,—отвѣтилъ я и съ этими словами далъ коню нагайку и рысью врѣзался въ виднѣвшійся туманъ.

Что вдругъ со мною сдѣлалось, одному Богу извѣстно.

Я бросилъ поводья и сталъ нещадно бить себя по лицу, въ

которое впилося по крайней мѣрѣ тысячи три самыхъ злѣйшихъ болотныхъ комаровъ, показавшихся намъ туманомъ.

Лошадь моя мотала головой, махала хвостомъ и вдругъ, не смотря на усталость и убійственный путь, понесла меня карьеромъ по направленію къ ущелью Шинды-Аузы. Я обернулся назадъ. Сотня скакала за мною. Казаки махали руками, и до меня долетѣла ругань, направленная по адресу проклятыхъ комаровъ. Зрѣлище было до того комическое, что я, несмотря на то, что лицо мое страшно горѣло и чесалось, отъ души хохоталъ, глядя на борьбу человѣка съ комарами и бѣгство отъ нихъ. Комары были такіе мелкіе, что забирались даже подъ одежду, и долго приходилось потомъ почесываться и помнить это ужасное мѣсто. Однако непріятель нашъ продолжалъ преслѣдовать сотню до самаго ущелья Шинды-Аузы, гдѣ на выручку явился внезапно налетѣвшій порывъ холоднаго вѣтра. Комары сразу исчезли.

— А, вотъ и аулы!—услышалъ я возгласъ одного изъ казаковъ.

Взглянувъ и къ своему удовольствію увидѣлъ нѣсколько юртъ, уютно расположившихся подъ одной изъ нависшихъ скалъ. Увидя приближающуюся сотню, киргизы выѣхали къ намъ на встрѣчу. Это были киргизы, считающіе себя китайскими подданными. Типомъ своимъ они немного отличались отъ алайскихъ кочевниковъ и скорѣе походили на китайцевъ или дунгановъ, чѣмъ на киргизъ. Одинъ изъ нихъ, очевидно старшина, на дряхлой клячкѣ подѣхалъ къ намъ и, соскочивъ съ лошади, прижавъ руки къ животу, поклонился.

Сотенный переводчикъ сейчасъ же появился на сцену, и мы стали допрашивать старшину о китайцахъ, но онъ отвѣчалъ намъ неопредѣленно, и я даже подмѣтилъ въ его отвѣтахъ, что онъ вполне симпатично относился къ китайцамъ. Надо замѣтить, что памирскіе киргизы сильно поддерживаютъ китайцевъ, любятъ ихъ и съ большою охотою подчиняются волѣ уполномоченныхъ богдыхана. Во-первыхъ, эта симпатія истекаетъ уже изъ того, что китайцы не берутъ никакихъ податей съ кочеваго населенія, не притѣсняютъ своихъ подданныхъ кочевниковъ, а только требуютъ, чтобы одинъ разъ въ годъ аульные старшины ѣздили въ крѣпость Ташъ-Курганъ, на поклонъ къ джанъ-дарину. Конечно, подобное иго вполне сносно для киргизъ, и они съ удовольствіемъ несутъ его, тогда какъ другая часть кочевниковъ страдаетъ подъ властью афганцевъ, варварски обращающихся со своими подданными ¹⁾.

¹⁾ Къ русскимъ киргизы относятся также недоброжелательно, и когда мы были на Памирахъ, то не могли узнать ничего достовернаго о китайцахъ, а послѣднимъ быть извѣстенъ каждый шагъ Памирскаго отряда. Между тѣмъ объ афганцахъ намъ доносилося киргизами все, и вообще они очень сочувствовали, когда отрядъ прогонялъ афганскія войска.

Старшина намъ сказалъ, что китайцы занимаютъ гарнизонъ въ крѣпости Акъ-Ташъ, что нѣсколько китайскихъ лянцзъ недавно были здѣсь и скоро опять пріѣдутъ. Говорилъ, что китайцы хорошіе стрѣлки, однимъ словомъ старался пугнуть насъ, надѣясь, что мы возвратимся назадъ. Вслѣдъ за тѣмъ, соблюдая восточное гостепріимство, онъ предложилъ намъ занять лучшую юрту. Конечно, мы не отказались отъ этого и вскорѣ пріятно потягивали чаекъ, лежа на мягкихъ киргизскихъ кошмахъ. Между тѣмъ, на всякій случай были выставлены пикеты въ ту сторону, откуда могли появиться китайцы. Небо мало-по-малу заволакивалось тучами, пошелъ дождь, который лилъ въпродолженіе цѣлой ночи. Холодъ былъ ужасный, и только юрты выручили насъ отъ весьма непріятнаго положенія, въ которомъ мы бы очутились, сидя подъ палатками во время такого ливня. Все было спокойно. Съ разсвѣтомъ вернулись пикеты, не привезя никакихъ свѣдѣній о китайцахъ. Мы тронулись къ Акъ-Тапу. Здѣсь значительная высота мѣстами (17.000 ф.) особенно давала себя чувствовать. Лошади изнемогали, и дыханіе ихъ становилось похожимъ на шипѣніе паровой машины. Мы ѣхали, выславъ впередъ разѣздъ. Къ полудню былъ задержанъ разѣздомъ китайскій кавалеристъ и представленъ къ начальнику партіи. Это существо вызвало всеобщій дружный смѣхъ. Не то старая баба, не то какое-то странное чучело сидѣло на тощей клячѣ съ закинутою за спиною магазинкой. Это необыкновенное существо махало руками и что-то безъ умолку говорило. Мы вызвали мѣстнаго киргиза, который переводилъ нашему переводчику то, что говорилъ китаецъ. Трудно было вести разговоры съ подобнаго рода парламентаромъ, который не давалъ возможности дослупать переводимой фразы и снова начинать свое. Онъ говорилъ, что китайцы въ крѣпости, что теперь ихъ очень немного, но что вотъ надняхъ шесть лянцзъ явятся на помощь, и тогда мы будемъ принуждены уйти отсюда. Между тѣмъ, пока длилась эта канитель, я разсматривалъ наружность китайца. Знаете, если взять для сравненія самую старую и безобразную киргизку, то можно составить нѣкоторое представленіе о памирскомъ китайцѣ. Его безбородое, похожее на печеное яблочко лицо, на которомъ гашнишъ и опіумъ положили отпечатокъ какой-то дряблости и тусклости, придаютъ ему отвратительный видъ. Полугнилые черные зубы и узкіе прорѣзы глазъ, поднятыхъ наружными уголками кверху, довершаютъ безобразіе слуги богдыхана.

— Скажи ему, что онъ можетъ ѣхать, мы скоро будемъ въ крѣпости,—сказалъ начальникъ партіи.

Переводчикъ перевелъ это китайцу, и тотъ понесся обратно, надѣлая свою клячу усиленными ударами нагайки.

Мы двинулись къ крѣпости и черезъ полчаса были подъ стѣнами ея. Никого не было видно, какъ будто бы ни одной души ни-

когда и не было на Акъ-Ташѣ. Небольшая глинобитная курганча возвышалась на одномъ изъ предгорій и равнодушно смотрѣла на насъ своими черными бойницами. Мы вѣхали въ укрѣпленіе, и слѣдующая картина представилась моему взору: пѣлая толпа такихъ же чучель, какое уже попало намъ на встрѣчу, стояла со сложеннымъ передъ собою оружіемъ. Лица ихъ, какъ будто отчеканенныя однимъ и тѣмъ же штампомъ, были необыкновенно схожи между собою, а головы, повязанныя синими платками, украшенными бѣлыми узорами, съ торчащими кончиками на затылкѣ, напоминали деревенскихъ бабъ.

— Да никакъ это бабы!—раздавалось между казаками.—Ей-Богу, «бабы», а не солдаты, тьфу, ты, гадость какая!—сердился урядникъ.

Обмундировка этихъ солдатъ состояла изъ куртки безъ рукавовъ, сдѣланной изъ плотной грубой матеріи съ кругами на груди и спинѣ, на которыхъ гласила надпись, съ какого года на службѣ состоитъ воинъ, какого рода оружія, чинъ, званіе и фамилія, а также названіе лянцзы. Длинный коричневый полукафтанъ съ боковыми разрѣзами, спускавшійся до самой земли, имѣлъ видъ сарафана. По бокамъ коленкоровые набедренники, спускавшіеся до колѣнъ, поддерживались такого же цвѣта чулками. На ногахъ ихъ пестрѣли узорами вышивки желтые сапоги, подбитые войлокомъ.

Я подошелъ къ одному изъ нихъ и взялъ лежащую передъ нимъ магазинку. Китаецъ вздрогнулъ, покосился на меня, но сейчасъ же успокоился, лишь только я положилъ обратно его собственность. Это была магазинка Винчестера и при томъ въ весьма сносномъ состояніи. Ни ржавчинъ, ни царапинъ не было видно. Однако не у всѣхъ оказалось подобное оружіе. Тутъ были и мултуки (фитильныя ружья) и даже шомпольныя ружья тульской фабрикаціи и англійскіе скорострѣльные карабины, а также двѣ или три, не помню, берданки. За то холодное оружіе было у всѣхъ одинаково и отличалось выдержанностію китайскаго стиля. Оно состояло изъ клынка (прямая пашка) длиною въ $1\frac{1}{2}$ аршина съ прямымъ обоюдоострымъ клинкомъ и костяною рукояткою съ предохранительнымъ кружкомъ, сдѣланною изъ чешуи какого-то животнаго—думаю, что—или изъ кожи змѣи или шкуры крокодила.

Ихъ начальникъ, ксуакъ, т. е. унтеръ-офицеръ, объяснилъ намъ, что онъ не хочетъ драться, или вообще вступать въ ссору съ русскими, такъ какъ не уполномоченъ на это своимъ правительствомъ, но что если мы займемъ крѣпость, то придутъ китайскіе лянцзы краснаго и синяго знамени и прогонятъ насъ. Несчастный китаецъ думалъ, что мы намѣрены задержать его гарнизонъ, и даже выразилъ крайнее удивленіе, когда ему было сказано, чтобы онъ убирался во-свояси. Лишь только переводчикъ передалъ это, какъ китайцы схватили свое оружіе, повскакали на лошадей и, захвативъ значекъ свой, понеслись, перегоняя другъ друга, и скоро исчезли въ ущельѣ. Они,

повидимому, ужасно боялись, какъ бы мы не передумали нашего великодушнаго рѣшенія и не вернули ихъ обратно.

Вообще, надо замѣтить, что пограничныя китайскія войска не отличаются боевою подготовкой и только называются солдатами, на дѣлѣ же они никуда не годятся. Они набираются преимущественно изъ китайцевъ, уроженцевъ провинцій Кашгаръ и Анси, и охотно несутъ регулярную службу за 6 ланъ въ мѣсяцъ, т.-е. на наши деньги около 12-ти рублей. Между тѣмъ иррегулярное войско и по наружному виду и по качеству представляетъ полную противоположность первому. Оно состоитъ изъ кашгарскихъ каракиргизъ и изображаетъ что-то подобное нашимъ казакамъ. Ихъ скуластыя плоскія лица, черныя чалмы, длинная пика и винтовки за плечами придаютъ имъ весьма внушительный и воинственный видъ. Они прекрасно владѣютъ пикою и мѣтко стрѣляютъ. Мнѣ пришлось однажды видѣть, какъ подобный кавалеристъ убилъ изъ винтовки бѣгущаго памирскаго зайчика. Однако, эта кавалерія очень незначительна, да и мало полезна для китайцевъ, такъ какъ, не получая никакого вознагражденія, отбываетъ свою повинность и, для существованія своего, занимается грабежемъ, нерѣдко нападая и на китайцевъ.

Лишь только уѣхалъ храбрый гарнизонъ изъ крѣпости, я пошелъ осматривать и наносить планъ ея на походный планшетъ. Это укрѣпленіе было попросту четырехугольное пространство, обнесенное глинобитною стѣною, вдоль которой съ внутренней стороны тянулась стрѣлковая ступень. По фронту фасы его имѣли 34, а въ глубину 32 шага съ 17-ю бойницами по длиннымъ и 13-ю по короткимъ фасамъ. Здѣсь было устроено также помѣщеніе для гарнизона и лошадей. Нѣсколько мѣшковъ ячменю да немного муки, которые трусливый гарнизонъ впопыхахъ оставилъ въ крѣпости, достались намъ, и наши лошади на славу поужинали китайскимъ кормомъ, а мы, переночевавъ въ ней и отправивъ донесенія, съ разсвѣтомъ выступили дальше.

Дорога наша тянулась по довольно широкой долинѣ и вела къ рѣкамъ Акъ-су и Кара-су. Я любовался на мертвенно-грозныя скалы, рѣзко выдѣлявшіяся на голубомъ небѣ. Иногда орелъ, распутивъ огромныя крылья, высоко парилъ надъ нами, высматривая себѣ добычу. Но врядъ ли могъ царь птицъ здѣсь что нибудь высмотрѣть. Скалы, камни и песокъ, отсутствіе живности, вотъ обстановка, которая окружала насъ. Миновавъ нѣсколько небольшихъ подъемовъ, мы спустились къ рѣкѣ и перешли въ бродъ Акъ-су, а затѣмъ, миновавъ небольшое ущелье, переправились и черезъ Кара-су. Послѣдняя переправа была очень неудобна. Малѣйшая неосторожность всадника или невѣрный шагъ лошади—и оба они навѣрное погибнутъ безвозвратно, такъ какъ рѣка при достаточной глубинѣ такъ быстротечна и несетъ такое множество камней, что

лошадь ежеминутно рискуетъ получить страшный ударъ въ ногу, и тогда умѣнье сдержать ее является спасителемъ всаднику—иначе же конецъ. Разъ лошадь упала, ее уже не поднимешь — быстрые воды унесутъ и ее и сѣдока.

Послѣ переправы ландшафтъ сильно измѣнился. Кое-гдѣ попадалась зеленѣющая трава. Киргизскіе аулы съ большимъ количествомъ барановъ и яковъ стали встрѣчаться все чаще и чаще. Слѣдуя болотистымъ берегомъ рѣки Кизиль-Р'абатъ, оставя аулы въ правой сторонѣ, мы стали замѣтно подниматься на перевалъ того же имени.

— Однако, господа, мы заночуемъ подъ переваломъ, — сказалъ намъ начальникъ партіи.

— Почему же это? вѣдь еще рано, и мы смѣло перевалимъ черезъ него, — замѣтилъ ему я.

— Вотъ то-то и дѣло, что не перевалимъ. Меня особенно предупреждали на счетъ этого мѣста, и даже на картѣ Іоновъ мнѣ отмѣтилъ его, какъ самое неприятное. Здѣсь царитъ такъ называемый «тутекъ», — сказалъ онъ.

— Тутекъ? Что это такое? — удивился я.

— А видите ли, — объяснилъ мнѣ капитанъ, — тутекъ значитъ удушье; происходитъ оно отъ того, что въ этомъ мѣстѣ, благодаря свойству почвы, а также безвѣтрію, скопляется угольная кислота, которая, приблизительно, на протяженіи болѣе половины человѣческаго роста, держится надъ землею. Этакіхъ мѣстъ довольно много на Памирахъ, и они являются истиннымъ бичемъ для путешественника, потому что разъ только человѣкъ или лошадь упадетъ на землю, то подняться имъ не суждено, они навѣрное задохнутся. Я васъ прошу, господа, — сказалъ онъ намъ, — особенно слѣдить за людьми, чтобы они не отдыхали и не садились на землю для различныхъ надобностей — упаси Богъ, если даже будутъ чувствовать себя совершенно больными — это здѣсь неминуемо. Ну, какъ же я могу рѣшиться, не запасшись свѣжими силами, преодолѣть такую преграду?

Конечно, мы вполне согласились съ мнѣніемъ начальника и охотно переночевали подъ переваломъ.

При подъемѣ было очень холодно. Сырой вѣтеръ пронизывалъ меня до костей, проникая даже сквозь теплый бешметъ. Крупные осколки скаль загромождали и безъ того узкую тропу, такъ что все время приходилось лавировать между ними, а также поминутно пересѣкать текущіе съ перевала ручьи. Нѣсколько небольшихъ озеръ, лежащихъ по склону горы одно выше другого и соединенныхъ шумящими протоками, попалось намъ по пути, но они были совершенно мертвы. Ни птицы на ихъ водахъ, ни рыбы не было замѣтно въ нихъ, и только пустынная масса воды мрачно смотрѣла среди сѣрой, непріятной обстановки. Вотъ около этихъ-то озеръ

мы и почувствовали тутекъ. Я не знаю, что въ это время чувствовали другіе, но я постараюсь передать вамъ то ощущеніе, которое переносилъ я, и то, что видѣлъ я, наблюдая сотню и товарищей. При подъемѣ ко второму озеру меня начало душить. Воротъ казался узкимъ, и я разстегнулъ его, но это не помогало. Въ ушахъ стоялъ шумъ, а въ вискахъ стучала кровь. Удары сердца становились очень неровные. То вдругъ казалось мнѣ, что оно переставало биться, дыханье захватывало, и я въ испугѣ невольно хватался за грудь и щупалъ пульсъ на рукѣ—мнѣ казалось, что я умираю. Бѣненіе пульса было еле-еле слышно. Это явленіе очень скоро проходило. Нѣсколько разъ кровь лила изъ носа, а какъ я замѣтилъ, то у многихъ слюна была сильно окрашена кровью. Лошади сильно сопѣли и поднимали кверху свои морды. Я чувствовалъ полное ослабленіе. Рука моя устала держать поводъ и свалилась на луку, пашка оттягивала плечо, голова склонялась, и вдругъ на меня напала полная сонливость. Мнѣ хотѣлось спрыгнуть съ лошади и свалиться на камни и заснуть. О, сколько бы я далъ тогда за осуществленіе моей заветной мечты. Каждый камень, бросавшій тѣнь на песокъ, манилъ меня подъ свою сѣнь. Лошадь моя стала спотыкаться, такъ что пришлось слѣзть и идти пѣшкомъ. Казаки все уже спѣшились. Двѣ выючныя лошади издохли, а все остальные страдали острымъ катарромъ кишокъ.

— Кто тамъ слѣзъ?—услышалъ я голосъ капитана.

— Моченьки нѣтъ, ваше высокоблагородіе,—животъ подвело.

— Встать!—крикнулъ капитанъ,—экій ипакъ этакій! Умирать тебѣ захотѣлось что ли? Вотъ спустимся съ перевала, и все пройдетъ.

Казакъ неохотно поднялся и, сгибая колѣна, поплелся далѣе. Часа полтора спустя, издохло еще три казачьи лошади. Тяжело было видѣть, какъ боролось бѣдное животное со смертью, какъ задыхалось оно, лежа на землѣ, не въ силахъ подняться на ноги, какъ молилъ его кроткій взглядъ о помощи.

Положеніе мое становилось критическимъ. Животъ болѣлъ нестерпимо—хотѣлось кричать, и памирская болѣзнь разразилась со всей своей силой.

Мнѣ напоминаетъ это положеніе морскую болѣзнь съ тою разницею, что нѣкоторые выносятъ ее, здѣсь же каждого постигаетъ совершенно одинаковая участь—каждый долженъ отдать дань Памиру—и мы ее отдали.

Спустившись съ перевала и потерявъ нѣсколькихъ лошадей, мы остановились на берегу рѣки Кара-су южнѣ кладбища Джарты-Гумбезъ и навѣстили могилу ефрейтора Лохматкина, умершаго отъ тутека во время первой рекогносцировки генерала Іонова въ 1891 г. Печально смотрѣлъ на насъ одинокій крестъ, сколоченный изъ палокъ походной носилки, на которой и умеръ первый русскій солдатикъ на Памирѣ.

Съ какимъ удовольствіемъ, несмотря на холодъ и на вѣтеръ, выкупался я въ рѣкѣ, тѣмъ болѣе, что лишь только спустились мы въ долину Малаго Памира, какъ силы наши возобновились, и болѣзненное состояніе исчезло. Мы даже были въ весьма хорошемъ настроеніи духа и подшучивали другъ надъ другомъ.

Далѣе намъ предстоялъ путь къ Большому Памиру по отвратительной дорогѣ, ведущей къ озеру Викторіи (Зортъ-куль). Вѣтеръ продолжалъ дуть въ лицо. Нѣсколько озеръ попало намъ по пути, и цѣлыя стаи гусей и утокъ держались на водахъ ихъ, такъ что выстрѣломъ изъ винтовки мнѣ удалось убить сразу двухъ. Наконецъ, мы спустились по очень неудобному и каменистому откосу и вышли на котловину, окаймленную со всѣхъ сторонъ кольцомъ снѣговыхъ горъ. Котловина эта тянулась съ востока къ западу, имѣя продолговатую форму. Густыя бѣлыя облака затянули небо, какъ бы сплошною пеленою, и только иногда солнце, прорываясь черезъ ихъ сѣроватую массу, освѣщало сѣдыя, закутанныя въ облака, мрачныя вершины, которыя, какъ бы любясь своимъ величіемъ, отражались въ зеркальных водахъ громаднаго Зортъ-куля, напоминавшаго кусокъ зеркала, положеннаго среди этой котловины. Несмотря на іюль мѣсяцъ, здѣсь было очень холодно, и только успѣли мы поставить палатки, какъ повалилъ снѣгъ, закрутилась метель, и іюльская зима нисколько не уступала сѣвернымъ февральскимъ. Въ какойнибудь часъ все уже было бѣло, и толстый слой снѣга покрылъ всю котловину, а окрестныя горы были почти незамѣтны подъ закутавшей ихъ бѣлой пеленою. Не скажу, чтобы было пріятно ночевать въ палаткѣ, тѣмъ болѣе, что раздобыть огня и топлива для согрѣванія воды не было никакой возможности, и оставалось одно средство—это закутаться въ теплый тулупъ и, заваливъ себя кошмами, постараться, если позволить холодъ, уснуть, что я и сдѣлалъ. На сей разъ холодъ оказался снисходительнѣе и неособенно беспокоилъ меня и только иногда пробѣгалъ вдоль спины. Я спалъ крѣпко, а между тѣмъ снѣгъ все сыпалъ и сыпалъ, и слой его, все прибывая и прибывая, заваливалъ мое незабѣдливое жилище, и наконецъ я съ палаткой совершенно скрылся подъ нимъ.

Пройдя рѣкою Памиръ, мы преодолѣли значительный перевалъ Каинды и стали подниматься на Хоргушъ. Чудная картина, представляющая собою рѣзкій контрастъ Памирской природѣ, открылась передъ нашими глазами на перевалѣ. Онъ весь былъ покрытъ зеленымъ ковромъ сочной травы, на которомъ пестрѣло всевозможными колерами множество полевыхъ цвѣтовъ. Но только мы спустились къ озеру Чукуръ-кулю, какъ опять сѣрая пустыня сурово открылась передъ нами. Здѣсь насъ встрѣтили киргизы и сообщили, что на Аличурѣ стоятъ афганцы. Принявъ всѣ мѣры предосторожности, въ полной готовности на отпоръ въ случаѣ внезапнаго на-

паденія, мы двигались къ Яшиль-кулю. Я ужасно желалъ скорѣе встрѣтиться съ афганцами, мнѣ хотѣлось сильныхъ ощущеній; но не суждено мнѣ было испытать ихъ; они выпали на вашу долю, счастливыцы. Какая страшная досада охватила меня, что не днемъ раньше мы пришли на Яшиль-куль. А все тутекъ проклятый, не будь его, не дневали бы, и мои мечты осуществились бы. Ну, да еще впереди много предстоитъ. Поживемъ—увидимъ.

Эсауль всталъ.

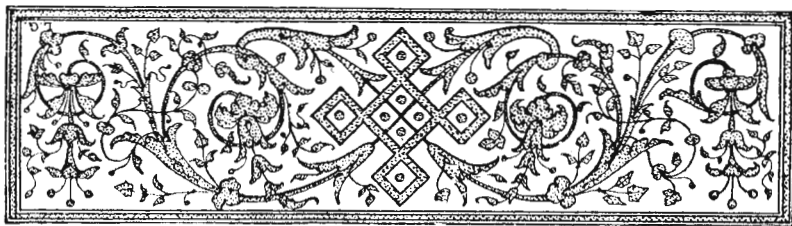
Мы поблагодарили его за любопытное сообщеніе, пожали другъ другу руки и разошлись по палаткамъ.

Б. Л. Тагъевъ.

(Окончаніе съ слѣдующей книжкѣ).

ПАМИРСКІЙ ПОХОДЪ ¹⁾.

(Воспоминанія очевидца).

ХІІ.

П ОГЬ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день!

— Что такое?

— Слышали, господа?—сказалъ, войдя въ нашу палатку, батальонный адъютантъ.

— Ничего не слышали, да говорите скорѣе. Походъ? двигаемся дальше?—спросили мы въ одинъ голосъ.

— Да, какъ раки, назадъ идемъ на Мургабъ.

— Да быть этого не можетъ. Что за чушь, —

сказалъ Барановъ.

И тоже не вѣрилъ.

— Ишь Оома невѣрный. Читайте,—сказалъ адъютантъ, подавая книгу приказовъ моему сожителю,—а кстати прослезитесь и распишите,—прибавилъ онъ.

Дѣйствительно, въ приказѣ было сказано, что согласно распоряженію военнаго министра—далѣе не двигаться, а возвращаться на Мургабъ для постройки тамъ укрѣпленія для зимовки.

— Вотъ тебѣ и Шугнанъ! — сказалъ Барановъ, — и чего это Ионовъ сидѣлъ. И безъ провіанта бы дошли. Положимъ, ужъ лучше

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ LXXIII, стр. 859.

идти назадъ, чѣмъ безъ цѣли сидѣть на Яшиль-кулѣ, — ворчалъ мой сожитель.

Я былъ съ нимъ вполне согласенъ, и мнѣ ужасно надоѣло это торчаніе здѣсь. Но теперь—вопросъ, идемъ ли мы все обратно въ Маргеланъ, или зазимуемъ на Памирѣ? Все ходили недовольные, грустные, а тутъ еще слухи о холерѣ заставляли семейныхъ безпокоиться о судьбѣ своихъ семействъ. Каждая почта привозила извѣстія о смертности, начавшей проявляться и среди русскаго населенія. Уныніе было всеобщее.

— Когда же выступаемъ?—спрашивали мы другъ друга, но никто ничего не зная.

Настало 22 іюля, день тезоименитства государыни императрицы; былъ назначенъ парадъ. Наканунѣ съ утра все чистилось, и все, по возможности, приводили себя въ парадный видъ, хотя это было довольно мудрено, потому что у большинства вмѣсто одежды висѣли какія-то отрепья, а сквозь сапоги торчали портянки — видъ былъ довольно жалкій. Но свойство русскаго солдата таково, что если приказано быть въ парадной одеждѣ, то, стало быть, это такъ и надо — хоть выдумай, а будь въ цѣлой рубахѣ, чембарахъ и чехлѣ. И дѣйствительно, все были если не прекрасно, то сносно одѣты, и отрядъ имѣлъ достаточно парадный видъ. Въ день парада съ праздничными лицами выстроился баталіонъ развернутымъ фронтомъ, а артиллерія приготовилась для производства салютаціонной стрѣльбы.

Вотъ идетъ начальникъ отряда. На немъ бѣлый китель съ шарфомъ. Офицерскій георгіевскій крестъ красуется въ петлицѣ; штабные чины слѣдуютъ за нимъ. — «Смирно!» — раздается команда. — «На плечо!» — «Слушай, накраулъ!» Музыка играетъ встрѣчу.

— Здорово, братцы! — слышится голосъ начальника.

— Здравія желаемъ, ваше высокородіе! — гудятъ въ отвѣтъ сотни здоровыхъ грудей.

Полковникъ беретъ чарку съ водкой и, поднявъ ее къ верху, говоритъ:

— Ребята! вотъ намъ на «крышѣ міра» приходится отпраздновать торжественный день тезоименитства нашей матушки-царицы. Пусть наши молитвы о ней и громкое искреннее «ура» принесутъ ей величеству счастье и долгоденствіе. За здоровье матушки-царицы «ура»!

И при грохотѣ орудій долго разливалось по ущельямъ эхо дружнаго, громкаго, русскаго «ура». Затѣмъ, послѣ тостовъ и церемоніала, нижніе чины пили водку, а у начальника отряда былъ обѣдъ для офицеровъ.

Иду я на другой день мимо юртъ, въ которыхъ помѣщались плѣнные, какъ вдругъ меня окликнулъ кто-то изъ юрты: «тюра, бери кель» (господинъ, пойди сюда).

Я подошелъ. Смотрю: на кошмѣ въ кибиткѣ сидятъ афганцы,

а между ними и захваченный ихъ офицеръ, который говорилъ по-узбекски.

— А! саломатъ, тюра, калой-сызъ? ¹⁾—спросилъ онъ.

— Спасибо.—И я пожалъ протянутую руку.

Я любилъ этого афганца; что-то неотразимо-симпатичное было въ выраженіи его лица. Часто я заходилъ поговорить съ нимъ и на сартовскомъ языкѣ бесѣдовалъ по нѣскольку часовъ. Теперь лицо его выражало необыкновенную тоску.

— Правда, что насъ разстрѣляютъ?—спросилъ онъ.

— Что?—вытаращилъ я на него глаза.—Откуда ты это взялъ?

— Да вотъ керекешіи говорятъ, что будто приказъ пришелъ такой.

— Нѣтъ, нѣтъ, будь спокоенъ,—сказалъ я ему:—это все вранье. Васъ навѣрное надняхъ отпустятъ.

— Эхъ, не вѣрится мнѣ что-то—видно, не увижу я Файзабада. А знаешь, тюра, у меня въ Файзабадѣ жена и сынъ остались; жалко ихъ, безъ меня они пропадутъ. А жена-то красавица какая! Вотъ, и у Гулдабака невѣста осталась, тоже поди ждетъ,—сказалъ онъ, указывая на молодого афганца, уцѣлѣвшаго послѣ стычки.

Афганецъ не понималъ, о чемъ говорить, но видя, что рѣчь коснулася его, улыбнулся, оскаливъ свои чудные зубы.

— А жалко, тюра, что лошадей нашихъ продали. Я слезами обливался, когда вчера аукціонъ былъ. Вѣдь мой-то конь выросъ со мною, это питомецъ мой... эхъ...—афганецъ тяжело вздохнулъ.

Я понималъ его, и мнѣ было стыдно за это распоряженіе. Дѣйствительно, къ чему было продавать афганскихъ лошадей? «*Vae victis!*» ²⁾ вспомнилось мнѣ.

Афганецъ сидѣлъ, низко опустивъ свою красивую голову, и видимо о чемъ-то думалъ. Вдругъ вскинулъ на меня своими глазами и совершенно неожиданно спросилъ меня:

— Хочешь, тюра, я расскажу тебѣ про себя?

— Очень буду радъ, пожалуйста.

Я видѣлъ, что плѣнному хотѣлось подѣлиться съ кѣмъ нибудь своимъ горемъ и радостью, онъ хотѣлъ видимо въ разсказѣ утопить то ужасное чувство неизвѣстности, которое переживалъ. Когда онъ увидѣлъ во мнѣ человѣка, расположеннаго къ нему, у него явилось желаніе познакомить меня поближе съ собою и, кромѣ того, хотѣлось отблагодарить за вниманіе къ себѣ. Онъ очевидно подмѣтилъ, съ какимъ любопытствомъ я отношусь къ его разсказамъ и даже многое записываю, вотъ онъ и рѣшилъ доставить мнѣ удовольствіе.

— Знаешь, тюра, я не афганецъ, — началъ онъ, — я узбекъ, сартъ по рожденію. Родился я въ Кокандѣ, въ то время, когда ханствомъ управлялъ Худояръ-ханъ. Отецъ мой былъ серкеромъ

¹⁾ Здравствуй, какъ здоровье?

²⁾ Горе побѣжденнымъ.

(сборщикомъ податей) и состоялъ на ханской службѣ. Мать моя, какъ я помню, была женщина красивая и молодая. Знаю, что про нее рассказывали, что такой красавицы еще не бывало въ Кокандѣ. Жили мы не бѣдно, и каждый день толпа родственниковъ приходила къ намъ ѣсть пелау (пловъ). Былъ у моего отца братъ — ученый мулла, который училъ молодыхъ людей въ медресе (университетъ). Часто онъ приходилъ къ намъ и всегда сидѣлъ до глубокой ночи. Отецъ его очень любилъ и когда уѣзжалъ надолго, то поручалъ напѣ домъ его надзору. Мать моя тоже ласково относилась къ нему. Однажды отца не было дома, время было осеннее, дождь цѣлый день лилъ, какъ изъ ведра, такъ что я не выходилъ на улицу. Дядя мой сидѣлъ пасмурный, какъ и погода, онъ даже съ матерью почти не разговаривалъ. Такъ прошелъ день, и я, помолившись Аллаху, легъ въ углу сакли, закутавшись въ одѣяло. Было уже поздно, когда меня разбудилъ тихій разговоръ. Я насторожилъ свое ухо и различилъ голосъ дяди, говорившаго, очевидно, моей матери. Я не понималъ тогда, что онъ говорилъ ей, и только помню, что мать какимъ-то печальнымъ голосомъ говорила: «Нѣтъ, нѣтъ, нельзя, Аллахъ не велитъ, нельзя!»

Вдругъ что-то случилось странное. Мать взвизгнула и бросилась въ сторону, а въ темнотѣ раздалось какое-то рычаніе...

Я быстро вскочилъ на ноги и бросился туда, откуда мнѣ послышался крикъ.

Въ это мнovenіе сильная рука дяди схватила меня за воротъ рубашки, и я полетѣлъ въ противоположный уголъ сакли.

— Спи, ахмакъ (дуракъ),—раздалось мнѣ вслѣдъ, и я, перепуганный, легъ на свое ложе и закутался одѣяломъ.

Дядя зажегъ чиракъ (свѣтильникъ), и я увидѣлъ, что лицо его было искажено злобой. Мать моя сидѣла на полу и плакала. Я хотѣлъ броситься къ ней на шею, цѣловать ее, плакать вмѣстѣ съ нею, но я не смѣлъ; я боялся дяди и зналъ, что если я только двинусь съ мѣста, то онъ избьетъ меня. Я лежалъ молча и думалъ, о чемъ можетъ плакать моя мать. Дядя хотя и злой человѣкъ, соображалъ я, но онъ любитъ мою мать, я самъ сколько разъ слышалъ, когда онъ ей говорилъ объ этомъ, и, размышляя на эту тему, я крѣпко уснулъ. Когда я проснулся, мать моя еще спала—дяди не было. Къ полудню вернулся отецъ и привезъ для матери шелковую рубашку, а мнѣ надѣлъ шитую золотомъ тибетейку; я очень обрадовался, а мать моя, потомъ, когда отецъ ушелъ въ мечеть, начала плакать. Вдругъ она подошла ко мнѣ и, схвативъ меня на руки, прижала къ своей груди и зарыдала. Я тоже началъ плакать. Затѣмъ она порывисто оставила меня и ушла въ сосѣднюю саклю. Нѣсколько минутъ я стоялъ на мѣстѣ, но вдругъ что-то какъ будто потащило меня за матерью, и я побѣжалъ туда, куда ушла она. Въ саклѣ было мрачно, и я сначала никого не замѣ-

тиль; только какой-то тихій храпъ раздавался въ потемкахъ. Я окликнулъ мать—отвѣта не было. Тогда я распахнулъ ставни. Моя мать лежала въ углу сакли, лужа крови была около нея, зубы были сильно оскалены, на шеѣ зіялъ сильный разрѣзъ, а рука конвульсивно сжимала ножъ. И тогда не понялъ, что она зарѣзала себя, но я понялъ, что совершилось что-то ужасное, и въ страхѣ бросился назадъ въ саклю и, забившись въ уголъ, просидѣлъ до вечера. Я видѣлъ, что прибѣжалъ отецъ, сталъ что-то кричать; я слыпалъ, какъ дядя мой кричалъ на отца, что онъ убилъ жену. Но я тогда своимъ дѣтскимъ умомъ понялъ, что не отецъ причина смерти матери, и обвинялъ дядю, какъ убійцу ея. Теперь я понимаю все, но тогда это темное дѣло было для меня чернѣе ночи. Видѣлъ я, какъ связали моего отца и увели. Дядя остался хозяйничать въ домѣ. Никто на меня не обращалъ вниманія—матери я больше не видѣлъ. Черезъ два дня у насъ въ городѣ только и было рѣчи, какъ будутъ казнить моего отца за то, что онъ зарѣзалъ свою жену, и толпа народа пошла на базарную площадь.

— Ну, пойдемъ вмѣстѣ, — сказалъ мнѣ дядя: — увидишь, какъ твоего отца зарѣжутъ за то, что онъ убилъ твою мать. Вотъ и тебя также казнятъ, если ты такой же будешь, — сказалъ онъ.

Мнѣ было ужасно страшно, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень хотѣлось посмотреть, какъ это зарѣжутъ отца. Я видѣлъ, какъ барановъ рѣжутъ, и мнѣ тогда только было непонятно, куда же это дѣнется отецъ, когда его зарѣжутъ. Я спросилъ объ этомъ дядю, но онъ меня выругалъ дуракомъ и ударилъ по затылку.

На площади было много народа. Посреди возвышалось лобное мѣсто. Преступниковъ было 30 человѣкъ; были между ними молодые и старые; между послѣдними я узналъ и отца. Онъ, понуря голову, стоялъ, сложивъ на животѣ связанные руки. Пришелъ мулла и прочиталъ молитву, и вотъ одного за другимъ стали брать какіе-то люди, что-то дѣлали съ ними и потомъ бросали ихъ на землю. Вотъ и отецъ мой подходитъ къ джигиту въ красномъ халатѣ. Взглянулъ я, и мнѣ показалось, что отецъ глядитъ на меня своимъ добрымъ взглядомъ—мнѣ вдругъ почему-то стало его жалко, а вмѣстѣ съ тѣмъ ужасно хотѣлось увидѣть, какъ это его зарѣжутъ. Палачъ взялъ его за бороду, и больше я ничего не видѣлъ—его бросили, гдѣ лежали и остальные казненные. Не знаю почему, мнѣ вдругъ сдѣлалось такъ страшно, что я затрясся, какъ въ лихорадкѣ, и, рыдая, побѣжалъ по улицѣ. Опомнися я у городскихъ воротъ, подумалъ мгновеніе, какая-то неестественная сила управляла мною—я вдругъ рѣшилъ не идти обратно и направился впередъ по Маргеланской дорогѣ. Солнце уже совершенно зашло за Алайскія горы, когда я пристѣлъ у дувана ¹⁾ киплака. Я сильно утомился, голодъ

¹⁾ Дуванъ—заборъ.

мучилъ меня, но усталость взяла перевѣсъ, и я крѣпко уснулъ. Проснулся я рано утромъ—кто-то толкалъ меня въ бокъ.

— Чего ты тутъ лежишь!—спрашивалъ меня старикъ съ длинной бѣлой бородою.—Откуда ты?

Я сказалъ.

— А отецъ твой гдѣ?

— Отца зарѣзали.

— А мать?

— И мать зарѣзали.

— Ахъ, ты несчастный,—сказалъ старикъ,—ну, пойдемъ со мной.

Я послѣдовалъ за нимъ въ саклю. Какіе-то люди съ черными бородами, какія бываютъ только у таджиковъ, сидѣли вокругъ подноса, на которомъ лежали лепешки. Мнѣ дали чашку чаю и нанъ ¹⁾). Я съ удовольствіемъ утолилъ свой голодъ. Люди, бывшіе въ саклѣ, говорили потаджицки, и я ничего не понималъ, но замѣчалъ, что рѣчь идетъ обо мнѣ. Одинъ изъ нихъ далъ старику денегъ и, взявъ меня за руку, повелъ изъ сакли.

— Садись,—сказалъ онъ мнѣ, указавъ на ишака, жевавшаго клеверъ.

Я сѣлъ, а сзади меня усѣлся и таджикъ—мы отправились. Ъхали мы долго по такимъ большимъ горамъ, что мнѣ часто дѣлалось страшно, и я боялся, что сорвусь и упаду въ пропасть. Таджикъ меня не билъ, не ругалъ, поилъ чаемъ и кормилъ—однимъ словомъ обходился хорошо. Такимъ образомъ мы и пріѣхали въ Файзабадъ. Вотъ тутъ-то и началась моя новая жизнь.

Меня продали одному афганцу, Мусса-Мамату, который взялъ меня вмѣсто сына и, когда мнѣ исполнилось 11 лѣтъ, отдалъ меня въ школу. Учился я хорошо, выучился писать и читать, и вотъ меня мой новый отецъ повезъ въ Кабулъ, гдѣ и опредѣлилъ въ военное училище. Трудно было мнѣ учиться въ этой школѣ. Тамъ воспитывались дѣти именитыхъ афганцевъ, и мнѣ приходилось переносить побои и насмѣшки, но я сносилъ все терпѣливо и пробылъ пять лѣтъ въ Кабулѣ. Мнѣ стукнуло 16 лѣтъ, и я уже былъ выпущенъ солдатомъ въ афганскую гвардію, куда попалъ, благодаря своему росту и наружности.

Маджиръ, командиръ полка, полюбилъ меня, и черезъ годъ я былъ сформированъ, т.е. унтеръ-офицеромъ. Я часто ходилъ въ гости къ своему начальнику, и мы жили душа въ душу. Но вотъ и мое сердце забило тревогу. У Маджира была дочь—красавица писаная. Полюбилъ я ее всею силой молодой любви, и не ускользали отъ меня и ея долгіе взгляды, когда, бывало, я сиживалъ вечерами у отца ея. Взялъ я да и признался Маджиру въ моихъ чувствахъ къ его дочери. Обрадовался даже старикъ, спросилъ свою Ляйлю,

¹⁾ Нанъ—хлѣбъ.

хочетъ ли она за меня замужъ идти, а она только этого и ждала. Ну, и сыграли свадьбу. Эхъ, какъ счастливъ-то я былъ! Черезъ годъ у меня и сынъ родился—обрадовался я, что не дочь, у насъ, у афганцевъ, считается позоромъ, если первенецъ дѣвочка родится. А тутъ еще эмиръ мнѣ и офицерскій чинъ пожаловалъ; только ты, тюра, не говори, пожалуйста, никому, что я офицеръ. Прошло два года, а тутъ вдругъ возстаніе вспыхнуло. Разстался я съ женой и цѣлый годъ воевалъ въ Шугнанѣ и Ропанѣ, да Аллахъ милостивъ, остался невредимъ—въ какихъ перестрѣлкахъ-то бывалъ, и хоть бы одна пуля задѣла, а вотъ теперь попался въ западню, точно волкъ какой. Ужъ умирать такъ въ бою, а теперь разстрѣляютъ, какъ собаку. Какъ подумаю, такъ просто руки на себя наложить готовъ, а тутъ еще сердце ноетъ, что съ женой да съ сыномъ станется...

У афганца сверкнули слезы, но онъ быстро оправился.

— Ну, кулдукъ, тюра, вижу, что меня любишь, и я тебя люблю. Узнай, пожалуйста, когда съ нами покончатъ.

— Ничего съ вами не сдѣлаютъ, отпустятъ васъ домой къ себѣ съ Богомъ, вотъ и все,—сказалъ я.

Афганецъ грустно улыбнулся и ничего не возразилъ, и въ его взглядѣ я прочелъ увѣренность въ своемъ предположеніи и полное недовѣріе къ моимъ словамъ.

— Ну «хонъ» ¹⁾, — сказалъ я, пожавъ ему руку, и отправился къ себѣ въ палатку.

XIII.

Настало 25-е іюля—день выступленія, и полковникъ Іоновъ сдѣлалъ распоряженіе, за часъ до отправленія авангарда, освободить плѣнныхъ и снарядить ихъ, какъ слѣдуетъ. Узнавъ объ этомъ, я забѣжалъ въ афганскую юрту.

— А саломатъ, тюра! — привѣтствовалъ меня афганецъ.

— Собирайся, сейчасъ домой васъ отпустятъ.

— Не можетъ быть.

— Я тебѣ говорю.

Афганецъ перевелъ сотоварищамъ принесенную мною вѣсть.

— Кулдукъ ²⁾, — сказалъ онъ, — но въ его тонѣ все-таки слышалось недовѣріе.

— Говорилъ я тебѣ, что отпустятъ васъ — такъ и вышло.

Въ это время въ юрту вошелъ дежурный по отряду съ переводчикомъ.

— Скажи имъ, что они свободны, — сказалъ онъ. — Имъ дадутъ лошадей, провіанту, и они могутъ себѣ ѣхать на родину.

¹⁾ Хонъ — прощай.

²⁾ Спасибо.

Какъ просіяли лица у несчастныхъ плѣнниковъ, когда переводчикъ сообщилъ имъ о давно ожидаемой свободѣ.

Они повскакали со своихъ мѣстъ и стали одѣваться. Черезъ полчаса афганцы сидѣли на лошадяхъ.

— Ну, прощай, тюра,—сказалъ мнѣ мой пріятель,—да пошлетъ Аллахъ на твою голову счастья и здоровья,—и онъ пожалъ мнѣ руку.

Какъ доволенъ былъ онъ, какое праздничное выраженіе было на его лицѣ. Онъ красиво сидѣлъ въ сѣдлѣ и ожидалъ, когда разрѣшится ему двинуться въ путь.

— Въ ружье! — раздалась команда.

Всѣ бросились къ своимъ мѣстамъ, и роты, колыхаясь, начали равняться. Небольшая вереница плѣнныхъ потянулась мимо насъ. Они улыбались и, кивая головой офицерамъ, говорили: «хошъ, тюра», «хошъ, тюра», то-есть, прощайте, господа. Около камня Чатыръ-Ташъ отрядъ опять раздѣлился на двѣ части: пѣхота и артиллерія двинулись прямо къ Мургабу, а сотня, уже ходившая на Акъ-Ташъ, была назначена въ новую рекогносцировку, для объѣзда самыхъ отдаленныхъ частей Памира, которыя по донесеніямъ киргизъ были заняты китайцами.

— Ну, съ Богомъ, отправляйтесь, капитанъ,—напутствовалъ полковникъ Іоновъ капитана С., начальника рекогносцировки.

— Сотня, справа по три, шагомъ маршъ! — раздалась команда.

Мы направились вверхъ по рѣкѣ Аличүрү и, оставивъ его въ лѣвой сторонѣ, потянулись то лѣвымъ, то правымъ берегомъ рѣки Гурумды. Чудную картину представляли собою горы, окаймляющія долину. Онѣ отвѣсными стѣнами возвышались надъ рѣкою и неровными зубчатыми вершинами, напоминающими сказочные замки, рѣзко выдѣлялись на чистомъ и особенно яркомъ здѣсь небѣ. Мы поднимались къ перевалу Тетеръ-Су и, войдя въ ущелье, остановились на ночлегъ.

— А вотъ завтра опять тутекъ испробуемъ,—сказалъ эсаулъ В.

— Да развѣ и на этомъ перевалѣ онъ есть? — спросилъ я.

— Не на самомъ перевалѣ, а по ту сторону его, это все-таки не такъ несносно: тысячи на четыре футовъ ниже.

Я съ трепетомъ ожидалъ ужасовъ тутека и вспоминалъ рассказы о немъ эсаула. Подъемъ на перевалъ былъ почти незамѣтенъ; путь, пролегающій по каменистому грунту, оказался превосходнымъ, и если бы не снѣгъ съ вѣтромъ, то все было бы прекрасно.

При спускѣ съ перевала я сталъ ощущать слабость, явились симптомы удушья, но не въ сильной степени; только голова очень разболѣлась. Какъ говорили казаки, здѣсь тутекъ былъ несравненно слабѣе, чѣмъ на Маломъ Памирѣ. По другую сторону перевала погода рѣзко измѣнилась; необычайный зной являлся на смѣну снѣга и вѣтра, такъ что мы сняли все верхнее платье и остались въ рубашкахъ. Такимъ образомъ, благополучно миновавъ тутекъ, мы

вступили въ долину рѣки Кормчи и раскинули палатки подъ переваломъ Бендерскаго. Мѣстность эта представляла собою узкую ложину, окруженную заоблачными хребтами. Жалкая полусгорѣвшая трава небольшими островками проглядывала на берегу рѣки, и природа Памира была здѣсь не менѣе мертва, какъ и въ другихъ частяхъ его.

— Ваше высокоблагородіе,—окликнулъ эсаула казакъ.

— Чего тебѣ?

— Траву нашли.

— Гдѣ?

— Да вонъ въ этомъ ущельѣ,—указалъ казакъ на чернѣющуюся передъ нами щель.—Всего версты три будетъ,—просто выше пояса трава.

Мы приказали подать лошадей и отправились. Дѣйствительно, только успѣли палатки наши скрыться за скалами ущелья, какъ мы были поражены метаморфозой ландшафта. Высокая, достигающая колѣнъ трава, великолѣпные ручьи съ чистою зеркальною водою, мелкій кустарникъ—все служило поводомъ къ предположенію заключенія, что въ такомъ оазисѣ суровой «крыши міра» должна обитать какая нибудь тварь. И дѣйствительно, не успѣли мы проѣхать и двухъ верстъ, какъ казакъ подѣхалъ ко мнѣ и, указавъ на небольшой откосъ, сказалъ полупшепотомъ: «гляньте, ваше благородіе, — архары».

Шагахъ въ пятистахъ отъ насъ паслось цѣлое стадо горныхъ барановъ—это были самки. Самцы никогда не ходятъ стадами, а самое большее потрое, чаще же они бродятъ въ одиночку. Мы спѣшились, взяли у казаковъ винтовки и стали подкрадываться къ стаду. Архары долго не замѣчали насъ, такъ что намъ удалось подкрасться къ нимъ шаговъ на сто. Сердце мое сильно билось. «Вотъ и по архарамъ пострѣляю»,—думалъ я.

— Ну, довольно, стрѣляйте,—шепнулъ мнѣ эсаулъ.

Два выстрѣла грянули разомъ и, подхваченные эхомъ, понеслись по ущельямъ. Архары вздрогнули и, какъ горохъ, разсыпались по скату. Результатъ былъ удаченъ: двѣ жертвы валялись на травѣ. Приказавъ казакамъ взять обѣ туши, мы, въ надеждѣ убить еще хоть одного архара, побрели по откосу и направились къ зеленѣвшему кустарнику.

— Что это? собака?—удивленно спросилъ я, указывая на необыкновеннаго звѣря, остановившагося въ недоумѣніи противъ насъ.

— Какого чорта собака, это здѣшній медвѣдь,—сказалъ эсаулъ и прицѣлился.

Медвѣдь оставался неподвижнымъ. Онъ очевидно первый разъ видѣлъ людей и относился къ намъ очень довѣрчиво, давая возможность хорошенько себя разглядѣть. Это былъ маленькій, вели-

чиною съ волкодава, медвѣдь, скорѣе похожій на собаку, чѣмъ на медвѣдя. Его грязно-сѣро-бурая шкура была въ какихъ-то плѣшинахъ; повидимому, онъ былъ очень старъ.

— А ну его къ чорту,—сказалъ эсаулъ и опустилъ ружье:—куда намъ съ нимъ возиться—не увеземъ.

Медвѣдь невозмутимо стоялъ въ той же удивленной позѣ и, только когда мы повернули въ сторону, вдругъ побѣжалъ обратно. Однако, болѣе намъ ничего не удалось встрѣтить; мы къ вечеру вернулись въ лагерь и закусили вкусной архариной.

На перевалѣ Бендерскаго опять «тутекъ»—что за наказаніе. Но вотъ мы оставили за собой Малый Памиръ и вышли на большую широкую равнину, съ лѣвой стороны которой тянется гряда закутаннхъ въ облака снѣговыхъ горъ Гинду-куша. Эта долина мѣстами покрыта высокою травою, а мѣстами пересѣчена болотами.

— А вотъ и Базай-и-Гумбезъ,—сказалъ начальникъ развѣзда, указывая на одинъ надгробный памятникъ, возвышавшійся среди нѣсколькихъ могилокъ.

Я приблизился къ нему и сталъ осматривать эту замѣчательную могилу, имѣющую историческое значеніе, а также служащую самымъ южнымъ пунктомъ нашихъ Памирскихъ владѣній. Это было небольшое четырехугольное строеніе, поставленное на невысокомъ фундаментѣ и увѣнчанное куполообразною крышею. Маленькая дверь на востокъ и небольшое окно довершали архитектуру этого строения. Я вошелъ въ зданіе. На меня пахнуло чѣмъ-то затхлымъ, непріятная темнота царила въ склепѣ, и только тощій лучъ свѣта врывался въ маленькое окно. Ничего особеннаго не представляло собою это строеніе.

— Кому принадлежитъ эта могила?—спросилъ я капитана С., знакомаго хорошо съ исторіею Памира.

— Какъ кому? Базаю-датхѣ.

— Знаю, но кто собственно былъ этотъ самый Базай?—спросилъ я.

— Базай-и-датха былъ однимъ изъ тѣхъ уполномоченныхъ губернаторовъ, которые высылались кокандскими ханами для управленія Памиромъ. На этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ вы теперь видите могилу, стояло небольшое укрѣпленіе, да вотъ и слѣды отъ него, смотрите,—указалъ онъ на развалившіяся глинобитныя стѣны.—Вотъ въ этомъ укрѣпленіи и жилъ Базай-датха со своимъ гарнизономъ. Однажды, когда онъ собиралъ подать съ кочевниковъ и послѣ сборовъ вернулся въ крѣпость, на нее ночью напали ваханскіе и канджутскіе разбойники; это было въ 1864 году. Укрѣпленіе было разрушено, а Базай и его гарнизонъ были мученически убиты и похоронены на этомъ мѣстѣ, гдѣ впослѣдствіи въ память Базай-и-датхи и поставленъ былъ кокандцами этотъ памятникъ, носящій названіе Базай-и-Гумбезъ, т. е. могила Базая.

— А знаете ли что, господа? вѣдь мы недалеко отъ перевала Ионова ¹⁾, гдѣ нашъ начальникъ отряда чуть не погибъ въ 1891 году, отыскивая его,—сказалъ намъ полковникъ разѣзда.—Мы здѣсь днюемъ, и я бы вамъ совѣтовалъ проѣхаться и осмотрѣть его—говорятъ, это самый красивый и самый высокій изъ всѣхъ переваловъ (23.000 ф.), да, кромѣ того, онъ представляетъ собою прямой путь въ Индію; съ него берутъ начало истоки рѣки Инда.

Я не замедлилъ выразить желаніе отправиться на переваль—эсаулъ обѣщаль составить мнѣ компанію. Пообѣдавъ и давъ отдохнуть лошадямъ, мы отправились въ путь. Сильно изломанная, узкая тропа, извиваясь, поднимается вверхъ по почти отвѣсному скату горы. Съ правой и съ лѣвой стороны высятся огромныя голыя скалы какъ бы вылитыя изъ чугуна, а внизъ и взглянуть страшно, тѣмъ болѣе, что ѣхать пришлось по самому краю обрыва, на днѣ котораго бѣжитъ быстрая рѣка, откуда доносились до насъ какъ бы раскаты грома. Это гремѣли катящіеся по дну рѣки камни, увлекаемые исполинскою силою потока. Шумъ рѣки соответственно суживанію ущелья все усиливался и наконецъ дошелъ до того, что я не слышалъ даже самаго громкаго собственнаго крика. Великолѣпная сочная трава покрывала весь нашъ путь, и цѣлый коверъ цвѣтовъ ласкалъ мой, утомленный однообразіемъ, взоръ. Въ одномъ мѣстѣ, подъ отвѣсною, закутанною въ облака, горою, намъ попались три небольшія строенія, изъ нихъ два безъ крышъ. Строенія эти были безъ всякой связи сложены изъ камня. Въ этихъ первобытныхъ жилищахъ пріютилось нѣсколько ваханцевъ. Живутъ они очень бѣдно; нѣсколько барановъ составляли все ихъ богатство. Едва поравнялись мы съ этими убогими строеніями, какъ оттуда вышло нѣсколько ваханцевъ съ накинутыми на плечи лохмотьями. Они протягивали къ намъ руки и просили милостыни. Какъ удалось мнѣ узнать, эти люди бѣжали въ дебри Памира отъ афганскихъ казней и принуждены скрываться здѣсь, питаются дичиною и разными корнями. Большинство изъ нихъ занимается разбоемъ, нападая на заплутавшіеся караваны, а очень небольшая часть сѣетъ даже пшеницу, но этимъ могутъ заниматься только жители Вахана, такъ какъ хлѣбъ не вызрѣваетъ выше 9.000 футовъ. Вообще, ваханцы—рослый красивый народъ, принадлежащій къ арійской расѣ, находятся почти въ дикомъ состояніи и живутъ по долинамъ Ваханъ-Дарьи. Длинные волосы, черные какъ смоль, блестящими локонами спадаютъ по плечамъ. Большіе черные глаза, окаймленные широкими, сросшимися надъ переносицей, бровями и носъ съ небольшою горбинкою придаютъ имъ весьма суровый и хищный видъ. Они очень напоминаютъ своей внѣшностью афганцевъ, хотя

¹⁾ Сухеураватъ—названіе по разспроснымъ свѣдѣніямъ до открытія перевала полковникомъ Ионовымъ.

несравненно красивѣе послѣднихъ. Рѣчь ваханцевъ до того мелодична, и они такъ пріятно владѣютъ языкомъ, что мнѣ казалось, что предо мною одичалые французы, и только хорошо вслушавшись, я различилъ азіатское нарѣчіе. Ловкость въ ваханцѣ развита необыкновенно. На моихъ глазахъ одинъ изъ нихъ поймалъ сидѣвшую птицу (грифа). Что за чудное зрѣлище было, когда полуголый дикарь, почти приникнувъ къ землѣ, безъ всякаго шума, переползая по скаламъ, подкрадывался къ намѣченной жертвѣ и вдругъ, не давъ ей опомниться, схватилъ еѣ руками. Кромѣ ловкости, ваханцы еще неутомимые ходоки и на протяженіи 10 верстъ не отстаютъ отъ бѣгущей лошади. Ваханскія женщины отличаются необыкновенной красотою. Это настоящія восточныя красавицы, какихъ мы видимъ лишь на рисункахъ и которыхъ рѣдко встрѣчаемъ въ нашихъ средне-азіатскихъ областяхъ Туркестанскаго края. Я долго издали любовался молодою ваханкой, смотрѣвшей на меня своими большими черными, съ поволокой, глазами, но, когда я подошелъ къ ней ближе, чувство отвращенія овладѣло всѣмъ моимъ существомъ. Красавица была такъ грязна и издавала такой ужасный запахъ, что я скорѣе отвернулся отъ нея; впечатлѣніе, которое произвела на меня ея красота, сразу уступило чувству омерзѣнія.

Оставивъ Ташъ-хану, гдѣ оставаться на болѣе продолжительное время было невозможно, такъ какъ ни намъ, ни лошадямъ не давали покоя комары и мошки, мы двинулись дальше. Удушье на высотѣ 19.000 футовъ настолько ощутительно, что удивляешься, какъ можно въ подобныхъ мѣстахъ жить болѣе или менѣе продолжительное время. Я положительно задыхался, и только намѣреніе преодолѣть во что бы то ни стало этотъ высокій перевалъ удерживало меня, чтобы не вернуться обратно. Подъемъ на самый перевалъ былъ ужасенъ. Сначала на высотѣ 20.000 футовъ съ трудомъ, проваливаясь, шли мы по рыхлому снѣгу, затѣмъ, поднявшись выше, полѣзли безъ всякаго признака тропинки. Съ большими затрудненіями достигли мы, ведя въ поводу лошадей, до ледниковъ, по которымъ со всѣхъ сторонъ текла вода, и, выбравъ болѣе или менѣе сухое мѣстечко, рѣшили переночевать здѣсь. Съ помощью захваченнаго терескена мы развели огонь и согрѣли воду, которую намъ удалось скипятить въ 5 минутъ, но за то чай почти не заваривался. Это явленіе объяснялось той значительной высотой, на которой мы находились. Привязавъ лошадямъ торбы съ ячменемъ, мы кое-какъ продремали до разсвѣта, и едва забрезжилъ первый лучъ, какъ мы полѣзли на вышку перевала (23.000 ф.). На этотъ самый мѣстѣ чуть не погибъ полковникъ Іоновъ, когда, застигнутый на вышкѣ перевала вьюгой, онъ съ своими казаками не могъ двинуться ни впередъ, ни назадъ. Самъ начальникъ отряда, голодая вмѣстѣ съ казаками въ теченіе пяти дней, согрѣвался, лежа между казаками, и всѣ они погибли бы, если бы одинъ изъ нашихъ офицеровъ случайно не отыскалъ пропавшій развѣздъ.

Выпика перевала представляет собою огромную массу снѣга, окруженную небольшими снѣжными холмами. Осмотрѣвъ переваль и записавъ температуру — 2°, мы двинулись обратно и къ вечеру были въ лагерѣ. Надо было дать отдохнуть лошадямъ, такъ какъ на слѣдующій день разъѣздъ выступалъ дальше.

Черезъ два дня мы были на Акъ-тапѣ. Я отправился посмотреть на китайское укрѣпленіе, но отъ него не осталось и слѣда. Оказалось, что для разрушенія его была выслана съ Мургаба вторая рота.

— А что китайцы были здѣсь? — спросилъ я киргиза, аульнаго старшину.

— Были, тыксыръ, были, — сказалъ онъ мнѣ.

— Ну, и что видѣли, что сдѣлали наши съ ихъ крѣпостью?

— Видѣли, — отвѣчалъ киргизъ, и ихъ джандаринъ очень сердился и говорилъ, что лишь только вы уйдете съ Памира, то они все равно здѣсь новую крѣпость построятъ.

Вообще дипломатія китайцевъ меня забавляла, они играли съ нами въ прятки. Лишь только мы оставляли какой либо пунктъ, они сейчасъ же появлялись тамъ, но лишь отрядъ выступалъ, чтобы прогнать ихъ, они наканунѣ, предупрежденные киргизами, исчезали. Наконецъ, наше скитаніе по дебрямъ Памира окончилось, мы прибыли на Мургабъ и соединились съ главными силами отряда.

XIV.

— Ну, что рѣшенъ вопросъ, гдѣ поставить укрѣпленіе? — спросилъ я военнаго инженера Серебренникова, входя къ нему въ палатку.

— Да, слава Богу, съ этимъ порѣшили, и теперь остается повозиться надъ выработкой типа зимнихъ помѣщеній.

Онъ отложилъ въ сторону планшетъ и карандашъ и, предложивъ мнѣ походный табуретъ, усѣлся на кровать. Въ палаткѣ было немного душно, и пришлось поднять два противоположныя полотнища, чтобы продувало.

— Вотъ подлый климатъ, — сказалъ капитанъ, — сегодня лѣто, завтра зима, а тамъ навѣрное и дождь будетъ.

— Да, скверно, — согласился я: — не знаешь, во что одѣться, если уходишь версты за двѣ отъ укрѣпленія. Такъ гдѣ же будетъ поставлено укрѣпленіе?

Капитанъ взялъ карту и сталъ мнѣ объяснять географическое и стратегическое положеніе будущей крѣпости.

— Вотъ, видите ли, рѣка Мургабъ, а тутъ въ него впадаютъ Акъ-Су и Акъ-Байталъ, т. е. скорѣе не впадаютъ, а всѣ три рѣки сливаются, образуя Мургабъ. Вотъ тутъ около кладбища Кара-Гуль,

на обрывѣ къ рѣкѣ Мургабу, высотой 8—10 сажень. Находясь такимъ образомъ въ центрѣ Памирской территоріи, оно приобретаетъ еще одно огромное значеніе тѣмъ, что ляжетъ въ узлѣ славныхъ Памирскихъ дорогъ, такъ что пройти по Памирамъ, миновавъ его, хотя и возможно, но очень затруднительно. Если васъ интересуетъ, я познакомлю васъ съ проектомъ тѣхъ хоромъ, въ которыхъ, быть можетъ, и вамъ придется прожить эту зиму.

— Пожалуйста, это очень любопытно.

— Видите ли, я еще не окончательно рѣшилъ прибѣгнуть къ этому типу помѣщеній, но такъ какъ, сколько я ни ѣздилъ и ни искалъ и вблизи не нашелъ подходящаго строительнаго матеріала, то пока остановился на слѣдующемъ. Хочу я утилизировать юрты для помѣщенія въ нихъ и гарнизона и офицеровъ, кухни, лазарета и т. п. Для этой цѣли будетъ поставлена юрта и вокругъ нея пять юртъ меньшей величины, которыя, непосредственно прилегая къ средней, соединятся съ послѣдней проходами. Такимъ образомъ образуется улитка съ однимъ только входомъ. Въмѣсто кроватей предполагаются нары, которыми будетъ служить земля, т. е. посреди каждой юрты сдѣлается углубленіе. Печи, конечно, желѣзныя придется дѣлать здѣсь же изъ привезеннаго желѣза. Такихъ улитоковъ поставимъ по числу людей, рассчитывая каждую на взводъ. Теперь вопросъ остается открытымъ, какъ заслонить эти строенія отъ сильнаго вѣтра и снѣга. Этотъ вопросъ я разрѣшилъ такимъ образомъ: крыши юртъ завалить терескеномъ и густо смазать все глиной, а также и бока, къ которымъ присыпать песокъ и такимъ образомъ, чтобы образовался откосъ градусовъ въ 45. Я вполне убѣжденъ, что эти строенія, за невозможностію пока построить что либо капитальнѣе, будутъ вполне сносными для привыкшихъ уже къ невгодамъ людей. Одно досадно, что до сихъ поръ не извѣстно, сколько человѣкъ остается зимовать, и это очень затрудняетъ составленіе окончательныхъ проектовъ. Что касается печей для выпеканія хлѣба, то онѣ останутся такими же, какъ и теперь, но также будутъ прикрыты юртою. Какъ нибудь ужъ эту зиму пробьемся, ничего не подѣлать, вѣдь спали на снѣгу и подъ палатками, а на будущій годъ ужъ выстроимъ болѣе капитальныя строенія. Ужасная досада, что лѣса нѣтъ. Ѣздилъ я на Кудару и недалеко отъ зимовокъ памирскаго разбойника Сахипъ-Назара нашелъ березу и тополь, но они очень коротки и непригодны къ постройкѣ, да наконецъ и перевозка оттуда весьма тяжела. Вотъ съ рѣчки Джанъ-Каинды удалось привезти нѣсколько деревьевъ, тоже неважныхъ. Но за то сколько лошадей они намъ и стоили!

— А что много развѣ издохло?

— Да штукъ семь и въ два раза болѣе искалѣчено. Особенно тяжело досталось бѣднымъ лошадамъ при переправѣ черезъ перевалъ Пшартъ. Да и не мудрено. Лѣсины привязывались къ лоша-

дямъ въ родѣ оглобель, у которыхъ одинъ конецъ волочился по землѣ; конечно, это не легко, но другимъ способомъ никакъ не перевезешь.

— Да, съ такимъ строительнымъ матеріаломъ трудновато будетъ сооружать зданія,—сказалъ я.

Въ палатку вошелъ денщикъ и поставилъ на землю мѣдный чайникъ.

— Чайку, съ коньякомъ?—предложилъ мнѣ капитанъ.

Я не отказался.

Мало-по-малу въ палатку капитана собралось еще нѣсколько человѣкъ; всѣ любили симпатичнаго Адріана Георгіевича и охотно навѣщали его. Онъ всегда относился ровно ко всѣмъ и никогда не имѣлъ враговъ.

— Такъ завтра работаемъ?—спросилъ кто-то.

— Да завтра, господа, завтра,—сказалъ капитанъ, наливая въ кружки, въ глиняныя чашки и жестяные стаканы чай и угощая собравшихся коньячкомъ.

Раздался сигналъ, и музыка грянула маршъ.

— Ну, вотъ и обѣдъ наконецъ!

Всѣ стали и толпою направились въ общую столовую.

На другой день, чуть свѣтъ, отрядъ, вооруженный въ боевую амуницію, съ лопатами, кирками и носилками отправился къ мѣсту работы; всѣ люди были рассчитаны на двѣ смѣны: одна оставалась въ лагерѣ, а другая работала до обѣда, затѣмъ возвращалась, и мѣсто ея заступала вторая смѣна. Офицеры и унтеръ-офицеры наблюдали за рабочими, которые рѣзали на берегу дернъ, производили трассировку и копали рвы. Работа кипѣла дружно, и сердце радовалось при видѣ этихъ сотенъ людей, сооружающихъ на крышѣ міра уголокъ, въ которомъ придется имъ провести суровую зиму, и откуда русскій флагъ, какъ доказательство могущества Россіи, будетъ виденъ всему свѣту. Изъ дня въ день кипѣла работа, и укрѣпленіе незамѣтно выросло. Къ 25-му августа фасы были готовы, ровъ очищенъ, устроены барбеты для пулеметовъ. По типу своему укрѣпленіе это представляло редутъ усиленной полевой профили, почти квадратной формы, съ барбетами въ двухъ переднихъ углахъ для пулеметовъ и орудій. Впослѣдствіи, вмѣсто улитокъ, военнымъ инженеромъ Серебренниковымъ, съ помощію только небольшого гарнизона Памирскаго поста, были сооружены полууглубленныя землянки, каждая на полуроту, удобно приспособленныя для помѣщенія нижнихъ чиновъ гарнизона и сложенныя изъ сырцоваго кирпича, съ достаточнымъ количествомъ свѣта. Надъ землею онѣ возвышались немного менѣе 2 аршинъ и, благодаря великолѣпно устроеннымъ печамъ и крышѣ, вполне защищаютъ живущихъ въ нихъ отъ холода и сырости, о чемъ вполне свидѣтельствуетъ хорошее состояніе здоровья чиновъ Памирскаго гарнизона. Лазаретъ и кухня на-

ходятся въ двухъ отдѣльныхъ зданіяхъ, поставленныхъ надъ землею также изъ сырцового кирпича. Кромѣ этихъ зданій, тамъ же поставленъ флигель (надъ землею), служащій жилищемъ для офицеровъ, имѣющихъ въ немъ каждый по отдѣльной комнатѣ, за исключеніемъ начальника отряда, которому отведено ихъ двѣ. Офиперская столовая, замѣняющая собраніе, дополняла комфортъ Памирскаго жилища. Складъ вещей, пороховой погребъ и метеорологическая будка находятся также въ укрѣпленіи, а внѣ его построена только баня. Всѣ зданія и само укрѣпленіе капитально выстроены, какъ я уже сказалъ выше, по проекту и подъ руководствомъ военнаго инженера Серебренникова, имя котораго останется памятнымъ въ исторіи присоединенія Памира; онъ, при невѣроятнo тяжелыхъ условіяхъ, построилъ первое русское укрѣпленіе на «крышѣ міра», которое явилось на Памирѣ истиннымъ чудомъ. Шведскій путешественникъ Свенъ-Гединъ, долго работавшій на Памирѣ, неоднократно посѣщалъ наше укрѣпленіе и слѣдующимъ образомъ отзывается о немъ въ своихъ корреспонденціяхъ въ «Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ». «Крѣпость,—говоритъ онъ,—выстроена удивительно хорошо и практично и дѣлаетъ честь офицерамъ, которымъ принадлежитъ инициатива въ этомъ дѣлѣ. Я увѣренъ, что пришлось преодолѣть громадныя затрудненія, чтобы достичь до этого великолѣпнаго конца, который свидѣтельствуетъ, что значить энергія и предприимчивость»...

Начальникъ инженеровъ Туркестанскаго военнаго округа, генералъ-майоръ Клименко, въ августѣ 1894 года, осматривалъ постройки Памирскаго укрѣпленія ¹⁾ и нашелъ, что «всѣ выполненныя войсками работы по возведенію укрѣпленнаго поста, съ зимними бараками и землянками, вполне удовлетворительны и заслуживаютъ величайшей похвалы, особенно за выполненіе такихъ работъ въ самый короткій срокъ, съ 23 іюля по 31 октября 1893 года, при весьма ограниченномъ числѣ рабочихъ рукъ». Въ настоящее время около укрѣпленія раскинулся небольшой базарчикъ, гдѣ продаются, привезенные изъ Ферганы, необходимые жизненные продукты.

Погода вдругъ рѣзко измѣнилась и сдѣлалась отвратительной, каждый день шелъ снѣгъ, по ночамъ вездѣ замерзала вода, начались непогоды, а о нашей участи ничего не было извѣстно, будемъ ли мы зимовать всѣ, или часть возвращается въ Фергану.

«Вѣдь это чортъ знаетъ что такое»,—ворчали мы. При такомъ положеніи дѣлъ, если продлится еще съ недѣлю наше неопредѣленное положеніе, и мы будемъ оставлены здѣсь на зиму, то ничего не удастся выписать изъ Маргелана—перевалы закроются, а между

¹⁾ Капитанъ военный инженеръ Серебренниковъ производилъ постройки на Памирѣ въ концѣ 1892 года и въ 1893 и въ 1894 годахъ. Кромѣ того, статья его «О строительныхъ матеріалахъ на Памирѣ», помѣщенная въ «Вѣсно-инженерномъ журналѣ» въ 1895 году, удостоена была преміи.

тѣмъ на насъ остались лохмотья. Всѣ бродили пасмурные и ругались на свою судьбу. Только 23 августа вопросъ разрѣшился: было получено предписаніе оставить 160 человѣкъ пѣхоты, 40 казаковъ и 8 офицеровъ, остальнымъ же возвращаться въ Маргеланъ.

Задавъ обѣдъ остающимся товарищамъ, отрядъ 25 августа двинулся на озеро Шортъ-куль (12.300 ф.).

«Ну, вотъ, слава Богу, и обратно», думалъ каждый, «по горло надобно это сидѣнье на одномъ мѣстѣ». Грустны были лица у оставленныхъ солдатиковъ; они считали себя приговоренными къ смерти тѣмъ болѣе, что о памирскихъ морозахъ киргизы рассказывали всевозможные ужасы. Остались они въ полной готовности бороться съ суровою природою Памира, устроивая себѣ своими руками зимнія жилища, безъ достаточнаго количества теплой одежды и запасовъ, безъ ропота, съ полнымъ сознаніемъ своего долга и убѣжденіемъ, что за Богомъ молитва и за царемъ служба не пропадаютъ.

XV.

21-го сентября, послѣ долгаго скитанія по горамъ и доламъ Памира, отрядъ вступилъ въ г. Маргеланъ.

Рваная обувь, истрепанная одежда, измученныя лица, свидѣтельствовавши о томъ, что перенесли солдаты за этотъ тяжелый походъ. Но каково было тѣмъ, которые остались зимовать на «крышѣ міра».

Скучно и однообразно тянулись дни на Памирскомъ посту. Работы по сооруженію улитоковъ, заготовка терескену на зиму и другія работы занимали большую половину дня. Почта приходила разъ въ недѣлю, и всѣ съ жадностью хватались за письма и газеты, читая въ нихъ новости, совершавшіяся полтора мѣсяца тому назадъ. Наконецъ, прибылъ и начальникъ гарнизона, капитанъ генеральнаго штаба Кузнецовъ. Произвелъ смотръ, и все опять втянулось въ старую колею. Въ началѣ октября мѣсяца вдругъ выпалъ глубокій снѣгъ, покрывъ своею пеленою и укрѣпленіе, и юрты. Температура замѣтно падала, наступили морозы, прибылъ и транспортъ, доставившій все необходимое шаджанцамъ, а вслѣдъ за нимъ закрылись и перевалы. Сообщение было прекращено, почта не приходила, и небольшая семья шаджанцевъ мирно зажила своею сѣренькою жизнью, отрѣзанная отъ всего міра громадною снѣжною стѣною. Морозы все усиливались, и Памирская зима разразилась со всѣми своими вьюгами и метелями. Ежедневно на ближайшую высоту высылались наблюдательный постъ, на случай появленія противника, были отправлены разъѣзды въ сторону афганцевъ, но все было тихо, никто не появлялся, да и кому бы въ голову пришло двинуться теперь въ походъ, когда изъ юрты носу высунуть нельзя, а если вы-

ходить на воздухъ, то только развѣ по службѣ. Хлѣбъ пекли хороший, супъ съ консервами или щи изъ сушеной капусты были великолѣпны, баранина имѣлась своя, водка, вина и коньякъ были—чего же лучше? Даже книги и карты, всегдашніе спутники офицера въ походѣ, и тѣ имѣлись и разнообразили скучные длинные вечера.

Вотъ съ наступленіемъ сильныхъ морозовъ удушье сдѣлалось необыкновенно чувствительнымъ. Бывало во время сна хватаешься за грудь и чувствуешь, будто кто-то мощной рукой давить горло. Вскочишь, закричишь, но напрасно—еще хуже становится отъ движенія, наоборотъ нужно, по возможности, оставаться спокойнымъ, такъ какъ пароксизмъ удушья и безъ того былъ вызванъ рѣзкимъ движеніемъ во снѣ. Утромъ иногда во рту появлялась запекшаяся кровь, и многіе жаловались на необыкновенную слабость.

Наступили и дни Рождества Христова, и на «крышѣ міра» зажглась первая елка.

Заботами капитана Кузнецова раздобыли дерево, солдатики надѣлали украшеній, и свѣчи самодѣльные появились, и вотъ 24-го декабря въ одной изъ самыхъ большихъ юртъ поставили «елку», украсили ее и зажгли. Сколько торжества-то было! Гармошка, скрипка, гитара, все появилось на сцену, даже и спектакль, неизмѣнный «Царь Максимилианъ», сошелъ блестяще. По приказанію начальника гарнизона, была выдана водка и угощеніе для солдатъ, а офицерство по своему справляло этотъ торжественный день, ознаменовавъ его небольшою кутежкой.

Наступилъ и новый годъ, первый новый годъ, встрѣченный русскими на Памирѣ. Скромно встрѣтили его шаджанцы, пожелавъ другъ другу счастья и здоровья въ наступающемъ 1893 году. Уже нѣсколькихъ человѣкъ не досчитывали они, а недалеко отъ крѣпости уже успѣло вырасти маленькое шаджанское кладбище, пріютившее подъ свою сѣнь вѣчныхъ памирцевъ.

Ужасно тяжело дѣйствовала на всѣхъ въ укрѣпленіи смерть кого либо изъ членовъ отряда. Безъ священника, безъ обряда погребальнаго, хоронились покойники, провожаемые своими товарищами. Грустно было видѣть эту картину.

На рукахъ, въ сплетенной самими корзинѣ, несли шаджанцы погибшаго собрата. Уныло раздается нестройное пѣніе «Святый Боже!». Слезы выступаютъ изъ глазъ при звукѣ погребальнаго пѣнія. Вотъ и крестъ, наскоро сколоченный изъ оставшихся отъ построекъ брусковъ.

Положили покойника въ яму. Начальникъ отряда читаетъ отходную и провозглашаетъ вѣчную память, горнистъ играетъ погребенье, барабанъ бьетъ отбой.

Могила зарыта, и всѣ идутъ грустные, молчаливые, у каждого на душѣ, что вотъ-вотъ и его очередь скоро придеть.

Мало-по-малу привыкали памирцы къ зимовкѣ, и она уже ка-

залась имъ въ порядкѣ вещей. Но вотъ наступилъ мартъ. Стало замѣтно теплѣе. Перевалы одинъ за другимъ открывались, а вмѣстѣ съ ними возобновилось и почтовое сообщеніе. Цѣлая груда газетъ, писемъ, извѣстій, появилась въ укрѣпленіи, всѣ ожили, проіободрились въ надеждѣ скорой смѣны. Наступила и пасха. Въ страстную субботу все приводилось въ порядокъ, украшалось и готовилось къ параду. Куличи, пасха, все было заготовлено изъ навезеннаго киргизами молока, и вотъ надъ крышею міра впервые раздалось «Христосъ Воскресе». Салюты изъ пулеметовъ нарушили тишину, царившую надъ укрѣпленіемъ. Первый разъ слышали сѣдоглавыя вершины этотъ радостный возгласъ, и онѣ, освѣщенные весеннимъ солнцемъ, будто вторили горсточкѣ православныхъ воиновъ, собравшихся у подножія ихъ. «Воистину Воскресе!» будто отвѣчало эхо ихъ черныхъ ущелій. Пасхальный парадъ, затѣмъ христованіе офицеровъ съ солдатами, питье водки, пляска, гармонія и разныя солдатскія игры, длились три дня, а потомъ наступили и занятія. Во время зимы, когда гарнизонъ не могъ производить строевыхъ ученій, благодаря суровой погодѣ, офицеры занимались словесными занятіями съ нижними чинами, но лишь только наступили первые дни весны, какъ наступили правильныя занятія. Маршировка, гимнастика, ротныя ученія, разсыпной строй, а параллельно съ тѣмъ стрѣльба и сторожевая служба велись самымъ исправнымъ образомъ. Начальникъ отряда, заботившійся, какъ отецъ, о солдатахъ, былъ требователенъ къ службѣ.

Отрадно было видѣть, какъ любили солдаты капитана Кузнецова, пріятно было слышать отзывы ихъ о своемъ начальникѣ. «Капитанъ нашъ—отецъ»,—говорили шаджанцы. Сами солдаты, помимо начальства, собрали деньги и поднесли пашку на память своему командиру съ надписью. Тронутый капитанъ съ благодарностію принялъ подарокъ, но вернулъ затраченные деньги солдатикамъ. Но вотъ наступилъ май мѣсяцъ, и афганцы стали появляться, тревожа казачьи пикеты, выставленные отрядомъ. Донесеніе за донесеніемъ летѣли съ Памирскаго поста, и, наконецъ, шаджанцы узнали, что изъ Маргелана выступаетъ большой отрядъ.

Въ іюль мѣсяцѣ, уже въ чинѣ генералъ-майора, прибылъ на Памирскій постъ Іоновъ въ качествѣ начальника памирскихъ отрядовъ, а въ долину Большого Алая вступилъ большой резервный отрядъ, состоящій изъ 2-го туркестанскаго линейнаго баталіона, конно-горной батареи и № 6 казачьяго Оренбургскаго полка, часть котораго и направилась къ Шаджанскому укрѣпленію.

Прибылъ на Памирскій постъ и смѣнный отрядъ, который долженъ былъ остаться на зимовку. Афганцы не переставали угрожать нападеніемъ на наши посты и намѣревались двинуть войска свои на наше укрѣпленіе—нужно было дать имъ серьезный отпоръ. Для этой цѣли генералъ Іоновъ предпринялъ цѣлый рядъ серіоз-

ныхъ рекогносцировокъ. По двумъ путямъ имъ были двинуты два отряда. Одинъ, подъ начальствомъ подполковника генеральнаго штаба Юденича, направился вверхъ по рѣкѣ Гунту, а другой, подъ начальствомъ капитана генеральнаго штаба Скерскаго, выступилъ 19-го іюля по рѣкѣ Шахъ-Дарѣ.

Ну, и досталось же шахдаринскому отряду. Путь его пролегалъ по искусственно устроеннымъ балконамъ, которые самими же солдатами устраивались высоко надъ бездонными пропастями. Многія лошади, теряя равновѣсіе, обрывались и падали въ ревущую рѣку. Въ нѣкоторыхъ мѣстнахъ, а иногда и по узкимъ карнизамъ, солдаты протаскивали на рукахъ вьюки, лошади разсѣдывались, такъ какъ въ очень узкихъ мѣстахъ онѣ не могли иначе проходить. Иногда ветхіе балконы не выдерживали тяжести даже пѣшаго человѣка, и пришлось приложить немало старанія, дабы хоть немного укрѣпить эти мѣста.

Вообще, горная часть Памира, прилегающая къ Шугнану, отличается неприступностью и суровостью природы. Спуски и подъемы крайне круты и неудобны и представляютъ собою огромное препятствіе путешественнику. Но невозможно умолчать о тѣхъ великолѣпныхъ видахъ, которые на каждомъ шагѣ встрѣчаются среди горныхъ тущей Шугнана. Тамъ природа, несмотря на свой мертвый колоритъ, отличается замѣчательнымъ разнообразіемъ. Громадные обломки скалъ громоздятся другъ надъ другомъ, а среди нихъ, шумя и разлетаясь въ миллионы брызгъ, падаетъ съ неимоверной высоты горный потокъ. Темная, голая скала, на которой гнѣздится узкій, чуть замѣтный карнизъ, мѣстами дополненный балконами, мрачно смотреть на движущихся солдатъ своею огромною массою, и какимъ ничтожествомъ кажется человѣкъ, ползущій по нимъ, въ сравненіи съ этой величественно-дикой природою.

Однимъ изъ живописнѣйшихъ мѣстъ въ Шугнанѣ является спускъ къ ущелью Кара-Донгъ, гдѣ узкая дорожка, извиваясь между камнями, то круто спускается, то поднимается надъ довольно глубокою пропастью, на днѣ которой красиво зеленѣются кустарники дикаго тальника.

— Афганцы, ваше высокоблагородіе, — доложилъ присланный изъ разѣзда казакъ.

— Далеко? — спросилъ начальникъ отряда.

— Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе, верстъ на пять отсюда. Значить, это у нихъ тамъ крѣпость поставлена, а они позицію вдоль берега Шахъ-Дары заняли и мостъ черезъ нее сломали.

— А какъ приблизительно много ихъ?

— Да такъ сотни съ три будетъ, ваше высокоблагородіе.

— Господа офицеры, приведите людей въ порядокъ, — скомандовалъ начальникъ отряда.

Быстро пѣхота подтянулась и двинулась дальше въ полномъ боевомъ порядкѣ. Всѣ ждали, что вотъ, вотъ наступитъ столь жданный моментъ. Лишь только отрядъ вышелъ изъ ущелья, предъ нимъ раскрылась довольно широкая равнина, спускавшаяся къ рѣкѣ Шахъ-Дарѣ. Мостъ оказался сломаннымъ. По другую сторону рѣки ясно различались афганцы, и виднѣлась ихъ крѣпость Рошъ-Кала. Отрядъ наступалъ шагомъ и только успѣлъ подойти къ рѣкѣ шаговъ на 400, какъ съ противоположнаго берега сорвались дымки, будто цѣлый рой пчелъ, прожужжали надъ головами пули, и въ догонку имъ раздался дружный залпъ афганцевъ.

Частый огонь изъ новыхъ мзгазинокъ заставилъ афганцевъ прекратить стрѣльбу и дать возможность нашимъ силамъ занять позицію. Подъ руководствомъ капитана Серебренникова, была выбрана и укрѣплена позиція, укрѣпление которой было, во-первыхъ, усложнено тѣмъ обстоятельствомъ, что афганцами были заняты командующія высоты, и она являлась открытой для непріятельскихъ выстрѣловъ, а, кромѣ того, грунтъ, представлявшій собою сплошной камень, не поддавался никакому инструменту, такъ что окопы пришлось устраивать изъ каменныхъ плитъ, которые хотя и предохраняли стрѣлковъ отъ пуль, зато давали осколки и были опасны не менѣе выстрѣловъ. Вотъ для устраненія такого неудобства военнымъ инженеромъ были утилизированы капы (мѣшки) съ ячменемъ и сухарями, замѣнявшіе наружный скатъ гласиса и вполне обезпечивавшіе стрѣлковъ отъ осколковъ. Когда же мѣшки опоражнивались отъ провіанта, то ихъ засыпали землею.

Время отъ времени, въ особенности во время работъ, афганцы открывали огонь, который иногда вырывалъ изъ строя людей. Щелкаетъ пуля о камень и, швырнувъ его, запоеетъ, какъ майскій жукъ, или застонетъ, увлекая цѣлый вѣеръ осколковъ камня. День и ночь тревожили афганцы отрядъ, а вступать съ ними въ бой было немислимо: какаянибудь полурота не могла одолѣть нѣсколько сотенъ противника; ожидали подкрѣпленія. Между тѣмъ, 18-го августа, афганцы съ утра не открывали огня, и вскорѣ было замѣчено, что крѣпость опустѣла. Оказалось, что, по предписанію Абдурахмана, они оставили позицію и удалились изъ Шугнана. 20-го августа, прибылъ и генералъ Іоновъ, а затѣмъ и подкрѣпленіе, и приказалъ возстановить мостъ.

Кое-какъ, съ помощью веревокъ и остатковъ дерева, связали висячій мостъ, который напоминалъ перекинутую чрезъ рѣку соломинку. По немъ одинъ за другимъ и переправились солдаты, а также перенесли кое-что изъ провіанта и фуража. Лошади были переправлены вплавъ, а часть груза и людей переправилась на гупсарахъ ¹⁾.

¹⁾ Гупсаръ—шкура животного, наполненная воздухомъ.

Отсюда отрядъ направился на встрѣчу отряду, слѣдовавшему рѣкою Гунтомъ, который также былъ задержанъ афганцами около селенія Ривака. Оба отряда встрѣтились около мѣстечка Харога, гдѣ и простояли до 15-го сентября, произведя частью силъ двѣ рекогносцировки: одну внизъ по рѣкѣ Пянджу до крѣпости Кала-и Вамаръ въ Рошанъ, которая и была занята, а другую вверхъ по той же рѣкѣ до аметистовыхъ копей.

Въ 20-хъ числахъ сентября, всѣ рекогносцировочныя партіи и отряды были уже на Памирскомъ посту, а съ 30-го сентября по 2-ое октября, сначала смѣнный, а затѣмъ резервный выступили обратно въ Фергану, оставивъ на Памирскомъ посту на зимовку новый отрядъ. Афганцы съ этого времени уже не появлялись въ нашихъ владѣніяхъ. Шугнанъ и Рошанъ были очищены отъ нихъ навсегда, и эмиръ Абдурахманъ обязался не переступать русской границы. Между Россією и Англіей завязались дипломатическіе переговоры о проведеніи новой границы между русско-афганскими владѣніями, и обѣ державы въ 1895 году выслали своихъ комиссаровъ на раздѣлъ «крыши міра». Памирскимъ походомъ заканчивается окончательное завоеваніе Средней Азіи¹⁾. Этотъ походъ является однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ походовъ въ смыслѣ климатическихъ условій, а также служить краснорѣчивымъ доказательствомъ, что нѣтъ такой преграды, черезъ которую бы не перешелъ русскій воинъ.

Борисъ Тагѣевъ.

¹⁾ Въ память этого въ 1896 году отчеканена медаль: съ лицевой стороны изображены 4 вепзеля «Николай I, Александръ II, Александръ III, Николай II», а съ лѣвой—«за походы въ Средней Азіи съ 1853—1895 гг.» для ношенія на георгіевско-владимірской лентѣ.